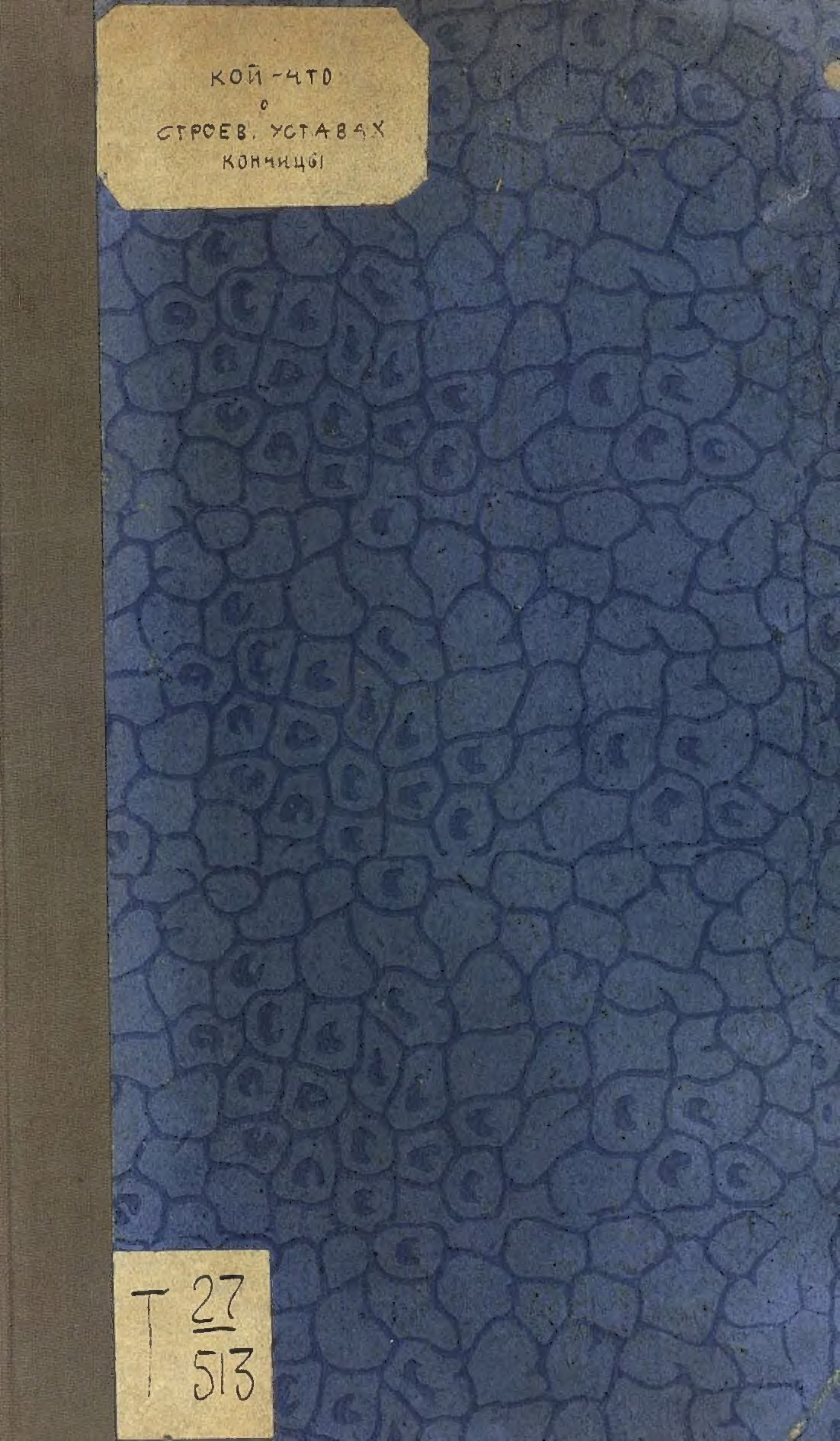
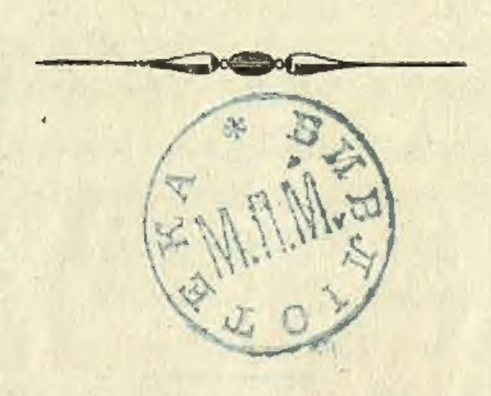

КОЙ-ЧТО
о
СТРОЕВ. УСТАВАХ
КОННИЦЫ

КОЙ-ЧТО

О СТРОЕВЫХЪ УСТАВАХЪ

КОННИЦЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1884.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КОЙ-ЧТО О СТРОЕВЫХЪ УСТАВАХЪ КОННИЦЫ.

Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что теперь, по переформированіи всей конницы въ драгуны, обученіе солдата значительно осложнилось вслѣдствіе необходимости выучить его дѣйствовать одинаково хорошо какъ на конѣ, такъ и пѣшкомъ; а такъ какъ въ уставахъ, вслѣдствіе ли новизны дѣла, вслѣдствіе ли разновременныхъ дополненій различныхъ частей его, вслѣдствіе ли наконецъ случайныхъ недосмотровъ—набралось очень много лишняго, то было бы крайне желательно, отбросивъ все лишнее, употребить выигранное такимъ образомъ время на изученіе необходимаго. Разсмотримъ всѣ занятія, начиная съ одиночной выправки человѣка и лошади.

I. Мундштуки и уздечки.

Объ этомъ говорили и спорили уже такъ много, что просто и говорить больше нечего; припомнимъ только слѣдующее: 1) Лошадь начинаютъ выѣзжать на уздечкѣ и уздечкой подготовляютъ къ мундштуку. 2) Лошадь, которая начинаетъ брать разныя скверныя привычки и оказывать неповиновеніе мундштуку, приходится отъѣзживать и вновь подъучать на уздечкѣ. 3) Лошадь слушается мундштука до тѣхъ поръ, пока сама желаетъ этого и имѣетъ много способовъ парализовать дѣйствіе мундштука, напр., вытягиваетъ одинъ поводъ, захватываетъ мундштукъ губою, перекидываетъ языкъ и т. д., отъ каковыхъ продѣлокъ нельзя отъучить даже и уздечкой, если не захватить ихъ во время: а) При *вытягиваніи повода*, или, какъ иные зовутъ, при *отдѣлываніи* отъ повода, что по моему и вѣрнѣе, лошадь начинаетъ держать голову направо (или налѣво) какъ пристяжная, и такъ и уходитъ съ этой привычкой въ бракъ, гдѣ продолжаетъ держать такъ голову даже и въ упряжи. Это происходитъ, по толкованію знающихъ людей, отъ того, что одна изъ нижнихъ десенъ (правая или лѣвая) болѣе чувствительна къ дѣйствію мундштука и лошадь, желая сберечь эту чувствительную часть, вытягиваетъ соотвѣтственный (правый или лѣвый)

поводъ, который, сдѣлавшись длиннѣе противоположнаго повода, начинаетъ висѣть свободно и ослабляетъ дѣйствіе мундштука на чувствительную десну; почему слѣдуетъ, по мнѣнію тѣхъ же людей, отъѣздить лошадь на уздечкѣ слѣдующимъ маннеромъ: если лошадь держитъ голову направо (значитъ болѣе чувствительная у ней лѣвая десна), то надо правый поводъ держать неподвижно, а лѣвымъ слегка отрабатывать, т. е. отзывать, при чемъ, постепеннымъ давленіемъ на чувствительную десну, ее пріучаютъ переносить давленіе мундштука. Иной разъ это достигало цѣли, а другой разъ нѣтъ, и напротивъ, лошадь дѣлалась еще хуже, что крайне досадовало меня. Какъ же, думаю себѣ,—правило извѣстное, примѣняешь его съ полнымъ усердіемъ—и вдругъ оно смѣетъ не приносить непреложныхъ результатовъ, и желая отплатить лошади, ставящей меня въ такое неловкое положеніе, я говорилъ: «А, у тебя лѣвая десна слишкомъ нѣжная, такъ вотъ же тебѣ»! и начиналъ сильно, отрывисто дергать лѣвымъ поводомъ, чтобы ей больше досталось по нѣжной деснѣ; причемъ заодно уже набиралъ немного туже и правый поводъ; но сталъ замѣчать съ удивленіемъ, что лошадь не оказываетъ никакого особеннаго неудовольствія за это, а при ѣздѣ на мундштукѣ сталъ замѣчать, что несмотря на то, что лѣвый поводъ значительно длиннѣе (потому, что при держаніи головы направо ему приходится огибать дугообразную линію), а правый поводъ разумѣется короче (потому, что нельзя же оставлять его болтающимся, а нѣтъ, нѣтъ и подберешь его); все же таки лѣвый поводъ оказывается натянутымъ гораздо ту́же праваго, что по тщательнымъ наблюденіямъ происходило вовсе не отъ меня, а отъ старанія самой лошади. Что за притча? «Ну, погоди же ты мнѣ»! Возьмешь и нарочно подтянешь этотъ правый поводъ еще короче, на сколько возможно короче,—начнешь ѣздить и смотришь уже во всѣ глаза на кулакъ, чтобы не сдвинуть его какъ нибудь съ узаконенной точки—черезъ нѣсколько секундъ, глядь—кулакъ на мѣстѣ, а съ поводьями опять та же исторія: лѣвый (т. е. на больной сторонѣ) оказывается еще ту́же натянутымъ, а правый (это только что укороченный) оказывается слабо натянутымъ, чуть-что не болтается. Наконецъ посредствомъ долгихъ наблюденій удалось напасть на то, что *чувствительною* оказывается вовсе не лѣвая десна, а правая, и что лошадь, поворотивъ голову направо, выставляетъ тѣмъ самымъ нѣсколько впередъ лѣвую, здоровую десну, на которой поневолѣ сосредоточивается тогда все давленіе мундштука, при чемъ правая, больная, освобождается отъ давленія; а потому сколько ни выравнивай и ни подтягивай праваго повода, лошадь чуточку сдастъ голову направо, и правый поводъ ослабнетъ опять на счетъ лѣваго, который натянется при этомъ еще ту́же. Мнѣ пришлось выиграть нѣсколько пари на всей этой исторіи. Поэтому работанье лѣвымъ поводомъ на уздечкѣ (о которомъ я говорилъ въ началѣ) достигало цѣли только тогда, когда у лошади слу-

чайная боль въ деснѣ, обнаружить каковую простымъ осмотромъ бываетъ иногда почти невозможно, т. е. помогало собственно не работанье лѣвымъ поводомъ, а просто случайная боль проходила и лошадь могла опять переносить давленіе мундштука обѣими деснами одинаково. Но если чувствительность десны происходитъ отъ органическаго недостатка, напр. отъ слишкомъ заостреннаго положенія верхняго края челюстной кости, который какъ бы рѣжетъ надавливаемую на него мундштукомъ десну, или что нибудь въ этомъ родѣ, то тутъ никакимъ работаньемъ поводьевъ не поможешь; этимъ роботаньемъ производишь только постоянное раздраженіе десны, дѣлаешь лошадь все упрямѣе и неподатливѣе и не добьешься никакого толку; тутъ есть только одно средство, которое слѣдуетъ примѣнить безъ всякихъ разговоровъ: надо поскорѣе наколоть булавкой, или вообще причинить какую нибудь довольно серьезную боль здоровой деснѣ и не переставать ѣздить каждый день, при чемъ лошадь поневолѣ будетъ оберегать болѣе больную сторону (положимъ, правую) и сама пріучитъ лѣвую челюсть (бывшую чувствительную) къ давленію мундштука. Если заостреніе челюстной кости слишкомъ велико, то появляется опухоль десны, которая проходитъ скоро; иногда появляется, даже, нарывъ, который созрѣвши лопается, и переработанная послѣ этого мясная ткань десны не боится уже заостренія кости, которое тоже, надо полагать, нѣсколько округляется и притупляется послѣ нарыва; но ѣзду слѣдуетъ производить все время, не переставая (на мундштукѣ), разумѣется болѣе осторожно, ну, тамъ—хлѣба давать лошади и т. д.—и послѣ этого скверной привычки какъ не бывало. Многіе берейторы знаютъ это средство, но въ глаза называютъ его варварскимъ, а за глаза употребляютъ его преисправно, такъ какъ знаютъ, что другаго средства отъ этой привычки нѣтъ и что болтаніе поводьями продѣлывается только для поддержанія своего искусства. Но возиться такимъ манеромъ можно только съ собственными лошадьми, да и то въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, когда свободнаго времени больше, а когда приходится отгонять каждый Божій день 150 лошадей, то уже не до этого, и продѣлывать сказанную штуку можно было развѣ-что только съ одной или двумя слишкомъ показными лошадьми, а потому въ каждомъ эскадронѣ, да особенно еще со времени введенія короткихъ сроковъ службы, такихъ лошадей оказывается очень много, и число ихъ увеличивается изъ года въ годъ; на нихъ можно продѣлать всю манежную ѣзду на одномъ поводѣ, потому-что онѣ видятъ то, что дѣлаютъ сосѣднія лошади и потому-что отлично понимаютъ всѣ команды и сигналы не хуже насъ съ вами, только не тревожте и несердите ихъ. Но всю ѣзду можно продѣлать и безъ поводьевъ, однимъ уклоненіемъ корпуса и шенкелями, что еще разъ доказываетъ, что можно пріучить лошадь ко всему и безъ мундштука и что она будетъ исполнять все, пока пожелаетъ,—а разъ не пожелаетъ, то заставить ее, разу

мѣется, можно—но только не мундштукомъ. Про вытягиванье повода и сопряженныя съ нимъ маяты не можетъ быть и рѣчи при ѣздѣ на уздечкѣ, потому-что уздечка лежитъ не на дёснахъ (на такъ называемомъ беззубомъ краѣ), а гораздо выше, и если пригнана вполнѣ правильно, то должна приходиться какъ разъ въ углахъ губъ; если лошадь начинаетъ держать иногда голову въ сторону и на уздечкѣ, т. е. коситъ поводьями, и если это капризъ, а не боль въ губѣ, то отъучить ее отъ этого въ одно ученье—самое пустое дѣло. б) *Захватъ мундштука губою*, кромѣ того, что весьма некрасивъ и даже неприличенъ для глаза, потому-что губа, желая захватить боковую щечку мундштука, выворачивается и выставляетъ наружу свою красную подкладку, но это въ значительной степени затрудняетъ правильное управленіе лошадью; отъучить отъ этой привычки нельзя и при неосторожномъ обращеніи можно серьезно поранить губу лошади. А при ѣздѣ на уздечкѣ подобная продѣлка лошади немыслима, да и не нужна ей вовсе. в) *Перекидыванье языка.* У всякой лошади является весьма естественное желаніе,—выплюнуть какую-то попавшую ей въ ротъ постороннюю вещь, что она и старается исполнить съ самыхъ первыхъ уроковъ выѣздки, и вотъ она начинаетъ выдѣлывать языкомъ всевозможныя штуки; но затѣмъ большинство лошадей привыкаютъ къ этому чувству, а иныя, болѣе хитрыя, ни за что; но кромѣ того имѣются еще и болѣе серьезныя причины, развивающія привычку перекидывать языкъ. Мундштукъ кладется въ ротъ такимъ образомъ, чтобы сдѣланная на удилѣ его дуга (параллельная, т. е. вѣрнѣе, лежащая въ одной плоскости съ боковыми щечками мундштука) лежала на языкѣ плашмя, при чемъ выпуклость дуги обращена кверху, т. е. къ горлу. Когда начинаютъ натягивать поводья (прикрѣпленные къ нижнимъ концамъ щечекъ, именуемыхъ дужками), мундштукъ начинаетъ поворачиваться около своей оси (удило, лежащее на языкѣ и деснахъ), при чемъ дуга, лежавшая доселѣ плашмя, начинаетъ отдѣляться отъ языка, становится въ перпендикулярное положеніе и упирается въ нёбную кость, что причиняетъ значительную боль; тогда лошади, изъ тѣхъ, что похитрѣе, выдергиваютъ языкъ изъ-подъ мундштука, перекладываютъ его наверхъ, и этимъ толстымъ слоемъ мяса защищаютъ нёбную кость отъ давленія дуги, при чемъ всякое управленіе мундштукомъ парализуется—лошадь бѣжитъ себѣ, какъ хочетъ, и исполняетъ движенія кой-какъ, глядя на другихъ лошадей; но такъ какъ давленіе дужки на языкъ производитъ также порядочную боль и лошадь избираетъ только въ этомъ случаѣ изъ двухъ болей меньшую, то языкъ, отъ прекращенія правильной циркуляціи крови: синѣетъ, наливается кровью, немѣетъ, вываливается изо рта и болтается въ видѣ безобразной колбасы. Тогда приходится слѣзть съ лошади и переложить ей языкъ на мѣсто руками; но какъ только сѣли и поѣхали, она тотчасъ перекидываетъ его опять, и т. д., безъ конца.

Отъучить отъ этой привычки нѣтъ никакой возможности, и обыкновенно такимъ лошадямъ привязываютъ языкъ къ нижней челюсти тоненькимъ шнурочкомъ; но такъ какъ языкъ слишкомъ скользкій, да къ тому же имѣетъ видъ конуса, обращеннаго острымъ концомъ книзу, то для того, чтобы лошадь не могла вытащить его и изъ-подъ шнурка, приходится сначала перетянуть, весьма туго, языкъ, а потомъ уже привязать его къ челюсти; при чемъ лошадь не перестаетъ дѣлать самыя отчаянныя усилія, чтобы освободить какъ языкъ отъ этой новой боли, такъ и нёбную кость отъ давленія дужки,—и все это кончается тѣмъ, что языкъ потирается и появляется болѣзнь *Ящуръ*, послѣ которой почти всегда отпадаетъ языкъ, или лошадь слѣпнетъ отъ постояннаго прилива крови къ головѣ, происходящаго отъ давленія дужки на нёбную кость; въ обоихъ случаяхъ лошадь для службы пропадаетъ. А при ѣздѣ на уздечкѣ перекидывать языкъ нѣтъ надобности и нѣтъ возможности, потому-что удило уздечки лежитъ гораздо выше (въ углахъ губъ) и сократить или вобрать въ себя языкъ на столько, на сколько это потребовалось бы для перекидки его черезъ уздечечное удило—невозможно; къ тому же удило уздечки на столько легко и подвижно, что поднимается само при каждомъ взбалтываніи языка; между тѣмъ какъ мундштучное желѣзо, кромѣ того, что черезвычайно тяжело, но лежитъ низко (почти-что у конца рта), а главное оно неподвижно, т. е. прикрѣплено цѣпочкой къ нижней челюсти, и кромѣ того носъ лошади стянутъ ремнемъ *переносья* для того, чтобы она не могла открывать рта, безъ чего вращательное дѣйствіе мундштука, какъ рычага, невозможно. Всѣ эти условія черезвычайно облегчаютъ и какъ бы подсказываютъ возможность перекидки языка, только наше счастье, что дуры лошади не всѣ догадываются дѣлать это. Благодаря тѣмъ же условіямъ, походомъ невозможно напоить замундштученную лошадь, а также пуститься съ нею вплавь—неудобства, о которыхъ нѣтъ и помина при ѣздѣ на уздечкахъ. 4) Лошадь, которая вытянетъ шею и морду въ прямую линію, закуситъ и понесетъ, невозможно остановить, потому-что единственное условіе, при которомъ можно добиться чего нибудь отъ лошади посредствомъ мундштука, есть то условіе, чтобы она держала голову въ перпендикулярномъ положеніи, а потому въ этомъ случаѣ приходится браться за трензельные поводья (та же уздечка), при чемъ и уздечкой невозможно остановить лошадь силою, т. е. посредствомъ натягиванья поводьевъ на себя—силъ на это ни у какого Геркулеса не хватитъ. Для этого надо: а) неожиданно, отдавъ на нѣкоторое время поводья, сразу опрокинуться корпусомъ назадъ, дернувъ при этомъ и поводья на себя, при чемъ иногда маневръ этотъ удается, желѣзо уздечки выскакиваетъ изъ стиснутыхъ зубовъ, попадаетъ въ углы губъ и тогда справиться не трудно. б) Надо ударить нѣсколько разъ поводьями на перекосы, т. е. однимъ поводомъ книзу, а

другимъ — кверху, послѣ чего то же желѣзо уздечки иногда выскакиваетъ и попадаетъ въ углы губъ. в) Надо начать пилить уздечкой съ право на лѣво, при чемъ желѣзо уздечки выскакиваетъ и попадаетъ въ углы губъ; но и тутъ это происходитъ не столько отъ того, что желѣзо вырвано силой, сколько отъ того, что при пиленіи этомъ голова лошади начинаетъ трепаться изъ стороны въ сторону, какъ тряпка, лошадь опалѣваетъ, какъ нибудь забудется и выпускаетъ желѣзо изъ зубовъ; способъ этотъ удается всегда, но въ крайнемъ случаѣ, особенно если нѣтъ мѣста для продолжительнаго скаканія, надо взять какой нибудь одинъ изъ поводьевъ, хоть двумя руками, притянуть голову лошади, на сколько хватитъ возможности, ближе къ своему колѣну и лошадь, описавъ круга три, четыре, все меньшіе и меньшіе, остановится. Продѣлать же все это на мундштукѣ невозможно: во первыхъ, онъ слишкомъ толстъ и массивенъ, чѣмъ представляетъ большое удобство быть захваченнымъ въ зубы, какъ въ клещи, а во вторыхъ, если бы онъ и выскочилъ даже и попалъ въ углы губъ, то отъ этого никакой пользы не воспослѣдуетъ, какъ вслѣдствіе особенностей устройства мундштука, такъ и вслѣдствіе горизонтальнаго въ то время положенія головы лошади, при которомъ дѣйствіе мундштука равняется нулю. Для того, чтобы лишить лошадь возможности закусывать удило *уздечки*, слѣдуетъ пригонять ее возможно тщательно: а) чтобы она отнюдь не была длинна и удило приходилось какъ разъ въ углахъ губъ и б) чтобы ремень переносья былъ какъ разъ по мѣркѣ, но никакъ ни длиннѣе, что и надо тщательно смотрѣть при покупкѣ новой уздечки или другой лошади.

Если лошадь продолжаетъ нести и послѣ того, что удило уздечки вырвано изъ ея зубовъ, что происходитъ отъ слишкомъ нечувствительныхъ и сильныхъ губъ, то для приданія ей такъ называемаго *шолковаго* повода, надо продолжать пилить поводьями, при чемъ голова ея уже перестаетъ болтаться, а прорѣзываются только углы губъ, хотя бы на полвершка; послѣ чего слѣдуетъ продолжать ѣзду непремѣнно каждый день, только не на тонкомъ (казачьемъ) удилѣ, а на манежномъ, т. е. на толстомъ, округленномъ, смазывая губы прованскимъ масломъ, пока онѣ не заживутъ совсѣмъ и на этомъ мѣстѣ не образуется рубецъ, самъ по себѣ не болящій, но остающійся навсегда весьма чувствительнымъ къ поводу; при этомъ слѣдуетъ обходиться съ лошадью ласково, давать ей хлѣба и т. д., чтобы она чувствовала, что человѣкъ сердиться на нее зря не станетъ, что она отлично понимаетъ. Но есть лошади, которыя не такъ-то легко покоряются человѣку, стараются перехитрить его, не даютъ напилить себѣ губы и поднимаются вотъ на какія штуки: какъ только она понесетъ и вы начинаете ей пилить, она задеретъ, т. е. просто опрокинетъ голову совсѣмъ стоймя, да такъ и продолжаетъ летѣть, вслѣдствіе чего пиленіе приходится уже не по губамъ, а по ко-

реннымъ зубамъ, что для нея вздоръ, а потому оно перестаетъ достигать цѣли; а во вторыхъ, скача въ такомъ положеніи лошадь ничего передъ собою не видитъ, можетъ споткнуться на самомъ пустячномъ препятствіи, упасть и расшибить васъ въ дребезги; правда, что при паденіи можетъ достаться и ей самой, но она разсчитываетъ или отдѣлаться легкимъ ушибомъ, или рѣшилась уже на все. Нечего дѣлать, приходится оставаться на этотъ разъ въ дуракахъ; отпускаешь немного поводья, прекращаешь пиленіе, а она радуется и несетъ до тѣхъ поръ, покуда ей хочется. Мнѣ случалось летать подобнымъ образомъ по 12 и болѣе верстъ, благо дѣло происходило въ степныхъ мѣстахъ, причемъ черезъ препятствія, которыя лошадь считала себѣ по силамъ, она перелѣтала какъ птица, а передъ препятствіями видимо непреодолимыми, она сразу останавливалась на всѣ четыре ноги, или, сдѣлавъ неожиданный поворотъ въ сторону, обскакивала ихъ и продолжала чесать во всѣ лопатки, такъ-что тутъ бывало уже не до пиленья, а знай сиди только. Употребляемый въ подобномъ случаѣ *мертвый* мартингалъ (прикрѣпляемый подъ брюхомъ лошади за подпругу) неудобенъ, потому-что если пустить его длинно, то лошадь можетъ все таки задрать голову довольно высоко, слѣдовательно онъ не достигаетъ цѣли; а если пустить его короче, то на скаку, особенно при прыганьи черезъ препятствія, лошадь можетъ порвать его, или подпруги, или то и другое вмѣстѣ, или упасть, потому-что не будетъ имѣть возможности вытянуться на столько, сколько это необходимо для скачка; кромѣ того мартингалъ этотъ слишкомъ стаскиваетъ подпруги и даже самое сѣдло, совсѣмъ напередъ, почти-что на шею лошади. Англійскій мартингалъ, хотя нѣсколько удобнѣе въ томъ отношеніи, что даетъ лошади возможность вытягиваться, на сколько это окажется ей необходимымъ, за то онъ имѣетъ гораздо меньше силы (по системѣ блоковъ), нежели мертвый коротко подтянутый мартингалъ, и кромѣ того онъ стаскиваетъ сѣдло одинаково. Основываясь на всемъ этомъ, мнѣ удалось напасть на самый лучшій и вполнѣ дѣйствительный способъ, а именно: къ тому же удилу пристегнуть вторую пару поводьевъ, пропустивъ сначала концы ихъ въ стремена. До поры, до времени, поводья эти должны висѣть свободно на передней лукѣ, а какъ только начнется баталія, то слѣдуетъ взяться за нихъ, бросивъ первые, и тогда— шалишь лошадка! Во первыхъ сила блоковъ очень велика и голову опустишь ей сразу, во вторыхъ можно производить пиленіе сколько угодно, въ третьихъ, скачи черезъ препятствія сколько хочешь и въ четвертыхъ сѣдло остается постоянно на мѣстѣ, потому-что стремена подвижны, а для того, чтобы они не уходили впередъ, ихъ держишь напоромъ ногъ. При этихъ условіяхъ лошадь долго не напрыгается, но необходимо прописать ей за одно добрую баню нагайкой, чтобы доказать ей слѣдующее: «бью тебя нагайкой, но скакать не пущу; пилю тебя

ротъ, но головы задрать не дамъ; слѣдовательно дѣлаю и то и другоэ, чтобы наказать тебя и отвадить отъ дурной привычки; а потому на сей разъ приходится оставаться въ дурахъ—тебѣ, а не мнѣ—покоряйся!» И дѣйствительно, рѣдко приходилось прописывать баню эту одной и той же лошади два раза, почти всѣ окончательно покорялись послѣ первой, и мнѣ случалось пріобрѣтать прекрасныхъ во всѣхъ отношеніяхъ лошадей, подвергнутыхъ этой привычкѣ, или за безцѣнокъ, или просто даромъ; а объѣздивъ ихъ они становились вполнѣ послушными и великолѣпными лошадьми, служившими неподражаемо или мнѣ самому, или за нихъ предлагали очень хорошія цѣны. Разумѣется, что если лошадь съ *колеромъ*, или расположена къ нему, что сейчасъ видно по строенію ея головы, то это есть уже серьезная болѣзнь, а не капризъ, и съ такою лошадью нельзя ничего сдѣлать, да и не стоитъ ни себя, ни ее безпокоить. 5) Отъучить лошадь отъ какого нибудь другаго каприза, напр. отъ закидыванья, отъ нежеланія отходить отъ фронта, отъ пуганья и т. п., одинаково трудно, какъ на мундштукѣ, такъ и на уздечкѣ, при чемъ на лошадей, ходящихъ подъ мундштукомъ (регулярной кавалеріи) все таки удобнѣе надѣвать въ этихъ случаяхъ уздечку (манежную), и если капризъ происходитъ отъ органическихъ недостатковъ, напр. неправильнаго устройства зрачка, которое представляетъ лошади всѣ предметы къ верху ногами, близорукости, дающей поводъ не различать издали предметовъ и воображать, что это не вѣсть какія страсти; отъ сильнаго ушиба, полученнаго напримѣръ при прыганьи черезъ препятствіе, въ первый разъ; отъ навсегда остающагося непріятнаго впечатлѣнія, послѣ выстрѣла, слышаннаго въ первый разъ, слишкомъ близко отъ уха и т. д., то отъ подобныхъ капризовъ, которые собственно говоря уже не капризы, никогда и ни чѣмъ не отучишь, а надо только принять ихъ къ свѣдѣнію; отъучить же отъ капризовъ, происходящихъ изъ хитрости или упрямства, можно только настойчивостью, терпѣніемъ и умѣренной строгостью. Такъ напримѣръ, выѣхавъ однажды на упрямой лошади въ 10-ть часовъ утра изъ Царскаго села, мнѣ пришлось доѣхать до Павловска только къ 6-ти часамъ вечера, потому-что она пыталась все вернуться домой, и изъ-за этого приходилось биться на каждомъ перекресткѣ, на каждомъ мостикѣ, на каждомъ поворотѣ и для порядка возвращаться каждый разъ назадъ и начинать съизнова совершеніе благополучнаго проѣзда мимо провинившихся перекрестковъ, при чемъ приходилось иногда осаживать чуть-что не на версту; послѣ послѣдняго вполнѣ благополучнаго мимо всѣхъ перекрестковъ прохожденія лошадь была прилично вздрана, принуждена пройти во второй послѣдній разъ всю дорогу, тамъ покататься немного, а вернувшись домой получила хлѣба, и послѣ этого—уже аминь, какъ рукой сняло! 6) Для подготовки какъ всадника, такъ и лошади къ пріемамъ удали одиночнаго наѣздничества, уздечка имѣетъ на своей сторонѣ

несомнѣнно болѣе преимуществъ, нежели мундштукъ; брать намъ примѣръ въ этомъ отношеніи съ кавалеріи европейцевъ никакъ не приходится. Какъ составъ нашихъ людей, такъ качество лошадей, и особенно географическое положеніе нашей страны, всегда представляли, представляютъ и будутъ представлять самый лучшій матеріалъ для кавалеріи вообще и для одиночнаго наѣздничества въ особенности, и никакіе европейцы, включая туда и англичанъ, никогда не смогутъ спорить съ нами по этой части. Бываютъ и у нихъ единичныя исключенія, могущія потягаться съ нашими наѣздниками, но масса — никогда! и никакія искусственныя подделки и напряженія не могутъ идти въ уровень съ дарами, данными самимъ Богомъ. Представителями же самаго лихаго одиночнаго наѣздничества суть: всякіе доморощенные охотники, казаки, сельскіе прикащики, разные инородцы и т. д., заставляющіе продѣлывать своихъ лошадей баснословныя штуки, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знающіе даже о существованіи какого-то мундштука.—Вотъ съ нихъ и слѣдуетъ брать примѣръ. 7) Приходится слышать очень часто приводимый въ пользу оставленія въ кавалеріи мундштуковъ слѣдующій примѣръ: Нижегородцы, выступивъ въ 1855 году въ походъ подъ Карсъ на уздечкахъ, по прошествіи нѣкотораго времени принуждены были послать въ штабъквартиру за мундштуками, потому-что управляться съ лошадьми на уздечкахъ оказалось невозможнымъ. Можно отвѣтить на это слѣдующее: а) если солдатскіе трензельки теперешняго образца слишкомъ круглы и толсты, то трензельки 50-хъ годовъ—толщиною въ палецъ, т. е. почти такія же, какъ теперешнія манежныя уздечки, положительно не были годны для ѣзды въ одну руку; во первыхъ они слишкомъ толсты, а потому удобны для захватыванія зубами; а во вторыхъ, попадая въ углы губъ, они производятъ весьма нечувствительное дѣйствіе, опять-таки благодаря своей толстотѣ и округленности. Казачьи уздечки очень тонки, четвероугольны, для строптивыхъ лошадей перекручены еще въ видѣ спирали—а это совсѣмъ иное дѣло. б) Англійская кирасирская бригада, изрубленная въ Крыму нашими маршевыми Уланами, въ томъ же 54-мъ году уничтожена, единственно благодаря тому, что была занесена своими лошадьми, а англичане эти были народъ отборный, здоровый, одно слово кирасиры и иначе какъ на мундштукахъ не ѣздили; почему же они не удержали лошадей? При чемъ же и тутъ мундштуки? в) Впродолженіе всего закубанскаго похода Сѣверцы, да и Нижегородцы тоже, дѣйствовали все время на уздечкахъ и не слыхать было, чтобы они заявляли неудовольствіе по этому поводу; должно быть трензельки позамѣнили болѣе подходящими? г) Во время Польскаго мятежа 1863 года л.-гв. Гродненскаго полка поручикъ Ремеръ былъ изрубленъ потому, что лошадь занесла его въ банду, а онъ былъ на мундштукѣ. Слѣдовательно опять неустойка! 8) Упрекъ, дѣлаемый уздечкамъ въ томъ, что при ѣздѣ

на нихъ не можетъ быть соблюдена *сомкнутость*, не состотеленъ, потому-что казачьи полки, состоящіе при регулярныхъ дивизіяхъ, имѣютъ совершенно одинаковую съ регулярными полками сомкнутость, какъ на церемоніальномъ маршѣ, такъ и при атакѣ (не лавой) и при всѣхъ прочихъ перестроеніяхъ, а къ концу лагеря такъ и не отличишь ихъ ничѣмъ; это видитъ всякій ребенокъ и закрывать на это глаза никакъ не приходится. Такъ называемые *Бураки* или *Римскіе свѣчи*, т. е. когда вдругъ выскакиваетъ изъ фронта *одна*, за ней другая, тамъ, глядя на нее, иногда третья лошадь и давай носиться по полю, перегоняя другъ друга, случаются одинаково, какъ въ регулярныхъ полкахъ, такъ и въ казачьихъ, и случаются они преимущественно весною, при первыхъ полевыхъ ученьяхъ, такъ сказать съ жиру. Да впрочемъ стóитъ ли распространяться о *сомкнутости*, когда какихъ нибудь три десятка драгунскихъ коноводовъ проводятъ лошадей всего эскадрона, на церемоніальномъ маршѣ, другой разъ лучше даже выравненными и съ соблюденіемъ дистанціи между шеренгами, чѣмъ когда на каждой лошади сидитъ свой хозяинъ: дѣло привычки и понятливости, каковой нельзя не признать за лошадью. Затѣмъ, что можно сказать въ пользу мундштука? Говорятъ, что при немъ требуется меньше физической силы для управленія лошадью и что ѣзда на мундштукѣ выглядываетъ красивѣе. Но силой, какъ было уже сказано, съ лошадью ничего не сдѣлаешь, какъ на мундштукѣ, такъ и на уздечкѣ и лошадь оказывается сильнѣе всякаго человѣка, при чемъ на уздечкѣ можно справиться съ нею, такъ или иначе, а на мундштукѣ никогда; наконецъ лошадь, противъ которой приходится употреблять силу, будь ли то на мундштукѣ, или на уздечкѣ, есть уже лошадь не доѣзженная, не готовая, или случайно чего нибудь испугавшаяся, для слада съ которой уздечка все таки представляетъ больше гарантіи, чѣмъ мундштукъ. Совать же въ ротъ лошади и то, и другое, какъ дѣлаемъ мы теперь, невозможно, вслѣдствіе тысячи требованій, назойливо предъявляемыхъ ходомъ вещей, и надо избрать что нибудь одно. Что же касается красоты, то и она есть дѣло условное; всадникъ, ѣдущій на хорошо подобранной статьями и прекрасно выѣзженной на мундштукѣ лошади, представляетъ дѣйствительно красивую и пріятную для глаза картину. Если посадить Кирассира, Лейбъ-Гусара, Конно-Гренадера, въ ихъ типической обмундировкѣ, на уздечку и придать имъ казачью посадку, то въ самомъ дѣлѣ выйдетъ картина очень не красивая; по этой же причинѣ было очень некрасиво видѣть Донскихъ казаковъ, носившихъ одно время короткіе мундиры и узкіе шаровары: Офицеры изъ франтовства, желая походить на регулярныхъ, а казаки глядя на нихъ, и изъ экономіи; казачья посадка требуетъ или долгополыхъ мундировъ (хотя какъ теперешніе новаго образца), или куртки съ широчайшими шароварами, какъ въ старину; а армейской кавалеріи, съ ея теперешней формой, уздечка и казачья посадка приста-

нутъ вполнѣ. Наконецъ, возможно ли при современныхъ требованіяхъ обращать вниманіе исключительно на красоту? Обученіе новобранца и молодой лошади ѣздѣ на мундштукѣ со всѣми ея требованіями и посадкой поглощаютъ слишкомъ много времени; когда лошадь и новобранецъ вполнѣ обучены ѣздѣ на уздечкѣ, тогда только приступаютъ къ обученію съизнова на мундштукѣ (вмѣсто того, чтобы на уздечкѣ соединить оба повода въ одну руку), и не смотря однако на всѣ старанія, ѣзда эта годъ отъ году идетъ все хуже и хуже—недоучекъ людей и лошадей набирается все больше и больше и ихъ приходится терпѣть. Послѣдствіемъ ѣзды на мундштукѣ оказывается изрядное количество лошадей, напрасно пропадающихъ для службы отъ болѣзней, какъ-то: слѣпота, ящуръ, колеръ; а сколько сбывается ихъ въ бракъ, подъ вымышленными болѣзнями, для того, чтобы избавиться отъ лошадей не поддающихся премудростямъ мундштука, безобразящихъ фронтъ и служащихъ поводомъ къ постояннымъ выговорамъ? А все это говоритъ на столько положительно противъ мундштука, что я вполнѣ убѣжденъ, что отмѣна мундштуковъ—дѣло самаго близкаго будущаго.

II. Посадка,

требуемая уставомъ для *шага*, *галопа* и *карьера*, вполнѣ правильна; долговременная практика, въ концѣ концовъ, сама приводитъ къ этой посадкѣ и ее употребляютъ и Турокъ и Арабъ и Персіянинъ (только не наѣздники Монгольскихъ племенъ, ѣздящіе на слишкомъ короткихъ стременахъ, вслѣдствіе усвоенной еще съ дѣтства привычки сидѣть даже на полу со скрюченными въ калачъ ногами) и Донской казакъ, и всякій охотникъ, никогда не знавшіе манежа; причемъ не зная названія разныхъ терминовъ, какъ-то: *шенкеля*, *шлюсъ* и т. д., они употребляютъ все это. А потому начинать съ конца, т. е. требовать съ новобранца, чтобы онъ непремѣнно сразу сѣлъ, какъ того требуетъ уставъ—неосновательно. Надо требовать, чтобы онъ усвоилъ поскорѣе отличительныя черты и потребности строевой посадки: не болталъ локтями, не выворачивалъ носковъ, сидѣлъ крѣпко и зналъ управляться лошадью и оружіемъ; приставать же къ простолюдину съ разными непонятными терминами и требованіями, напрасно! онъ будетъ только путаться и забывать главное; а усвоитъ все это послѣ продолжительной ѣзды первыхъ лагерей, и послѣ того, что полетитъ съ лошади раза два. Ужъ если всѣ эти: *задъ подъ себя*, *не выгибай поясницы*, *попадай разрѣзомъ въ самую середку сѣдла* и т. д. туго даются (и все таки практикой, а не словесными увѣщаніями) намъ людямъ болѣе развитымъ, такъ что же вы хотите отъ новобранца? Помню, что когда еще лѣтъ 14 я сталъ брать уроки манежной ѣзды, какъ сердились на меня Берейтора и нѣсколько разъ объявляли, что перестанутъ учить меня за то, что я *не хочу* заниматься. «Какъ не хочу, а пріѣхалъ-то я на урокъ, за чѣмъ, по такой погодѣ,

съ другаго конца города? а деньги за чѣмъ плачу? кто неволитъ меня дѣлать это?» «Такъ что же Вы не слушаетесь и не исполняете того, что Вамъ говорятъ?»—«И слушаюсь и стараюсь исполнить изо всѣхъ силъ, но сразу, со всѣми требованіями не управляюсь: погонишься за *носками*, смотришь—или *поясница*, или *задъ* выѣхали; справишься съ ними, а тутъ *отъ колѣнъ нога назадъ* ушла впередъ; уберешь ногу и содержишь въ порядкѣ всѣ поименованныя части, анъ глядь—*кулаки* или *локти* разъѣхались и т. д. Что же касается посадки, требуемой Уставомъ для *рыси*, то она столько не подходяща, что если смѣялись и порицали прежнее вытягиванье носковъ въ пѣхотѣ и изученіе впродолженіе цѣлыхъ годовъ маршировки *тихимъ шагомъ*, то все это, въ сравненіи съ посадкой на рыси,—верхъ премудрости и пользы. Требованіе: не упираться на стремена, разъ они есть; держать корпусъ отклоненнымъ нѣсколько назадъ; подпрыгивать какъ статуя на сѣдлѣ въ тактъ бѣга лошадей; отрывать себѣ, при каждомъ взлетѣ и обратномъ паденіи въ сѣдло, легкія и колотить своей тушей, какъ ступой, спину лошади все въ одну и ту же точку—очень необходимо для службы и очень удобно для всадника и лошади, особенно послѣ ѣды; всадникъ задыхается, прикусываетъ себѣ языкъ и икаетъ, а лошадь вторитъ ему по своему! Въ Николаевскія времена, когда требованія посадки были еще строже: стремена были на столько длинны, что ихъ можно было на силу достать не иначе какъ носкомъ вытянутой во всю длину ноги, при чемъ требовалось, чтобы плечо, колѣно и носокъ всадника приходились на одной линіи, все равно какъ у стоящаго на землѣ человѣка, и то несостоятельность подобной посадки бросалась всѣмъ; почему дозволялось, въ военное время, подтягивать стремена гораздо короче, и на рыси, какъ аллюрѣ болѣе всего употребительномъ и продолжительномъ, подаваться корпусомъ впередъ, для облегченія какъ самаго всадника, такъ и лошади. Теперь ушли гораздо дальше: сдѣланы значительныя облегченія въ посадкѣ вообще и ввели въ употребленіе *полевую* рысь, съ держаніемъ въ четыре повода, съ наклономъ корпуса въ передъ, съ упоромъ и привставаніемъ на стременахъ; но и тутъ безъ комедіи не обошлось: требуется, чтобы привставаніе производилось не въ одинъ темпъ, какъ того требуетъ натуральный бѣгъ лошади, и что невольно дѣлается всякимъ казакомъ, но чтобы оно производилось непремѣнно въ *два* темпа по Англійски, чего не только-что не въ состояніи понять и добиться солдатъ, но что не скоро дается даже и другому офицеру, потому что въ этомъ нѣтъ ни какой инстинктивной надобности и оно не подходитъ къ натуральному бѣгу лошади. Вотъ, если сѣсть на лошадь, съ очень крупною рысью и въ добавокъ тряскую, то безъ всякихъ вашихъ приказаній и объясненій, на третьей, много на четвертой верстѣ, оно само начнетъ подкидывать васъ въ два темпа, и тогда и лошади, и вамъ будетъ легко и удобно, а пересядете на другую

лошадь, опять этого не потребуется и вы только напрасно будете утруждать себя, потому-что привставаніе въ одинъ темпъ будетъ вполнѣ удовлетворятъ и васъ и лошадь вашу. Происхожденіе этой рыси весьма понятно: Англійскія лошади, какъ кровные скакуны, такъ и полу-кровки (Гунтера), все лошади рослыя, имѣютъ длинныя ноги и высокія прямыя бабки, а потому всѣ имѣютъ очень крупную рысь и весьма тряски; другихъ верховыхъ лошадей въ Англіи нѣтъ, почему всѣ Англичане и ѣздятъ рысью въ два *темпа;* а наши возводятъ изъ этого догматъ и требуютъ: «хоть тресни, а поѣзжай на всякой лошади въ два темпа!» Привыкнуть и исполнить можно все, только это будетъ изнасилованіемъ себя и излишней помѣхой лошади (сбиваешь ее съ такта), а потому оно безполезно. Затѣмъ, разъ введеніе полевой рыси признано необходимымъ, зачѣмъ сохранять особую рысь для мирнаго времени и церемоніальнаго марша и тратить время, котораго и безъ того мало на изученіе двухъ рысей? Сохранить манежную рысь для первоначальнаго обученія новобранца пожалуй-что необходимо, какъ одинъ изъ пріемовъ, который объяснитъ ему многое, но это такъ и должно оставаться пріемомъ; а для фронта, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, какъ для церемоніала, такъ и для атаки, должна быть одна *единственная* рысь (теперешняя полевая), доведенная до наивозможной быстроты. Затѣмъ серьезное изученіе лошади и всякаго рода посадокъ начинаютъ сильно подрывать довѣріе ко многимъ правиламъ манежной ѣзды, считающимся непреложными и потому ревниво охраняемымъ отъ какой бы то ни было критики. Возьмемъ хоть этотъ пресловутый *сборъ* лошади и посаживанье ее на *задъ.* Вся задача и усилія манежной ѣзды основаны на томъ, чтобы придать лошади это положеніе, а всѣ усилія лошадей направлены къ тому, чтобы помѣшать намъ въ этомъ—слѣдовательно положеніе это для лошади не естественно и что можно обходиться и служить безъ него—убѣждаютъ насъ другія *выѣздки.* Это положеніе очень красиво, взято оно съ картинки, а картинка скопировала его съ Арабскихъ лошадей. Но всегда ли и во всѣхъ ли случаяхъ Арабскія и проч. кровныя лошади имѣютъ это картинное положеніе? Они имѣютъ его: послѣ недавняго выхода изъ конюшни при полученіи оскорбленія (хлыстомъ, шпорой), при видѣ кобылы, при встрѣчѣ съ опасностью, т. е. во всѣхъ случаяхъ, когда сохранена или внезапно возбуждена энергія. Но не принимаютъ ли того же самаго угрожающаго положенія ходящія не только-что подъ казачьимъ сѣдломъ, но и находящіяся на полной свободѣ лошади? Кто изъ насъ не видалъ носящейся безъ сѣдока лошади, которая, вслѣдствіе ли настоящей или воображаемой причины, останавливается вдругъ какъ вкопанная; присѣдаетъ чуть ли не хвостомъ къ землѣ; быстро, затѣмъ, выпрямляется, высоко поднимаетъ голову, оглядывается гордо на всѣ стороны, внушительно всхрапываетъ всей грудью, затѣмъ скачекъ, другой, расправляетъ шею

лебедемъ, вытягивается вся змѣйкой и....пошла!...только заднія подковы взблескиваютъ! Это—энергія играетъ! Чѣмъ лошадь кровнѣе, тѣмъ энергія проявляется чаще и возбудить ее легче; у простой лошади она проявляется рѣже, но быть постоянно она ни у кого не можетъ. А то захотѣли энергіи и характеризующаго ее положенія ото всякой лошади, при всякихъ условіяхъ и хотятъ увѣрить еще, что достигаютъ этого тѣмъ, что всунули въ ротъ лошади какую-то машину, которая каждую секунду можетъ причинить ей боль въ самое чувствительное мѣсто, т. е. въ небную кость, боль отъ которой первое, инстинктивное движеніе, есть движеніе назадъ, вверхъ! и во избѣжаніе котораго лошадь принимаетъ заранѣе соотвѣтствующее положеніе. Многія изъ нихъ не могутъ свыкнуться съ этимъ и пропадаютъ, а другія болѣе податливыя и терпѣливыя не перестаютъ доказывать въ продолженіе всей службы, что положеніе это для нихъ: неудобно, неестественно и лишне. Прошу указать мнѣ хоть одну, выѣзженную самымъ идеальнымъ образомъ лошадь, которая, пробѣжавъ рысью 5—6 верстъ, не уляжется въ поводья и не станетъ вытягиваться, не смотря ни на шенкеля, ни на отыгриванье поводомъ, которымъ вы ее надуете въ этомъ случаѣ; даже и не рысью, а пусть она простоитъ *въ сборѣ* хотя часа полтора на одномъ мѣстѣ какъ монументъ, вотъ какъ случается на парадахъ при ожиданіи начальства, и не обнаружитъ при этомъ признаковъ неудовольствія. Что это, какъ не естественное желаніе дать отдыхъ, насильно, въ три дуги согнутымъ шеѣ и спинѣ? А вотъ отдашь ей поводъ, такъ будетъ стоять какъ вкопанная хоть четыре часа, или бѣжать рысью, покуда силъ хватитъ! Вѣдь послѣ этого можно увѣрять, что медвѣдю слѣдовало бы и ему несравненно было бы удобнѣе ходить на заднихъ лапахъ, потому-что при борьбѣ другъ съ другомъ и при встрѣчѣ иногда съ человѣкомъ онъ становится на заднія ноги, и становится на нихъ, когда его понуждаютъ къ тому уроки мужиковъ--поводырей; надѣваютъ ему на заднія ноги калоши съ черезвычайно толстой подошвой, а на переднія ничего и пускаютъ на пространство, засыпанное горячими углями; по неволѣ станетъ на заднія, чтобы не обжигать переднихъ. Говорятъ, что посаживаніе лошади на задъ необходимо: 1) для того, чтобы она не могла упасть на передъ, т. е. споткнуться, 2) для поворотовъ, 3) для прыганья черезъ барьеръ, 4) для боковыхъ движеній и 5) для галопа. 1) Чѣмъ тяжесть всадника находится ближе къ переду лошади, тѣмъ болѣе ей шансовъ споткнуться, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы при измѣненіи существующей теперь посадки необходимо перетащить и сѣдло на передъ, чего не дѣлаетъ даже никакой смѣтливый казакъ, а во вторыхъ садитесь хоть на шею лошади и пожалуй не говорите ей объ этомъ ни слова, но она все-таки узнаетъ объ этомъ и приметъ мѣры, чтобы не спотыкаться, вовсе не изъ желанія сохранить цѣлость вашей особы, а изъ нежеланія разбить свои собственные зубы и колѣни. Если вы ѣдете на слабой пере-

домъ лошади, не мѣшаетъ имѣть это въ виду, будь то на мундштукѣ, или на уздечкѣ, и тогда, въ случаѣ чего, вы можете дѣйствительно поддержать во время лошадь, если обладаете необходимой къ тому инстинктивной, т. е. пріобрѣтенной долгой практикою, сноровкой. Если же у насъ сноровки этой нѣтъ, то мы при случаѣ можемъ брякнуться на самой крѣпкой передомъ лошади, будь она хоть на двухъ мундштукахъ. 2) Будучи на волѣ, лошадь поворачивается въ стороны такъ какъ ей заблагоразсудится, т. е. обнося передъ около зада или на оборотъ; а мы увѣряемъ, что это неправильно и ей вредно, и что она должна поварачиваться непремѣнно не иначе, какъ обнося передъ, т. е. самую тяжелую часть тѣла, да еще плюсъ тяжесть всадника около зада, т. е. около болѣе легкой и слѣдовательно менѣе сильной въ этомъ случаѣ части тѣла. Такъ утверждаетъ французская манежная школа, а лошади съ этимъ не соглашаются и при каждомъ удобномъ случаѣ доказываютъ противное. Для всадника, дѣйствующаго въ одиночку, рѣшительно все равно какъ повернется лошадь, но удобнѣе, чтобы она обнесла задъ около переда по слѣдующимъ причинамъ: а) откинуть шенкелемъ задъ—секунда! б) это гораздо легче самой лошади, в) вы обращены къ своему противнику фронтомъ постоянно. Для лошадей построенныхъ въ шеренгу необходимо, чтобы лошади, составляющія ось заѣзда (1-е и 3-е номера въ отдѣленіяхъ) обносили передъ около зада. Но чѣмъ лошади заявляютъ свое нежеланіе исполнить это требованіе? я не говорю объ идеально выѣзженныхъ показныхъ лошадяхъ, а о массѣ строевыхъ; при ѣздѣ въ манежѣ они должны по необходимости исполнить это требованіе, потому-что стѣнка манежа препятствуетъ имъ откинуть задъ; но что обозначаетъ извѣстный вамъ стукъ копытъ о стѣнку? То, что они все-таки пытаются обернуть задъ около переда, но, наткнувшись на стѣнку, останавливаются и дѣлаютъ въ половину по вашему, т. е. часть оборота, насколько дозволяетъ стѣнка—откидывая задъ, а остальную часть оборота кончаютъ обносомъ переда, имѣя точкой опоры стѣнку; а не будь этой стѣнки и тамъ гдѣ ее нѣтъ—они дѣлаютъ по своему. А что обозначаетъ то, что послѣ такого поворота лошадь осаживаетъ шагъ или два назадъ? Для того, чтобы повернуться такъ, какъ вы приказываете, лошадь должна сдѣлать усиліе, выражающееся въ сильномъ сокращеніи мышцъ поясницы и заднихъ окороковъ, усиліе, послѣ котораго ей необходимо прійти какъ можно скорѣе въ нормальное положеніе, т. е. вытянуться, но податься впередъ нельзя, потому-что поводья не даютъ, и вотъ она отставляетъ заднія ноги и тѣмъ вытягиваетъ спину! но мы знаемъ это и приказываемъ всаднику быть готовымъ *встрѣтить* ее шенкелями и въ случаѣ чего закатить добрую пару шпоръ, чтобы заставить ее пребывать въ томъ же скрюченномъ положеніи. А что происходитъ во фронтѣ? заѣздовъ математически вѣрныхъ, какъ бы по циркулю—не оказывается! фланговыя, т. е. составляющія ось заѣздовъ, лошади не

имѣютъ возможности откинуть зада, ибо сосѣдняя лошадь мѣшаетъ, за то они осаживаютъ; при заѣздахъ по взводно это не такъ замѣтно, да не особенно и нужно, а при заѣздахъ отдѣленіями происходитъ всегда нѣкоторое волненіе и передвиженіе съ мѣста хотя на длину одного отдѣленія, что мнѣ удалось провѣрить многочисленными, самыми тщательными наблюденіями; и тѣмъ не менѣе повороты и заѣзды дѣлаются и Государство—ничего, не погибаетъ! Вотъ причина, почему казалось всегда, что драгуны дѣлаютъ заѣзды будто бы тщательнѣе Гусаръ и Уланъ, пики, проклятыя, выдавали своимъ колыханіемъ (правда минутнымъ). 3) *Прыганье черезъ барьеръ.* Лошадь, такое умное и разсудительное животное, непремѣнно треснулось-бы со всего размаху лбомъ или грудью объ стѣнку, или растянулось со всѣхъ четырехъ ногъ въ канаву, рискуя сломать себѣ позвоночный столбъ, еслибы мы не облагодѣтельствовали ее, не посадили передъ барьеромъ на *задъ* и не *подняли* ее, т. е. не дали бы *цука* мундштукомъ, какъ увѣряютъ англійскіе спортсмэны. Выходитъ, стало быть, что кромѣ спортсменовъ, никто никогда не скакалъ и не скачетъ; ай-да англійскіе спортсмэны, спасибо что научили насъ грѣшныхъ какъ прыгать, и въ *два* темпа на рыси привскакивать! Передъ перелетомъ черезъ барьеръ всякая не слѣпая лошадь видитъ, что ей предстоитъ сдѣлать скачекъ, о чемъ она сама и заботится въ виду своихъ личныхъ интересовъ; если вы скакали нѣсколько разъ черезъ барьеръ, то посодѣйствуете лошади, тоже въ виду вашихъ личныхъ интересовъ; а именно, отклоните нѣсколько корпусъ на задъ, чѣмъ облегчите передъ лошади и дадите ей возможность сдѣлать необходимое сосредоточіе на задніе мускулы, и вы еще издали (на сколько именно, укажетъ практика) станете натягивать на себя поводья, чѣмъ еще болѣе облегчите лошади возможность совершить сказанное выше сосредоточіе; если же вы этого не сдѣлаете, то, перескочивъ на ту сторону, или все будетъ обстоять благополучно стараніями самой лошади, развѣ что придавите себѣ кой-что, и будете продолжать скачку, или послѣ прыжка очутитесь на шеѣ лошади, а съ нея на землѣ. Послѣ перелета черезъ барьеръ всякая лошадь имѣетъ нѣкоторые шансы упасть, т. е. споткнуться, но что ей извѣстно очень хорошо и противъ чего вы опять можете оказать ей поддержку на основаніи только-что приведенныхъ законовъ инстинкта и сноровки, необходимой при ѣздѣ на лошади со слабымъ передомъ. *Поднимать же* лошадь цуками и т. п. смѣшными тѣлодвиженіями, дѣлаемыми подъ носомъ барьера, по меньшей мѣрѣ неосновательно, потому-что самой лошади лучше извѣстно когда насталъ рѣшительный моментъ производства прыжка, и спортсмэнское *подниманіе* можетъ прійдтись немножко не въ тактъ и только помѣшать лошади, потому-что одна и та же лошадь можетъ имѣть передъ тѣмъ же самымъ барьеромъ множество самыхъ разнообразныхъ причинъ, побуждающихъ ее начать прыжокъ съ разныхъ дистанцій и въ различное время, а потому ей болѣе всего необходимо,

чтобы вы сидѣли смѣло (что она сейчасъ же чувствуетъ) и ей не мѣшали. Для провѣрки этого пригласите спортсмэна въ гимнастическую залу, заставьте его прыгать черезъ кобылу, а сами стойте возлѣ съ арапникомъ. Подпустивъ его шаговъ на 5 къ кобылѣ, вы вытягиваете его; онъ уменьшаетъ скорость отъ этой неожиданности, сбивается и натыкается грудью на кобылу. «Эхъ братъ, помѣшалъ только!» кричитъ онъ. А что?«Да рано братецъ, помилуй!» Вотъ онъ разгоняется снова и вотъ уже сталъ возноситься надъ кобылой, какъ вдругъ конецъ вашего арапника перепоясываетъ его черезо всю спину и спортсмэнъ, вмѣсто того, чтобы перелетѣть черезо всю кобылу, или сѣсть на середину, грузно опускается на самый краюшекъ и соскальзываетъ съ него на землю. «Ну, вотъ опять помѣшалъ!» кричитъ онъ. А что? «Да помилуй, я уже со всѣмъ было, а ты сбилъ только; нѣтъ, ужъ я лучше буду самъ! 4) Доказательствомъ тому, что для боковыхъ движеній лошадь не нуждается вовсе въ *сборѣ* служитъ указанное уже мною обстоятельство, что можно продѣлать всю ѣзду на *одномъ* поводѣ, а при этомъ положеніи не можетъ и быть рѣчи о *сборѣ* и лошадь повинуется въ этомъ случаѣ вслѣдствіе привычки, пріѣздки и глядя на другихъ лошадей; точно такъ и лошади, на которыхъ ѣздятъ дивизіонеры, полковые командиры и разные чины артиллеріи, которымъ слѣдуетъ дѣлать одиночные заѣзды, такъ привыкаютъ къ заѣзду и продѣлываютъ его такъ аккуратно какъ на мундштукѣ, такъ и на уздечкѣ, — что другой разъ ихъ слѣдуетъ даже удерживать (если не желаешь заѣзжать, на домашнихъ ученьяхъ и т. д.), но, разумѣется, сначала слѣдуетъ пріучить ихъ и иныхъ лошадей даже съ нѣкоторымъ трудомъ, но безъ труда ничего не дается. 5) Предположеніе, что лошадь нуждается въ *сборѣ* для галопа есть тоже не болѣе какъ предположеніе французской школы: собака, лисица, волкъ, крестьянская лошадь и даже неуклюжая свинья, никогда не учившись у французовъ, ходятъ галопомъ и галопомъ во всю растяжку корпуса, что гораздо удобнѣе для дыханія; галопъ есть естественный ходъ (преддверіе карьера), въ который переходитъ лошадь и идетъ онымъ съ механической равномѣрностью, безъ всякихъ шенкелей и т. п. французскихъ выдумокъ, потому-что продолжительный бѣгъ рысью утомляетъ, при немъ происходитъ *встряхивающее* движеніе всѣхъ внутренностей, а на галопѣ движеніе *волнообразное*, успокоивающее, при чемъ начинаетъ работать другая система мускуловъ, и взбудораженное кровообращеніе получаетъ тотчасъ же иную, болѣе правильную циркуляцію. Каждому изъ насъ случалось замѣчать, какъ почтовыя лошади, или сопровождающія васъ собаки, умно распоряжаются безо всякихъ понуканій: сперва пробѣжитъ версты двѣ, три рысью, потомъ галопомъ, на столько равномѣрнымъ, что можно слѣдить по секундной стрѣлкѣ размѣръ колебаній или взмаховъ корпуса, потомъ опять рысью, а тамъ опять галопомъ, но только непремѣнно уже

съ другой ноги—и все сама; иногда она мѣняетъ ноги на галопѣ, но это уже есть признакъ начинающей приближаться усталости. Но вотъ изъ этого спокойнаго и удобнаго для животнаго *хода* разные ритмейстеры, балетмейстеры и танцмейстеры сочинили *манежный* галопъ, при которомъ волнообразное движеніе переходитъ въ *коромыслообразное*, удесятиряющее напряженіе сказанной системы мускуловъ и разбивающее переднюю ногу, принимающую паденіе, т. е. опусканіе корпуса, во время 3-го темпа. Природа, знавшая по всей вѣроятности предназначеніе лошади, снабдила ее соотвѣтствующимъ тѣлосложеніемъ; взгляните на ея передъ и задъ; переднія ноги, при менѣе сильномъ развитіи мускулатуры, имѣютъ кости, расположенные въ прямомъ сочлененіи, что вполнѣ достаточно для выполненія роли *подпорокъ*, а заднія ноги имѣютъ сочлененіе костей, расположенное по системѣ рычаговъ, и снабжены мускулатурой въ десять и даже болѣе того разъ сильнѣйшей относительно переднихъ ногъ, и что тоже вполнѣ достаточно для всякаго рода *подъемовъ* корпуса; а потому всѣ эти *сборы* и *посаживанія* на задъ есть не болѣе какъ плодъ разыгравшейся фантазіи разныхъ *мейстеровъ*, ненужны даже при такой ерундѣ какъ *Испанскій ходъ*, *пируэты*, *курбэты* и *манежные* галопы, что портитъ лошадей еще болѣе, чѣмъ неумѣлое или преднамѣренное *ломаніе* лошади казакомъ. Въ чужомъ глазу соринку замѣчаемъ, а въ своемъ бревна не видимъ. Испортить лошадь можно при всякой посадкѣ и управленія, и точно такъ можно заставить ее, т. е. пріучить исполнять всевозможныя эволюціи посредствомъ не однихъ только манежныхъ правилъ, а всячески, напр. можно поднять въ галопъ и шенкелемъ, и щипнувъ ее за ухо, и взмахомъ нагайки, произведеннымъ извѣстнымъ способомъ—словомъ, какъ пріучите. А что значитъ такъ называемый *нижній* сборъ? у какого сорта лошадей бываетъ онъ и почему? нижнимъ сборомъ называется, когда лошадь, сохраняя согнутую кольцомъ шею, опускаетъ ее (начиная отъ холки) и достаетъ мордой почти-что до колѣнъ. Дѣлаютъ это *слабыя спиною* лошади, а имѣютъ поползновеніе дѣлать *всѣ* лошади послѣ продолжительнаго бѣга для того, чтобы если не сгорбить, то по крайней мѣрѣ возможно больше натянуть спину и тѣмъ оказать нѣкоторое противодѣйствіе равномѣрно колотящей ее все въ одну и ту же точку тяжести вьюка или всадника. Но манежная школа всячески противится этому: шенкелями, *отыгриваніемъ* повода и наконецъ насильственнымъ *поднятіемъ* посредствомъ цука; несчастная лошадь поднимаетъ шею, на спинѣ образуется какъ бы впадина и довольный всадникъ начинаетъ углублять эту впадину своимъ толченіемъ; но не на долго, лошадь опять опускаетъ шею, а всадникъ опять поднимаетъ ее, и т. д. безъ конца; а результатомъ этого оказывается *сѣдлистость* и затѣмъ полная негодность; а при казачьей посадкѣ *сбора* никакого не требуется, придвинутая немного ближе къ холкѣ сѣдловка сильно облегчаетъ спину и лошадь со

слабой спиною будетъ бѣжать рысью сколько угодно. Много ли вамъ случалось видѣть *сѣдлистыхъ* лошадей, въ казачьихъ полкахъ, или послѣ службы въ оныхъ? Что касается меня, то я что-то не припомню, развѣ-что въ послѣднее время донскихъ лошадей изъ перепорченныхъ заводовъ, т. е. помѣсь ихъ съ англійскими, которыя отъ своихъ отстали, а къ чужимъ не пристали—потеряли свои прирожденныя хорошія качества, а пріобрѣли болѣе красивую наружность, но за то и всѣ недостатки той породы: склонность къ шпату, къ козинцу (слабость ногъ) и слабость спины. За тѣмъ мы видимъ то же самое и въ упряжи. Русская упряжь предоставляетъ лошади полную свободу пользоваться всѣми частями своего тѣла, а англійская—нѣтъ. Главное и болѣе всего практикуемое усиліе каждой упряжной лошади производится посредствомъ напряженія заднихъ ногъ и поясницы; но въ тѣхъ случаяхъ, когда лошади приходится жутко и она, желая помочь заду, захочетъ вытянуть шею съ мордою и опустить даже все это къ низу, при чемъ шея и голова играютъ роль уравновѣшивающаго рычага (безмѣнъ), проклятый мундштукъ и проч. приспособленія шоръ не дозволяютъ этого, шея остается высоко приподнятою и центръ давленія и напряженія перемѣщается на середину спины и такимъ образомъ получаются сѣдлистыя лошади и послѣ упряжи. А для исполненія правилъ манежной ѣзды, напр. хотя бы употребленія шенкелей, требуется тоже физическая сила, и сила не малая; а много ли найдется въ каждомъ полку и офицеровъ и новобранцовъ съ хорошими шенкелями? сами знаете—разъ, два! и обчелся, у остальныхъ же не шенкеля, а такъ называемые *макароны*—причина, почему теперь разводится такъ много солдатскихъ безповодыхъ лошадей, а офицеры такъ часто портятъ лошадей, ранѣе того бывшихъ хорошими. Мнѣніе, что будто бы казачья и вообще азіатская посадка требуетъ непремѣнно, чтобы сѣдло было на переду, чтобы были слишкомъ короткія стремена, что при ней нѣтъ *шлюса*, что при ѣздѣ рысью надо непремѣнно *стоять* на стременахъ, есть мнѣніе столь же неосновательное, какъ и весьма распространенное мнѣніе, что есть порода какихъ-то *Казачьихъ* лошадей, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ существуютъ нѣсколько разнообразныхъ какъ по типу, такъ и по количеству породъ: Киргизскія, Донскія, Калмыцкія, бывшія Черноморскія, если не перевелись уже Кабардинскія и Казахскія (закавказскія въ Бурчалѣ), да еще нѣсколько мелкихъ породъ, напр. мелкія лошадки Дагестана безъ особаго названія, закавказскія «Бача» и Куртинскія лошади. Такъ какъ теперешніе казаки, вслѣдствіе перемѣнившихся условій, далеко не то, чѣмъ они были лѣтъ 50—70 тому, и хотя они все-таки прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ боевой народъ, но все-таки между ними попадается много такихъ, которые или вовсе не садились на лошадей до поступленія на службу, или ѣздили очень мало; вотъ они-то именно и не могутъ, т. е. не знаютъ какъ справиться съ лошадью; сѣдлаютъ слишкомъ на передъ

и ѣздятъ рысью, *стоя* на стременахъ, но проѣхавъ версты 3—4, такой всадникъ непремѣнно усядется въ сѣдло, начнетъ *привставать* только на стременахъ и вообще черезъ полъ года, много черезъ годъ, узнаетъ въ чемъ вся суть; но вѣдь ѣздить рысью съ наклоненіемъ корпуса впередъ и съ привставаніемъ на стремена дозволяютъ также и пресловутые спортсмэны. Всадники, ѣздящіе на казачьихъ сѣдлахъ, не зная слова *шлюсъ*, пользуются имъ гораздо болѣе, чѣмъ мы съ вами на томъ основаніи, что казачье сѣдло, возвышаясь надъ плоскою, т. е. круглою поверхностью спины лошади, изображаетъ изъ себя уголъ, приходящійся въ пору углу образуемому соединеніемъ человѣческихъ ногъ, гораздо болѣе и аккуратнѣе, чѣмъ плоская поверхность всѣхъ прочихъ сѣделъ, заставляющихъ выворачивать ноги неестественнымъ до боли въ бедренныхъ составахъ образомъ, къ чему регулярные кавалеристы привыкаютъ не скоро; именно шлюсомъ и держатся на казачьихъ сѣдлахъ и уже никакъ не икрами ногъ, т. е. шенкелями, что весьма неудобно уже потому, что вы рискуете ободрать себѣ икры до крови на 3-й или 4-й верстѣ. Набивать подушку казачьяго сѣдла до размѣровъ пузыря васъ никто не заставляетъ, потому-что это дѣло вкуса и привычки; такъ, Донцы ѣздятъ на подушкахъ, набитыхъ довольно плотно, Кабардинцы, Черкесы, а съ ними и Линейцы ѣздятъ уже на значительно болѣе тонкихъ подушкахъ; Турки, Персіяне, а съ ними закавказскія племена ѣздятъ уже на тонкихъ войлочныхъ лепешкахъ, или коврикахъ, при чемъ низъ орчака одинаковъ рѣшительно у всѣхъ восточныхъ наѣздниковъ, а верхъ имѣетъ незначительное измѣненіе въ передней лукѣ. А на подушкахъ, набитыхъ а-ля пузырь, ѣздятъ всѣ купившіе сѣдло и прямо изъ лавки кладущіе его такъ какъ оно есть на спину лошади, въ полной увѣренности, что всѣ принадлежности этого сѣдла и пригонка ихъ непогрѣшима, въ чемъ подобные ѣздоки разочаровываются въ тотъ же день, бросаютъ его и, не разузнавъ въ чемъ дѣло, начинаютъ хулить казачьи сѣдла и посадку съ тономъ знатоковъ, которые *сами ѣзживали на казачьихъ сѣдлахъ*. Въ подтвержденіе удобства ѣзды на этихъ сѣдлахъ могу назвать одного офицера, прослужившаго нѣсколько лѣтъ въ регулярной кавалеріи на придуманномъ имъ самимъ сѣдлѣ, имѣющемъ только наружный видъ форменнаго офицерскаго сѣдла, но низъ совсѣмъ казачій, и на мундштукѣ, имѣющемъ только наружный видъ форменнаго, чего никто никогда не замѣчалъ и узнали объ этомъ только нѣсколько товарищей лишь тогда, когда сѣдло было въ подробности показано имъ въ разобранномъ видѣ. Но благодаря тому, что удобство надо было приносить въ жертву подражанія форменности, сбруя эта хотя и была нѣсколько удобнѣе форменной, но отставала далеко отъ казачьей; но все-таки офицеръ ѣздилъ на ней изъ нежеланія пользоваться иностраннымъ. Слѣдовательно, намъ есть у кого поучиться и кой-чѣмъ позаимствоваться, кромѣ англійскихъ спортсмэновъ. Нашли учите-

лей—Англичанъ и Французовъ! Дѣло Французовъ: сочинять скабрезныя вещи, шить фраки и затѣвать республики; а дѣло Англичанъ: корчить изъ себя дураковъ-оригиналовъ, дѣлать машины и всякія торгашества и отравлять Китайцевъ опіумомъ. Лошадиное же дѣло принадлежитъ азіатцамъ съ нами во главѣ. Пора перестать намъ обманывать себя и морочить пѣхотныхъ и проч. офицеровъ, изображая изъ своей ѣзды какую-то кабалистику. Только-что Правительство и начальство пожелаетъ провести какую нибудь истинно полезную мѣру, какъ мы сами начинаемъ поднимать вопль о какихъ-то пустякахъ и традиціяхъ и сбиваемъ его съ толку.

III. Шпоры.

Прототипомъ и родоначальникомъ шпоръ слѣдуетъ считать башмакообразныя заостренныя стремена восточныхъ наѣздниковъ; отъ нихъ же пошли и мундштуки, которые и до сихъ поръ остались въ своемъ первоначальномъ видѣ и извѣстны своею строгостью и возможностью: мундштукомъ сокрушить челюсть, а стременами просадить до кишокъ бока лошади. Но Персіяне, Турки и особенно Арабы боготворятъ своихъ, дѣйствительно чудныхъ, лошадей, родятся на сѣдлѣ, ѣздятъ въ совершенствѣ, знаютъ когда и въ какой мѣрѣ примѣнить эти строгія орудія, и уже если рѣшаются злоупотребить ими, то значитъ—или нельзя иначе, или пришелъ послѣдній часъ, вынуждающій рѣшиться на все и потребовать отъ своего друга коня-товарища послѣдняго, сверхъ естественнаго усилія и въ случаѣ неудачи пропадать обоимъ. Не только-что всѣмъ этимъ европейцамъ, но даже и намъ далеко до нихъ въ этомъ отношеніи. Наша старинная конница, находившаяся всегда въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ наѣздниками монгольскихъ племенъ, имѣвшихъ собственный культъ, и не употреблявшихъ сказанныхъ орудій, усвоила ихъ сбрую, какъ вполнѣ удовлетворявшую ея обстановкѣ и встрѣтившись впослѣдствіи съ наѣздниками турецко-персидской расы, не переняла отъ нихъ ничего. Европейская кавалерія, ведущая свое происхожденіе отъ смѣху подобной кавалеріи Римской имперіи, вбивавшей тумбы по дорогамъ своего государства для того, чтобы было удобнѣе вскарабкиваться на лошадей, отправившись въ Крестовые походы, впервые встрѣтилась со знаменитыми наѣздниками востока и разумѣется переняла отъ нихъ все, что могла, въ томъ числѣ мундштуки и острыя стремена, что было имъ положительно не къ рылу, въ чемъ они и убѣдились впослѣдствіи. Первыми убѣдились въ этомъ крестоносцы одной изъ колоннъ (3-го или 4-го похода), сбившейся съ дороги, зашедшей на Кавказъ черезъ Грузію, поселившейся на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта вплоть до Кубани и Терека и сдѣлавшейся родоначальницей теперешнихъ Кабардинцевъ, Чеченцевъ, Абадзеховъ, Шапсуговъ, Бжедуховъ, Натухайцевъ и Убыховъ (адыге). Крестоносцы эти тотчасъ же бросили перенятую отъ Арабовъ сбрую,

не смотря на то, что были окружены и съ тыла и со стороны Каспійскаго моря народностями турецко-персидской расы, и переняли сбрую своихъ сѣверныхъ сосѣдей: Ногайцевъ, Узбековъ, Калмыковъ (Монголовъ великой Орды), Берендѣевъ, Черныхъ клобуковъ (зачатки нашихъ казаковъ). Слѣдовательно наша старинная Конница была права, потому-что сообразила, что ни по характеру своему, ни по климату, ни по условіямъ жизни, она не въ состояніи воспитать лошадей подобныхъ, доведеннымъ стараніями цѣлыхъ поколѣній, до послѣдней степени: совершенства, ума и благородства,—лошадямъ Арабскимъ, Варварійскимъ, Тюркменскимъ, Персидскимъ и проч., а потому не переняла и сбруи ихъ, и осталась при своей, какъ вполнѣ сообразной съ ея обстановкой. Вскорѣ и европейская кавалерія начала замѣнять и передѣлывать восточную сбрую на болѣе подходящую, и острыя стремена были замѣнены шпорами, привязывавшимися къ сапогамъ; шпоры эти были очень длинны, имѣли звѣзду въ пять или шесть черезвычайно острыхъ зубцовъ, которыми можно было нанести серьезныя раны лошади, но которыми можно было также и порвать свои сапоги, штаны и поколоть самого себя, почему они также, измѣняясь мало по малу, приняли наконецъ видъ теперешнихъ шпоръ. Во время передѣлки нашихъ старыхъ войскъ на европейскій манеръ перешла къ намъ и вся ихъ сбруя, и въ томъ числѣ шпоры. Теперешними шпорами можно еще напугать: офицерскую, нѣкоторыхъ изъ шеренговыхъ и молодыхъ лошадей, т. е. лошадей хорошо содержанныхъ и обладающихъ полною энергіей, но повинующихся столько же и шенкелямъ и всякому щекотанію вообще, а какъ только приходится имѣть дѣло съ лошадками посредственнаго тѣлосложенія и темперамента и со всѣми вообще лошадьми во время похода, т. е. притомившимися, то шпоры эти возбуждаютъ только смѣхъ. Шпорьте сколько угодно, а лошадь, знай себѣ, взмахнетъ хвостомъ и много-много если пробѣжитъ шибче нѣсколько шаговъ, не смотря на то, что солдатскія шпоры значительно круппѣе и строже офицерскихъ. Къ тому же не только большинство солдатъ, но и весьма многіе Офицеры не умѣютъ, и не могутъ дать рѣдкой, но доброй, отрезвляющей пары шпоръ, а вмѣсто того безпрестанно болтаютъ ногами, воображая, что даютъ шпоры, теряютъ свою посадку и окончательно дискредитируютъ наказаніе это въ глазахъ лошади, пріучая ее относиться въ нему равнодушно. Заводить опять трехвершковыя шпоры неумѣстно, а такъ какъ теперешнія шпоры, кромѣ своей несостоятельности, безпрестанно ломаются, теряются, увязаютъ въ грязи, вытаскивая съ каждымъ шагомъ цѣлые пуды оной, что особенно неудобно во время похода, то слѣдовало бы отмѣнить ихъ совсѣмъ и дать вмѣсто нихъ нагайки, безъ которыхъ и теперь не обходятся въ военное время, ни Офицеры, ни нижніе чины, обзаводящіеся ими на свой счетъ. Полкамъ Гвардейской кавалеріи, кромѣ Казаковъ, можно оставить шпоры, пожалуй можно еще

оставить ихъ Офицерамъ Армейской кавалеріи, въ видѣ украшенія, но со всѣхъ Артиллерійскихъ и Пѣхотныхъ Офицеровъ, со всѣхъ военныхъ чиновниковъ, какъ-то: Докторовъ, Интендантовъ, Инженеровъ, Топографовъ и т. п. публикѣ никогда ничего общаго съ верховой ѣздою не имѣющихъ—онѣ должны быть сняты безусловно.

IV. Сѣдла.

Въ настоящее время весьма озабочены прінсканіемъ сѣдла новаго образца, потому-что теперешнія: а) слишкомъ набиваютъ лошадей, какъ доказала послѣдняя кампанія, б) деревянные леньчики (или арчаки) непрочны и ломаются и в) сѣдла слишкомъ тяжелы.

Набиваніе лошадей. Въ эту компанію лошади дѣйствительно набивались, такъ-что эскадроны, выступившіе изъ Россіи въ августѣ съ 16-ю рядами, во взводахъ, имѣли въ ноябрѣ и декабрѣ того же года только по 10, 9 и даже 8 рядовъ, во взводахъ—убыль громадная, причемъ убитыхъ и раненыхъ въ сраженіяхъ былъ весьма ничтожный процентъ; но вѣдь кромѣ подобнаго сбиванія въ ту же кампанію творилось очень много безобразій, о которыхъ и понятія не имѣли въ прежнія кампаніи, и такъ какъ въ одномъ извѣстномъ мнѣ эскадронѣ за всю эту кампанію было всего 10 больныхъ лошадей, изъ коихъ пало только шесть, да и то одна сломала ногу, а двѣ обгорѣли во время пожара и были пристрѣлены, то мнѣ любопытно было узнать о причинахъ такой громадной разницы; но на всѣ вопросы я получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «трудности походной жизни и плохія сѣдла»! «Да чѣмъ же плохія, вѣдь они сдѣланы на манеръ казачьихъ»? «А вотъ именно тѣмъ и плохія, потому-что казачьи сѣдла дрянь и у казаковъ столько же набитыхъ лошадей, сколько и у насъ»! Доказательствомъ того, что казачьи сѣдла не дрянь, служитъ то обстоятельство, что на казачьихъ и имъ подобныхъ (съ самыми пустячными наружными различіями) сѣдлахъ ѣздятъ милліоны кочевыхъ наѣздниковъ, для которыхъ сѣдло есть домъ, дѣлать переходы по сто верстъ въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ—плевое дѣло, набить лошадь—считается позоромъ; но кромѣ того я не могу согласиться съ этимъ и потому, что самъ сдѣлалъ нѣсколько походовъ на казачьемъ сѣдлѣ и не только-что ни разу не набивалъ своей лошади, но бралъ подъ себя сбитыхъ уже лошадей, которыя выздоравливали подъ этимъ сѣдломъ. А отговорка, что у казаковъ оказалось столько же сбитыхъ лошадей, сколько и въ регулярныхъ полкахъ не можетъ быть доказательствомъ непригодности этого сѣдла, а напротивъ служитъ доказательствомъ полной пригодности его.

По чему? Во первыхъ мнѣ положительно извѣстно, что въ казачьихъ полкахъ число сбитыхъ лошадей было значительно меньше, но допустивъ даже, что число это было одинаково, необходимо имѣть въ виду слѣдую-

щее: какъ ни былъ плохъ присмотръ за лошадьми въ кавалерійскихъ полкахъ, но онъ все-таки былъ, и солдатамъ не позволяютъ, да имъ и не приходится дѣлать того, что продѣлываютъ казаки: во первыхъ, они отлучаются по одиночкѣ въ весьма продолжительныя иногда командировки; во вторыхъ, они въ большинствѣ случаевъ довольствуютъ лошадей своихъ сами, а тутъ при желаніи зашибить лишнюю копѣйку худоба лошади на лицо, а отъ худобы до набивки всего одинъ шагъ, потому-что худую съ выдавшимися костями лошадь гораздо легче набить нежели сытую; въ третьихъ, казаковъ заставляютъ перевозить на сѣдлахъ кули, дрова, мѣшки съ сухарями, при чемъ они сами сидятъ еще на лошадяхъ, а если такой работы нѣтъ, то они постоянно возятъ на сѣдлахъ такіе вороха всякаго добра, что другой разъ изъ-за нихъ и самого казака не видать. Интересно было бы узнать, по сколько не сбитыхъ лошадей оказалось бы при такихъ условіяхъ въ регулярныхъ полкахъ—пожалуй, что одни только офицерскія! А еще говорятъ, что казачьи, а за ними и регулярные лепчики никуда не годятся и во всемъ виноваты! «Такъ кто же виноватъ»? Во первыхъ сплошная неопытность слишкомъ молодаго состава нижнихъ чиновъ; во вторыхъ, повальная неподготовленность и незнаніе разныхъ считаемыхъ за пустяки мелочей, со стороны офицеровъ, и въ третьихъ, отсутствіе способа быстраго взысканія съ провинившихся какъ въ мирное, такъ особенно въ военное время. Прежніе солдаты, побывавъ въ теченіе 25-ти лѣтъ во многихъ походахъ и переходахъ, знакомились съ такими мелочными повидимому пріемами и ухватками, о которыхъ теперь и понятія не имѣютъ, и твердо знали всѣ неудобства, падающія прежде всего на нихъ самихъ за несоблюденіе этихъ мелочей, т. е. если они сами не заботились о себѣ, то никто не давалъ себѣ труда напоминать имъ объ этомъ, а требовали только, чтобы все было исправно и—баста; набить лошадь считалось проступкомъ серьезнымъ, и видѣть драгуна, путешествующаго пѣшкомъ впереди эскадрона, съ сѣдломъ на головѣ—случалось не часто, а потому они не только не нуждались въ чьихъ либо подсказахъ, но сами были всегда первыми и самыми дѣловитыми по этой части указчиками для юнкеровъ и молодыхъ офицеровъ, что можетъ засвидѣтельствовать съ искренней и глубокой имъ благодарностью каждый юнкеръ и молодой офицеръ 50-хъ годовъ.

Прежніе офицеры служили тоже гораздо дольше (благодаря условіямъ тогдашней жизни), чинопроизводство шло медленнѣе и ровнѣе; требуемый отъ офицеровъ кругъ познаній не былъ такъ всесторонепъ и не забиралъ такъ высоко, а потому требованія были строже, познанія усвоены тверже и недостатка въ опытныхъ командирахъ не большихъ чиновъ—никогда не было. Теперешніе же солдаты и унтеръ-офицеры мало того, что неопытны, но и не даютъ себѣ даже труда помнить и исполнять то, что имъ неоднократно подтверждаютъ. Есть за ними этотъ грѣшокъ, и потому

замѣчанія другаго Начальника: «Да, помилуйте, вы ничему людей не учили, не растолковывали имъ», увидѣвшаго, что солдаты сдѣлали и дѣлаютъ что нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ—бываютъ очень часто совсѣмъ неосновательными. Это происходитъ отъ двухъ причинъ: во первыхъ, теперешній солдатъ не соображаетъ, что въ случаѣ если онъ останется безъ сапогъ, или въ разорванномъ платьѣ, отъ того, что полѣнился своевременно смазать ихъ саломъ, или скорѣй зачинить первую показавшуюся дырку, то заболѣетъ и въ госпиталѣ умретъ онъ, а не ротный командиръ, напоминающій ему объ этомъ и за тѣмъ, что если въ этомъ случаѣ берегутъ его дурака, то столько же берегутъ лишній штыкъ, лишняго всадника съ лошадью и проч. сбруей; что въ этомъ случаѣ онъ самый, который всегда не задумываясь радъ положить жизнь свою за Царя, уклоняется отъ этой готовности вовсе не изъ трусости и нежеланія, а благодаря неряшливости и безшабашности чувствъ, одинаково ему съ храбростью и беззавѣтною преданностью присущихъ; а такъ какъ всѣ эти качества, взятыя вмѣстѣ, составляютъ отличительную, *характерную* черту многомилліоннаго народа, то съ чертой этой необходимо считаться, а она требуетъ умѣлаго, не впадающаго ни въ какія крайности, обращенія; а потому филантропія—филантропіей, а дѣло своимъ чередомъ; а во вторыхъ, онъ знаетъ, что за несоблюденіе разныхъ мелочей ему почти ничего сдѣлать нельзя: отдать подъ судъ—не приходится; а если каждый эскадронный командиръ посадитъ подъ арестъ хотя бы по 3 человѣка—ни на какой гауптвахтѣ мѣста не хватитъ; засадить его подъ арестъ на долго, или назначать часто на дежурства—значитъ отрывать его отъ занятій и заставлять работать за него другихъ; посадить не на долго, или нарядить на одно дежурство—значитъ доставить ему отдыхъ; отложить наказаніе до болѣе удобнаго времени—равносильно оставленію безъ наказанія вовсе. Да и все это возможно только въ мирное время, при самой правильной организаціи всей системы наказаній, чего по разнымъ независящимъ отъ насъ причинамъ ни въ одномъ полку нѣтъ, не смотря на то, что уже 25 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ новыя наказанія замѣнили систему старыхъ; а въ военное время, такъ и этихъ наказаній примѣнить нельзя. Въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ эскадроновъ передъ выступленіемъ въ походъ объясняли нѣсколько дней подъ радъ правила и разные пріемы, посредствомъ которыхъ можно избѣгнуть сбиванія лошади, и уже за одно отдано строжайшее приказаніе, чтобы проѣздомъ по желѣзной дорогѣ никто изъ нижнихъ чиновъ ни подъ какимъ предлогомъ не смѣлъ выходить изъ вагоновъ иначе какъ по сигналу трубача. До Кіева все шло благополучно; но миновавъ его и подъѣзжая къ какой-то станціи, командиръ, желая подать сигналъ, увидѣлъ, что двое солдатъ выскочили уже и носятся по платформѣ и оба, какъ всегда ужъ въ подобныхъ случаяхъ и какъ оказалось впослѣдствіи, по

самымъ не терпящимъ отлагательства, чрезвычайнымъ случаямъ: одному надо было набрать воды въ бутылку, а другому за нуждой. Подзываютъ ихъ и приказываютъ повторить, въ какомъ случаѣ они имѣютъ право выходить изъ вагоновъ. «Какъ трубачъ проиграетъ, В. Б-іе»! «Стало быть знаете»? «Такъ *точно*, В. Б-іе»! «Такъ зачѣмъ же выскакивали раньше сигнала»? «Виноваты, В. Б-іе»! Нечего дѣлать, пришлось выдрать обоихъ тутъ же за вагонами и объяснить, что воду можно было набрать нѣсколькими минутами позже (благо стоимъ по два часа на каждой станціи), а нужду можно было сдѣлать въ вагонѣ (благо лошади и солдаты не барышни, не взыщутъ), а потомъ выкинуть, а если не такъ приспичило, то можно и обождать, но что приказаніе должно быть во что бы то ни стало исполнено. Послѣ этого выскакивающихъ уже не было вплоть до послѣдней станціи, не смотря на то, что соблазнъ былъ великъ: ѣхавшія вмѣстѣ и попадавшіяся на станціяхъ другія команды вели себя не особенно для себя стѣснительно, а офицеры ихъ ничего, допускали, потому что какъ же: въ походъ идемъ, кровь проливать будемъ! Точно будто прежде нихъ войска никогда не выступали въ походъ изъ Россіи и не видали такой *ужасти*. Въ селѣ Корнешти, гдѣ эскадронъ высадился и долженъ былъ продолжать походъ на лошадяхъ были подтверждены правила сѣдловки; на слѣдующемъ переходѣ, не доходя верстъ пяти до Унгенъ, эскадронъ былъ неожиданно остановленъ, разсѣдланъ и была произведена *выводка*: оказались двѣ лошади съ начинавшимся уже сбоемъ и одна пристяжная въ обозѣ съ сильно ссаженной передней лопаткою. Оба солдата, сбившіе лошадей, какъ оказалось, ѣхали на неподтянутыхъ подпругахъ, имѣли слишкомъ длинные стремена (одному изъ нихъ взводный самъ укоротилъ ихъ еще сегодня утромъ, а тотъ опять отпустилъ ихъ для большаго удобства колѣнъ), позабыли укоротить *живецъ*, и сѣдла ихъ, равно какъ и еще у нѣкоторыхъ солдатъ, были переполнены всякой дрянью и рухлядью, не смотря на строжайшее воспрещеніе, отданное еще дома во время раздачи вещей дѣйствительно необходимыхъ въ походѣ, какъ-то: нитки, дратва, иголки, шилья, воскъ, гвозди, подметки и проч., а пристяжная была попорчена отъ того, что фурштатъ не потрудился распрямить постромки, а пристегнулъ ее къ вальку, какъ была перекрутившись на ночлегѣ и что было узнано по окровавленнымъ краямъ постромки; а между тѣмъ передъ выступленіемъ всѣмъ фурштатамъ показаны были правила упряжки, только-что полученныя отъ конской повинности новыя лошади разбиты на четверки, вся сбруя на нихъ пригнана, обозу произведено нѣсколько проѣздокъ и фурштаты предупреждены, что сбруя новая, будетъ вытягиваться, а потому, чтобы они смотрѣли въ оба, первое время и выравнивали ее; словомъ, поступлено было вполнѣ по хозяйски, и вдругъ этакія вещи на второмъ переходѣ. Всѣ провинившіеся, будучи спрошенными, прекрасно и

толково повторили всѣ правила, но не исполнили ихъ только на дѣлѣ отъ того, что кто изъ нихъ: «Виноватъ, В. Б-іе»! а кто: «Въ тѣ поры запамятовалъ, В. Б-іе»! Опять—нечего дѣлать—пришлось выдрать всѣхъ троихъ и заставить идти пѣшкомъ, пока лошади выздоровѣютъ, а вещи порвать, поломать и разбросать по полю. Затѣмъ пришлось еще какъ-то разъ напомнить о неудобствѣ неисполнять приказанное, и результатомъ этого было: за весь походъ отъ тифа умеръ всего *одинъ* человѣкъ; больныхъ по госпиталямъ вовсе не было; павшихъ лошадей 6; утерянныхъ вещей: одна полоска съ темлякомъ, два котелка и одинъ подсумокъ; обозъ хотя и передѣланъ вслѣдствіе его положительнаго неудобства и тяжести, но довезенъ въ С.-Стефано въ полной цѣлости и исправности. Обмундировка и все прочее сохранено на столько, что эскадронъ въ новыхъ вещахъ не нуждался и не выписалъ ихъ подобно всѣмъ другимъ войскамъ. Но прибѣгать къ этому наказанію было, собственно говоря, контрабанда; а за тѣмъ эскадронъ этотъ состоялъ исключительно изъ безсрочно-отпускныхъ, которые болѣе разбалованы пребываніемъ нѣсколькихъ лѣтъ въ мужицкой жизни, но за то помнящихъ еще старую дисциплину, а главное—людей *болѣе зрѣлыхъ и втянутыхъ въ физическій трудъ,* что еще разъ говоритъ противъ слишкомъ молодаго состава войскъ, изъ коего воюетъ только половина, много $^5/_8$, а остальное есть достояніе госпиталей и обходится страшныхъ денегъ. Для того, чтобы судить о ничтожности потерь этого эскадрона слѣдуетъ сравнить ихъ съ тѣмъ, что натворили во всѣхъ прочихъ частяхъ; а натворили тамъ то, что извѣстно одному Аллаху и незначительному числу людей, находившихся въ тылу, и имѣвшихъ возможность подмѣчать и сравнивать былое съ настоящимъ. Рѣшительно все сваливалось на трудность походной обстановки; но были ли походы труднѣе и суровѣе кавказскихъ и особенно послѣдняго, Закубанскаго, длившагося $3^1/_2$ года? А въ походъ этотъ войска выступили въ очередной обмундировкѣ и въ ней же домой вернулись; обмундировка, сбруя, палатки сильно обветшали; все было порвано, но зашито, поломано, но зачинено, потому-что было немыслимо выйдти во фронтъ въ разорванномъ, безъ пуговицъ и крючковъ, въ подпоясанномъ веревкой или косынкой, мундирѣ, въ рыжихъ недѣлю не мазанныхъ сапогахъ; надо было видѣть съ какой удивительной ловкостью и истинно артистическимъ умѣніемъ управлялись съ обозами тогдашніе деньщики и фурштаты, укладывая ли полновѣсные вьюки и переводя ихъ по бѣдовымъ тропинкамъ Чечни и Дагестана, или натискивая всѣмъ необходимымъ походнымъ добромъ огромные фуры, запряженныя шестерикомъ (какъ они звали «шестирою») и проѣзжая на нихъ по убійственнымъ мостамъ, бродамъ и едва намѣченнымъ дорогамъ Закубанья; все это стройно, въ порядкѣ безъ гвалта, и очень рѣдко случалось, чтобы они отстали и не пріѣхали во время со своими палатками, котлами и прочими хорошими штука-

ми, съ нетерпѣніемъ поджидаемыми войскомъ. Эхъ! доброе, могучее, безцѣнное было войско это, несокрушимая сила ГОСУДАРЕВА!! Въ концѣ этого похода про обмундировку никто и слова не говорилъ, и войска готовы были выступить сейчасъ же, опять, хоть на край свѣта. А тутъ въ концѣ Августа выступаютъ въ походъ во всемъ новомъ, съ иголочки, а въ концѣ Января, т. е. черезъ пять мѣсяцевъ до такой степени изорвались, растерялись, общипались, обломались, разбросали вещи и обозы по всей Турціи, такъ что срамъ смотрѣть было и поневолѣ являлся вопросъ: «Да войско ли это въ самомъ дѣлѣ, или пилигриммы»? А между тѣмъ въ этомъ войскѣ народъ тотъ же. Войско это было не въ состояніи двинуться ни на шагъ, не получивъ всего новаго (благо условія этой войны допустили это); ихъ экипировываютъ заново съ головы до ногъ и затрачиваютъ на это ужасныя деньги, которыхъ подавай только на веденіе этой самой войны! А начальники—что? Начальники—ничего! Нѣкоторые изъ нихъ, весьма немногіе, видѣли все и молчали, потому что твердо знали, что ихъ никто не послушаетъ, а остальные полагали, что иначе и быть не можетъ въ походѣ, и торжествовали, что побѣдили Турокъ.

Непрочность деревянныхъ леньчиковъ. Теперешніе наши леньчики дѣйствительно непрочны и скоро ломаются, но заключать изъ этого, что деревянные леньчики негодны неосновательно уже по той причинѣ, что будь это дѣйствительно такъ, то милліоны кочевыхъ наѣздниковъ, для которыхъ сѣдло есть домъ, а потребность ѣздить—то же, что намъ потребность ходить, навѣрное прежде насъ наткнулись бы на это обстоятельство и, бросивъ деревянные леньчики, давно замѣнили бы ихъ чѣмъ нибудь болѣе прочнымъ. Я знаю сѣдло, купленное еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, на которомъ ѣздятъ съ тѣхъ поръ постоянно и сдѣлали на немъ нѣсколько походовъ; леньчикъ (или арчакъ) этого сѣдла нуждался иногда въ оклейкѣ новой кожею, въ починкѣ слегка расшатанной луки и т. п. пустякахъ, но онъ и по сей день въ полной исправности, потому-что дерево арчака дѣлается все лучше и лучше съ каждымъ годомъ, все равно какъ дерево старой скрипки. Это знаютъ всѣ любители сѣделъ; а потому прежде чѣмъ хулить наши леньчики, хвататься за желѣзные и т. п. образцы европейцевъ, которые постоянно воруютъ всѣ наши хорошія выдумки и, переиначивъ ихъ немного на свой ладъ, выдаютъ за свои—поищемъ немного причины негодности теперешнихъ леньчиковъ: а) основа всего леньчика есть передняя и задняя луки; весь леньчикъ долженъ быть сдѣланъ изъ березоваго дерева, причемъ *полки* изъ березовыхъ досокъ, а луки *обязательно* изъ березоваго *корня*, или изъ *узла развѣтвленій* двухъ толстыхъ вѣтвей, что составляетъ естественную, природную вилку и что разумѣется очень прочно; но кромѣ того и корень и узелъ приготовляются еще извѣстнымъ способомъ, прежде чѣмъ приступить къ обстроганію

ихъ на луки: корни эти и вилки закапываются мѣсяцевъ на шесть въ навозъ, послѣ чего сушатся дня два—три въ банѣ, или другой тому подобной сушильнѣ и за тѣмъ сохнутъ уже совсѣмъ, на вольномъ воздухѣ. Но въ послѣднія 10—15 лѣтъ почти всѣ полки перестали дѣлать леньчики своими мастеровыми, а стали выписывать готовенькіе уже отъ разныхъ фабрикантовъ, которые преспокойно дѣлаютъ весь леньчикъ изъ березовыхъ досокъ, что гораздо дешевлѣ, требуетъ гораздо меньше возни и на что полки не обращаютъ никакого вниманія, благо леньчикъ выкрашенъ, замазанъ лакомъ и блеститъ. Разумѣется, что дуга или вилка, выпиленная изъ доски, какъ бы она толста ни была (что эти господа дѣлаютъ въ ущербъ легкости сѣдла), не можетъ имѣть прочности дуги или вилы, сдѣланныхъ природой; почему луки изъ досокъ раскалываются при первомъ серьезномъ толчкѣ, держатся еще нѣкоторое время на вдѣланныхъ въ нихъ толстыхъ желѣзныхъ дужкахъ (чего никогда нѣтъ ни въ казачьихъ, ни въ азіатскихъ сѣдлахъ), а потомъ начинаютъ плясать, набивать лошадь и затѣмъ ломаются окончательно. Въ каждой выписанной партіи леньчиковъ есть много съ едва замѣтнымъ надколомъ, замазаннымъ иногда краской и лакомъ; б) но если требовать отъ нашихъ леньчиковъ прочности азіатскихъ и казачьихъ сѣделъ, то слѣдуетъ дѣлать ихъ изъ того же дерева, что они; а они никогда не дѣлаютъ своихъ арчаковъ изъ березоваго дерева, а дѣлаютъ ихъ изъ *карагуча* и еще нѣсколькихъ породъ деревьевъ, растущихъ на Дону, на Кавказѣ и въ степныхъ мѣстахъ; а такъ какъ вся основа леньчика заключается въ лукахъ, то можно еще допустить березу для полокъ; луки же должны быть обязательно изъ *корней карагуча* и прочаго употребляемаго Азіятцами дерева. «Да, помилуйте, откуда набраться этихъ корней, когда и березовыхъ трудно добывать»? «Какъ откуда»? Вѣдь Чай не ростетъ въ Петербургѣ, а его добываютъ? Сардинокъ нѣтъ на Волгѣ—а ихъ тоже добываютъ? На рукоятки новыхъ шашекъ потребовалось какое-то американское (вполнѣ могущее быть замѣненнымъ мѣстнымъ) дерево—и его тоже добываютъ? И позволяютъ себѣ говорить это при нашемъ обиліи самыхъ разнообразныхъ лѣсовъ, при повальномъ уничтоженіи ихъ и при образованіи такимъ образомъ десятковъ тысячъ десятинъ земли, которую надо выкорчевывать? Разумѣется, что самимъ полкамъ заняться добывкой этого лѣса несподручно, но для этого есть Интендантство; оно должно собирать карчи, пригодные для лукъ, сваливать ихъ въ склады (можно сдѣлать запасы хоть лѣтъ на 300) и разсылать ихъ по полкамъ въ необдѣланномъ видѣ, и уже пусть сами полки работаютъ, потому что отъ работъ Интендантства и господъ фабрикантовъ слѣдуетъ держаться подальше. Въ послѣднее время расплодилось большое количество всякихъ этихъ фабрикантовъ и военныхъ коммисіонерствъ, которые захватываютъ работы оптомъ, дѣлаютъ ихъ по цѣнамъ, положеннымъ для полковъ (вопреки здравому

смыслу; разъ изготовленіе продукта производится въ большихъ размѣрахъ, то должна быть значительная скидка противъ полковыхъ цѣнъ); но не смотря на это, не перестаютъ просить прибавки и дѣлать работу такъ, что она никакъ не можетъ сравниться съ работой прежнихъ полковыхъ мастерскихъ—работой, не гнавшейся за щегольской отдѣлкой, но прославившейся замѣчательной фундаментальностью. Всѣ эти господа кажется забыли, что въ нихъ никто не нуждается, что можно всегда оставить ихъ съ носомъ и въ случаѣ большихъ и экстренныхъ заказовъ военное вѣдомство можетъ засадить за работу арестантовъ и даже организовать это дѣло на правильныхъ началахъ. А съ другой стороны полки, вслѣдствіе быстрой перемѣны своего состава, начиная съ полковаго командира и кончая рядовымъ, не считаютъ себя столь заинтересованными какъ прежде имѣть всѣ вещи прочными и долговѣчными. И въ самомъ дѣлѣ, кто изображаетъ теперь изъ себя самыхъ прочныхъ старожиловъ полка, то, что называлось прежде *«ребрами полка»* и относилось къ самымъ почтеннымъ изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ? Какой нибудь трубачъ изъ жидовъ, казначейскій писарь, кой-гдѣ командиръ нестроевой роты и чиновникъ-дѣлопроизводитель! Но впрочемъ можно заставить относиться иначе къ полковому добру; в) теперешніе леньчики изготовляются по лекаламъ, изобрѣтеннымъ полковникомъ *Станкевичемъ* въ концѣ 50-хъ годовъ; но лекало это слишкомъ пересолило желаніемъ придать *полкамъ* леньчика поверхность вполнѣ схожую, т. е. соотвѣтствующую поверхности спины лошади и къ сожалѣнію, какъ выходитъ на повѣрку—спины *сѣдлистой* лошади (что произошло, надо полагать, отъ новизны дѣла), а потому всѣ *полки* выходятъ слишкомъ выпуклыми, по неволѣ прикасаются къ спинѣ не всей своей плоскостью, а нѣсколькими только точками, почему какъ туго ни подтягивай подпругъ, а сѣдло все-таки будетъ скользить по потнику, качаться и набивать. Гоняться за поверхностью спины не только-что *каждой* лошади, но и спины одной и той же лошади при разныхъ измѣненіяхъ ея (отъ худобы или полноты)—невозможно, да и лишне, потому-что всѣ мелкія неровности устраняются нормальной толщиной потника, а болѣе крупныя, происшедшія напр. отъ быстрой худобы лошади во время похода, устраняются добавочной (сообразно надобности) накладкой подъ потникъ или поверхъ онаго; а потому *полкамъ* слѣдуетъ придавать уклонъ нормальныхъ размѣровъ, поверхность совершенно плоскую, прямую, имѣющую, самые концы только, нѣсколько приподнятыми, т. е. закругленными въ верху для того, чтобы они не могли врѣзываться углами своими, сквозь потникъ, въ тѣло лошади, при чемъ передніе концы должны быть закруглены нѣсколько больше, т. е. сообразно возвышенію холки.

Тяжесть сѣдла. Сѣдла наши дѣйствительно тяжелы, но вмѣсто того, чтобы награждать ихъ еще желѣзными леньчиками и искать помощи у

иностранцевъ, поразсмотримъ поближе свое сѣдло. Главная тяжесть его происходитъ отъ желанія придать ему долговѣчность чуть ли не на сто лѣтъ, въ чемъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ сроки, установленные для разнаго рода ремней (металлическія вещи безсрочны) и затѣмъ взглянуть на толщину этихъ ремней, пряжекъ и колецъ. Къ чему это? уменьшите срокъ каждаго ремня на половину и сдѣлайте его вдвое тоньше; уменьшите толщину проволоки каждой пряжки и уменьшите объемъ этой пряжки вдвое и даже втрое; дайте вмѣсто четырехъ стелекъ потника двѣ; отбросьте все желѣзо и ремни мундштука, и за тѣ же деньги вы получите сѣдло значительно болѣе легкое, тѣмъ болѣе, что прочность ремней и войлока нисколько не зависятъ отъ ихъ толщины. Доказательствомъ этому служитъ то, что теперешніе толстые и широкіе *кожаные* ремни чрезвычайно подвержены порчѣ, весьма скоро сохнутъ, трескаются и наконецъ ломаются, все равно какъ щепки, при чемъ никакая толщина и ширина не спасаетъ ихъ; а, наоборотъ, *сыромятные* ремни, несмотря на толщину и ширину втрое меньшую, въ десять разъ крѣпче, гораздо легче кожаныхъ ремней и подвергаются порчѣ въ значительно меньшей степени. Изъ сыромятныхъ ремней лучшіе по достоинству—ремни Азіятскіе, а изъ нихъ первое мѣсто въ свѣтѣ принадлежитъ ремнямъ Кабардинскимъ, которые мягки какъ шолкъ и крѣпки какъ проволока. Разновременныя попытки ввести во всеобщее употребленіе Кавалеріи сыромятные ремни встрѣчали непреодолимыя препятствія со стороны крупныхъ фабрикантовъ, пускавшихъ въ ходъ всевозможныя мерзости, чтобы затормозить это дѣло, такъ какъ ремни эти своею замѣчательной прочностью и еще болѣе замѣчательной дешевизной угрожали ихъ интересамъ, а потому попытки эти кончались ничѣмъ или полумѣрами, и сыромятные ремни оказывались негодными для нашей Кавалеріи, между тѣмъ какъ все Казачество, а также и милліоны кочевыхъ наѣздниковъ, не имѣющихъ ни конюшенъ, ни манежей, ни казармъ, весь вѣкъ живущихъ подъ открытымъ небомъ и подвергающихся всѣмъ неудобствамъ непогоды,—другихъ ремней не знаютъ. «Азіятскіе и особенно Кабардинскіе ремни безспорно хороши, но вѣдь теперь Кабардинцевъ нѣтъ, и хорошіе ремни очень рѣдки и на Кавказѣ!» могутъ возразить на это. Совершенно вѣрно: съ тѣхъ поръ, какъ большинство Кабардинцевъ и Черкесовъ переселились въ Турцію и всякая торговля, въ томъ числѣ и сѣдельная, стала переходить въ руки торгашей-Армянъ, т. е. кустарное производство стало замѣняться оптовымъ: ремни, войлоки, бурки и проч. стали хуже. Но вѣдь то и жаль, то и срамъ, что, владѣя цѣлыя столѣтія такимъ множествомъ прекраснѣйшихъ мастеровъ, мы мало того что не воспользовались ими, но дали угаснуть искусству, т. е. зарыли талантъ въ землю! Но, слава Богу! Кабардинцы ушли не всѣ, и хорошіе мастера хотя рѣдки, но они есть еще и на Дону, и на Кавказѣ, и въ Кир-

гизской степи. Пусть будетъ спросъ, явится и товаръ! А потому вмѣсто того, чтобы потчивать насъ англійскими ремнями, которые дѣлаются изъ нашего же сырья, и вообще всякими снадобьями европейцевъ, которые давно попереколѣли бы съ голода, еслибъ мы только настойчиво захотѣли этого, надо собрать этихъ мастеровъ съ ихъ семьями, поселить въ разныхъ пунктахъ, окруживъ возможно благопріятными условіями, придать имъ нашихъ рабочихъ и заставить работать на войско; но кромѣ того поселить по одному мастеру въ каждый полкъ для обученія мастеровъ—солдатъ, которые расходясь по домамъ, разнесутъ это искусство во всѣ углы Россіи и возстановятъ его. Кожу на ремни полки могутъ получать отъ павшихъ лошадей и порціонныхъ быковъ, а инструментовъ, кромѣ двухъ дюжихъ кулаковъ, небольшой палочки (лещотки) и котелка съ саломъ, никакихъ не требуется; и замѣчательно, что всѣ попытки улучшить техническую обработку этихъ ремней, т. е. вѣрнѣе: кому облегчить, потому что ручекъ жаль, а кому увеличить количество товара, изъ жадности,—кончались до сихъ поръ полною неудачей, и ремни, выдѣлываемые послѣднимъ способомъ, оказываются несравненно хуже ремней мятыхъ руками.—А фабриканты пусть лопаются на здоровье—туда имъ и дорога, когда они изъ алчности не хотѣли сами поддержать искусство и дерутъ за дрянь неподходящія деньги. Шутка ли, пудъ кожи дошелъ до 20-ти рублей, а много ли изъ него нарѣжешь ремней для поводьевъ, портупей, подпругъ и т. д.; пара подпругъ стоитъ по 3, 4, 5 рублей, путлица тоже. Изъ за чего платить имъ эти деньги, когда мы безъ ихъ услугъ можемъ имѣть несравненно дешевле и прочнѣе? Всѣ эти *кожаные* и глянцевитые ремни попали въ кавалерію въ тѣ времена, когда полагали, что вся сила войска въ томъ лишь и состоитъ, чтобы каждый ремешокъ блестѣлъ какъ стеклышко и всякая гайка бряцала какъ колокольчикъ. И такъ сѣдла наши не такъ еще плохи сами по себѣ и безнадежны, какъ показала, будто бы, послѣдняя кампанія и для улучшенія ихъ слѣдуетъ уничтожить только перечисленные недостатки и возстановить порядокъ, для чего требуется: 1) Увеличить срокъ пребыванія во фронтѣ нижнихъ чиновъ до *10-ти* лѣтъ, и такъ какъ въ простонародіи розги употребляются и по сей день, то оставить ихъ и въ войскѣ, въ *умѣренномъ* видѣ, и обставивъ такими формальностями, за нарушеніе коихъ нижній чинъ могъ бы всегда получить удовлетвореніе; примѣненіе этого наказанія въ опредѣленномъ размѣрѣ должно быть предоставлено начальникамъ, начиная *только* съ ротныхъ командировъ, которые болѣе всѣхъ нуждаются въ немедленномъ и серьезномъ проявленіи своей власти, такъ какъ единственно на нихъ *однихъ* лежитъ обязанность переработки мужика въ солдата; по прослуженіи четырехъ лѣтъ, не столько за знаніе службы, какъ за хорошую нравственность нижнимъ чинамъ должна быть нашиваема нашивка, избавляющая ихъ отъ тѣлеснаго наказанія и снимаемая не иначе, какъ

по приговору суда; при чемъ какъ эти не должны называться разрядомъ *безпорочно* служащихъ, такъ и неимѣющіе нашивки не должны называться *штрафованными*. А какъ же *привелигированные*? «а общая воинская повинность»? На счетъ этого можно сказать многое, но ограничимся слѣдующимъ: прежніе Дворяне-Юнкера, а за ними уже разумѣется и всѣ Вольноопредѣляющіеся прочихъ сословій, служили нижними чинами, неся всѣ строгости службы, не требуя никакихъ послабленій и не внося съ собою никакихъ особенностей и несообразностей; теперешніе же выучившіеся грамотѣ Господа поступаютъ въ войско на нѣсколько мѣсяцевъ, чѣмъ ни сколько не облегчаютъ крестьянскаго сословія, на которомъ и теперь *исключительно* лежитъ вся тяжесть воинской повинности, слѣдовательно *общая* повинность есть не болѣе какъ туманъ; господа эти такъ и поступаютъ съ тѣмъ, чтобы только *отбыть* воинскую повинность; и во время этого мимолетнаго отбытія, все-таки требуютъ себѣ за свои *азы* всякихъ льготъ на каждомъ шагу, а войску не приносятъ ровно никакой пользы, потому что изъ нихъ ни офицеровъ хорошихъ, ни добрыхъ солдатъ не выходитъ. А потому тѣ изъ нихъ, которые дѣйствительно желаютъ служить, пусть служатъ безо всякихъ льготъ, цацекъ и галунчиковъ, знакомятся съ солдатскимъ бытомъ и служебной обстановкой, и добиваються офицерскаго чина такъ, какъ добивались его прежніе Вольноопредѣляющіеся;—не безпокойтесь, если прежде никто ихъ не обижалъ, то теперь подавно ни кто не съѣстъ; а тѣхъ, которые поступаютъ для того только, чтобы отбыть повинность, можно оставить въ покоѣ, какъ людей и войску безполезныхъ и себѣ мѣшающихъ; пусть всякій изъ нихъ дѣлаетъ дѣло свое на сторонѣ, а за вынутый воинскій жребій числится въ ополченіи и внесетъ хоть 300 рублей въ *военный капиталъ*, каковые въ случаѣ несостоятельности вносящаго можно разсрочить на нѣсколько лѣтъ, снабдивъ его до той поры особымъ видомъ на жительство; изъ этого капитала слѣдуетъ производить приличныя (отъ 96-ти до 120-ти рублей въ годъ) пенсіи всякому рядовому пожелавшему прослужить 25 лѣтъ, пенсіи, которой его можно лишить не иначе, какъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Наказывай тамъ какъ слѣдуетъ, а обезпеченіе старости и калѣчества не тронь! Національности, въ которыхъ развитіе военнаго элемента на нашъ счетъ не особенно желательно (губерніи Варшавскаго и Финляндскаго Округовъ), должны вносить всѣ поголовно двойной купъ, а нѣкоторые изъ нихъ могутъ поступать на службу въ наши полки, но не требуя никакихъ особенностей тормозящихъ дѣло ассимиляціи Государства, такъ какъ оно было и прежде; а евреи, которые постоянно стремились и всегда будутъ стремиться къ отдѣлыванію отъ фронтовой службы, и которыхъ стыдно даже и называть воинами, должны вносить тройной купъ, пока не выселятся по добру по здорову въ свою Палестину и не оставятъ насъ въ покоѣ. Во всей же Россіи честь быть воинами

должна принадлежать: Дворянскому и Крестьянскому сословіямъ, какъ сословіямъ, которымъ принадлежала и должна принадлежать земля; какъ сословіямъ, еще со времепъ зачатковъ Россіи неразрывно между собою связаннымъ, бывшимъ всегда главною опорою Государства, какъ сословіямъ, наконецъ, около которыхъ группируются только всѣ прочія сословія, и которымъ послѣднія обязаны и своимъ происхожденіемъ, и своимъ существованіемъ. Исторіи и фактамъ рта не заткнешь; и 2) Надо серьезно приналечь на своевременную подготовку офицеровъ, имѣя въ виду, что изъ маленькаго чина, находящагося уже на службѣ, можно сдѣлать фельдмаршала; но что маленькій чинъ, находящійся уже на службѣ, врядъ ли можетъ сдѣлаться опытнымъ руководителемъ и воспитателемъ солдатъ, не получивъ серьезной къ тому подготовки. Несоблюденіе этихъ правилъ не прошло уже безнаказаннымъ, но можетъ заставить насъ расплатиться еще болѣе тяжкимъ образомъ. Восторги шестидесятыхъ годовъ весьма понятны, сдѣланные тогда пересолы тоже; все это принесло свою пользу и сослужило свою службу, но теперь пора уже отличить вредное отъ полезнаго, возможное отъ невозможнаго.

V. Ремонтированіе лошадьми.

Недавно еще строевая лошадь должна была служить *девять* лѣтъ, теперь срокъ этотъ увеличенъ еще на годъ; но принимая во вниманіе общее оскудѣніе наше какъ деньгами, такъ и лошадьми, слѣдуетъ признать срокъ этотъ слишкомъ недостаточнымъ. Всѣмъ извѣстно, что есть много лошадей, прослужившихъ 10 лѣтъ, но вполнѣ годныхъ еще къ службѣ, а потому задерживаемыхъ еще годъ, другой, но за тѣмъ обязательно выпускаемыхъ въ бракъ, откуда вся масса этихъ лошадей попадаетъ въ кавалерію Пруссіи, Австріи и Румыніи; а годны ли къ службѣ эти бракованныя лошади, или нѣтъ, вполнѣ доказала Франко-Прусская война. Вотъ еще доказательство, что всѣ эти европейцы только и живутъ, что нашими милостями и объѣдками, пока мы желаемъ давать имъ ихъ. Но возможно ли продолжать давать эти подачки?—Невозможно по слѣдующимъ причинамъ: 1) У насъ у самихъ лошадей теперь слишкомъ мало, а потому швырять такъ этимъ добромъ нельзя. 2) Надо помнить, что нашъ торговый флотъ задушенъ въ самомъ своемъ зародышѣ европейцами, такъ какъ первые купцы, построившіе, по настоянію Императора Петра I, корабли, нагрузивъ ихъ товаромъ и поѣхавъ за границу, были встрѣчены всеобщей стачкой тамошнихъ купцовъ, которые не захотѣли покупать товара даже по убыточнымъ для нашихъ купцовъ цѣнамъ, заставили ихъ возвратиться во-свояси, разориться, чѣмъ отвадили ихъ разъ на всегда заводить свои корабли, вести непосредственную торговлю за свой счетъ, чѣмъ удержали всѣ выгоды мореходнаго дѣла за собою, и что европейцы продолжаютъ дѣлать и по сей день. Хотя благодаря Бога и нашему географическому положе-

нію, мы изъ-за этого не пропали и обходимся безъ торговаго флота, но это была обида въ отношеніи насъ и несправедливость, за каковыя слѣдовало тогда же накостылять ихъ по затылкамъ, что по всей вѣроятности Императоръ Петръ и сдѣлалъ бы, еслибъ не умеръ вскорѣ, и теперь должокъ этотъ приходится на нашу долю. 3) Если бы у насъ лошадей было и по прежнему много, то и тогда слѣдовало бы принять торговлю ими въ Государственныя руки, т. е.: 1) составить болѣе положительные законы о лошадяхъ, потому-что теперешніе не вполнѣ всѣхъ удовлетворяютъ, а именно: если украдутъ другъ у друга лошадь люди состоятельные, т. е. охотники, то это собственно говоря за воровство не считается, потому-что укравшій всегда былъ готовъ и теперь готовъ заплатить за нее деньги, чего онъ не рѣшится продѣлать съ чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ лошади; а если кража происходитъ въ крестьянскомъ быту, то это настолько для нихъ разорительно, что они не могутъ быть удовлетворены обыкновенными, за кражу прочаго примѣняемыми, наказаніями и убиваютъ за это вилами, всегда въ то мѣсто, которымъ приходится сидѣть на лошади. Ужъ такъ полагается. 2) Назначить одинъ, много два пункта на всей европейской границѣ, куда сгонялись бы дозволенныя отпуску за границу лошади, но не дозволять, чтобы европейскіе ремонтеры, переодѣтые жидами, таскались по ярмаркамъ, по всей Россіи, вынюхивали все, доносили куда слѣдуетъ, и чтобы намъ устраивались потомъ всякія каверзы. 3) Такъ какъ европейцы дерутъ съ насъ по 30 и 40 тысячъ рублей за одного жеребца-производителя, въ каковыхъ мы собственно говоря не нуждаемся, потому-что это предметъ роскоши, то наложить и намъ хоть по 5—6 тысячъ рублей пошлины на всякаго жеребца и кобылу (а покупай тамъ ихъ хоть по три коп.), какъ на производителей рабочей и нужной всякому породы лошадей. Всѣхъ остальныхъ жеребцовъ и кобылъ позволять выводить не иначе какъ холощеными и наложить на нихъ хоть по *1.000* рублей пошлины, какъ на военный элементъ, могущій всегда быть обращеннымъ противъ насъ же (и кромѣ того это пойдетъ за содержаніе степей, которые приносятъ Государству дохода очень мало), а въ иные годы такъ и совсѣмъ прекращать торговлю лошадьми, безъ объясненія причинъ или съ объясненіемъ какой нибудь ерунды въ родѣ тѣхъ, что они выдумываютъ на нашъ кредитный рубль. Мы безъ ихъ сардинокъ обойдемся, а они безъ нашего сырья нѣтъ—сырье можемъ и сами обдѣлывать, если купцы за умъ возьмутся; мы безъ торговаго флота обходились и еще обойдемся, а они безъ кавалеріи—нѣтъ. Наши временные убытки частнымъ лицамъ, могущіе произойти отъ стѣсненія торговли лошадьми, вознаградятся на другомъ оборотѣ; отъ этого произойдетъ поддержка породы, а то теперь, помилуйте, не только-что крестьяне стали ѣздить на годовалыхъ жеребятахъ, но кавалерія начала ѣздить на неполныхъ трехлѣт-

кахъ, а отъ этого порода мельчаетъ, вырождается и гибнетъ. Это—хищническое хозяйничанье и его пора остановить, пока время не ушло, а то какъ останемся и безъ флота и безъ конницы, то дѣло будетъ уже совсѣмъ дрянь. Хлѣбное Государство, а безъ хлѣба сидимъ частенько; лѣсное Государство, а лѣсовъ-то почти уже нѣтъ; теперь и лошадей своихъ кончаемъ, возьмемся за степныхъ, которыхъ лѣтъ на 30 хватитъ пожалуй, а тамъ и сиди ни съ чѣмъ. Если же лошадей оказалось дѣйствительно такъ много, что ихъ некуда было бы дѣвать, то лучше рѣзать ихъ на мясо и продавать тѣмъ же европейцамъ—поѣдятъ, да еще оближутся, только не отдавать лошадей живьемъ. Пусть молятъ тогда подачки; какъ нашъ кредитный рубль зависитъ отъ ихъ каприза, пусть также торговля ихъ зависитъ отъ нашего. Развѣ возможно было бы при этихъ условіяхъ, чтобы какіе нибудь маленькія государства, вотъ хоть бы вродѣ оперившейся на нашихъ глазахъ Пруссіи, позволяли себѣ роскошь держать кавалерію, почти столь же многочисленную, какъ наше громадное, земледѣльческое степное Государство. Прошу покорно: каждый годъ аккуратно отдавать имъ за безцѣнокъ такую массу бракованныхъ лошадей, да какихъ еще? Вполнѣ выѣзженныхъ, обстрѣленныхъ и втянутыхъ въ работу! Это выходитъ что мы съ вами весь вѣкъ торчимъ въ манежахъ и надсѣдаемся не на пользу одного нашего Государства только, а еще на пользу всѣхъ этихъ европейскихъ умниковъ и благодѣтелей, у которыхъ въ Крещенье куска льду не выпросишь! Пускай попробуютъ сами поучить лошадокъ купленныхъ за *настоящія деньги*; а настоящая цѣна для нихъ вотъ какая: если наша ремонтная цѣна 240 рублей, то съ нихъ слѣдуетъ взять 500, да 1.000 рублей государственной пошлины, да провези ее къ себѣ, да тамъ прокорми даромъ цѣлый годъ, пока выѣздишь, да сколько ихъ переколѣетъ, по молодости, отъ перемѣны климата, воды, травъ; все это сосчитай и тогда, если подъ силу, то заводи кавалерію хоть втрое большую противъ нашей. А такъ какъ теперь лошади вздорожали вездѣ, потому что степныхъ мѣстъ становится все меньше и меньше, то настала самая благопріятная минута,—упускать которую смертный грѣхъ,—отплатить европейцамъ и за флоты, и за рубли, и за всѣ прочія пакости; пусть или платятъ намъ эти деньги за всякихъ, какихъ намъ вздумается отпустить имъ лошадей, или платятъ еще большіе деньги въ Америку, или же пусть уменьшаютъ число своей кавалеріи въ ущербъ требованіямъ тактики, или совсѣмъ уничтожаютъ ее. Вѣдь у нихъ нашелся уже какой-то хитрый человѣкъ, проповѣдующій (разсчитывая по всей вѣроятности на нашу поспѣшность перенимать все иностранное), что можно обходиться вовсе безъ кавалеріи, и что Государство, которое первымъ рѣшится на эту мѣру, одержитъ побѣду всенепремѣнно. Попробуйте, сдѣлайте, а мы посмотримъ! Жалуйте въ наши равнины съ одной пѣхотой или ждите насъ въ гости съ тучами нашей

конницы. Если даже придумают способъ летать на воздушныхъ шарахъ, то тогда значеніе конницы возвысится еще болѣе, потому-что конница все-таки прибудетъ скорѣе пѣхоты на то мѣсто, гдѣ шары летаютъ. Если не воспользоваться обстоятельствами этими теперь и не прижать какъ слѣдуетъ европейцевъ, то можно уже за одно разрѣшить имъ вербовать у насъ для своихъ армій и солдатъ, и офицеровъ. А на основаніи всего этого слѣдуетъ положить срокъ службы лошадямъ—*вѣчный*, т. е. пока хватитъ силъ. Лошадей казачьихъ полковъ слѣдовало бы изъять изъ собственности каждаго казака и принять на войсковой счетъ, чѣмъ устраненъ былъ бы поводъ къ систематическому опустошенію казачьихъ земель лошадьми, выводимыми полками и почти всецѣло пропадающими для войска, т. е. назадъ не возвращающимися и за безцѣнокъ продаваемыми. Тогда бракованныхъ лошадей будетъ гораздо меньше, и онѣ должны распредѣляться на слѣдующія категоріи: 1) Старыхъ, обезсилѣвшихъ, слѣпыхъ на одинъ глазъ, со слабыми ногами и т. п. незначительными тѣлесными недостатками, не допускающими быстрой скачки и усиленнаго труда, переводить въ такія мѣста, гдѣ этого не требуется, какъ-то: юнкерскія училища, полицейскіе жандармы, урядникамъ сельскимъ, въ пожарныя и проч. команды, кромѣ пограничной стражи, гдѣ требуются вполнѣ годныя лошади. Въ пѣхотныхъ юнкерскихъ училищахъ необходимо обучать верховой ѣздѣ хотя бы послѣдніе два класса, а то несправедливо ставить пѣхотнаго офицера въ непріятное положеніе браться за незнакомое дѣло и учиться ѣздить въ званіи адъютантовъ и штабъ-офицеровъ; въ каждое училище потребуется лошадей по 25 по крайней мѣрѣ. Всѣмъ пѣхотнымъ офицерамъ, которымъ полагается имѣть лошадей, слѣдуетъ давать ихъ натурой, считая ихъ казенными и выдавая изъ числа *вполнѣ годныхъ* кавалерійскихъ лошадей, вслѣдствіе чего всѣ пѣхотные полки и отдѣльные батальоны должны быть принимаемы въ разсчетъ при составленіи цифры годоваго ремонта на всю армію. 2) Всѣ лошади, не подходящія подъ условія брака первой категоріи, какихъ бы онѣ сроковъ ни были, т. е. совсѣмъ къ службѣ не годные, должны быть пристрѣливаемы въ полкахъ же, подъ строжайшею отвѣтственностію командировъ, но отнюдь не продаваемы или обмѣниваемы. Точно такъ же должны быть пристрѣливаемы лошади, оказавшіяся негодными къ продолженію службы и во второстепенныхъ командахъ. Число годоваго на армію ремонта нисколько не уменьшится, но только будетъ распредѣляться иначе, и регулярные полки получатъ возможность еще болѣе освѣжать составъ своихъ лошадей, а прочія команды—имѣть вполнѣ обученныхъ лошадей и не тратить время на выѣздку оныхъ. Основаніемъ къ ежегодному разсчету комплектованія арміи должны служить: а) вѣдомости, представляемыя въ военное министерство изъ всѣхъ второстепенныхъ командъ о числѣ оказавшихся у нихъ бракованныхъ второй категоріи и убылыхъ лоша-

дяхъ и б) вѣдомости изъ полковъ, а также и пограничной стражи, о числѣ своихъ: палыхъ, бракованныхъ I-й категоріи, т. е. подлежащихъ передачѣ, и бракованныхъ II-й категоріи. Изъ общаго итога исключался бы бракъ I-й категоріи, а вся остальная цифра показала бы потребное на всю армію число молодыхъ лошадей, что тѣмъ болѣе удобно теперь, при уничтоженіи отдѣльныхъ полковыхъ депо и при сформированіи нѣсколькихъ общихъ кавалерійскихъ депо. При уничтоженіи мундштуковъ выѣздка лошади ускорится и облегчится почти вдвое, а потому главная задача кавалерійскихъ депо должна заключаться не столько въ выѣздкѣ лошадей, сколько въ выдержкѣ ихъ, чтобы дать имъ окрѣпнуть по крайней мѣрѣ до пятилѣтняго возраста, т. е. раньше 5-ти или $4^1/_2$ (четыре весна) въ полки не отдавать. Разумѣется не слѣдуетъ смотрѣть на вопли начальниковъ второстепенныхъ командъ, которымъ пріятнѣе имѣть красивыхъ мастевыхъ лошадей и покупать ихъ самимъ, такъ какъ вполнѣ очевидно, что команды ихъ вовсе не нуждаются въ красивыхъ одномастныхъ скакунахъ и рысакахъ. А во вторыхъ, пристрѣливать лошадей было бы истинно благодѣтельной мѣрою для этихъ старательныхъ, благородныхъ и безотвѣтныхъ товарищей нашихъ. Прослуживъ столько лѣтъ, проработавъ не щадя силъ, на славу и благополучіе Государства, какая награда ожидаетъ ихъ въ старости и калѣчествѣ? Еще нѣсколько лѣтъ самой ужасной жизни: побои, голодъ, упреки въ безсиліи и дармоѣдствѣ и наконецъ смерть, послѣ которой и то благородное животное это бросаетъ намъ въ придачу свою кожу! А потому одной изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей кавалерійской службы есть обязанность браковать. Жалко ихъ и положительно совѣстно становится передъ ними, потому что унылыя физіономіи ихъ, опущенныя головы, тяжелые вздохи, привѣтливо бросаемые на солдатъ взгляды, искоса бросаемые взгляды на толпу разныхъ кулаковъ и барышниковъ, убѣдительно доказываютъ, что несчастныя лошади понимаютъ и знаютъ, на что онѣ идутъ. Знаютъ они, что не будь этихъ продажъ, всякій живодеръ, покупающій ихъ теперь за 15, 10 и 5 рублей, и именно благодаря дешевизнѣ этой, считающій какъ бы долгомъ тиранить ихъ, не кормить, бить и требовать самыхъ тяжкихъ, до послѣдняго издыханія, услугъ, принужденъ былъ бы покупать тогда хорошую рабочую лошадь за 200 и 300 рублей, передъ которою поневолѣ ходилъ бы на заднихъ лапкахъ. Нѣтъ! Государству, считающемуся первымъ по обилію и богатству лошадьми, стыдно и грѣшно поступать такъ! Хвала, честь и великая заслуга передъ Богомъ будетъ тому Монарху, который вспомнитъ о своихъ воинахъ второй степени и наградитъ ихъ благодѣяніемъ, котораго вполнѣ заслуживаютъ благородныя животныя эти.

VI. Пѣшія занятія.

Кромѣ Гимнастики, рубки саблями и боя на штыкахъ мы имѣемъ еще:

а) Одиночную выправку: стойка, ходьба, повороты, сабельные и ружейные пріёмы.

б) Пѣше по конному ученье.

в) Ротное и батальонное ученье, для пѣшихъ смотровъ и парадовъ, со всѣми пѣхотными эволюціями и

г) Стрѣлковое ученье.

Все это могло бы быть облегчено слѣдующей замѣной:

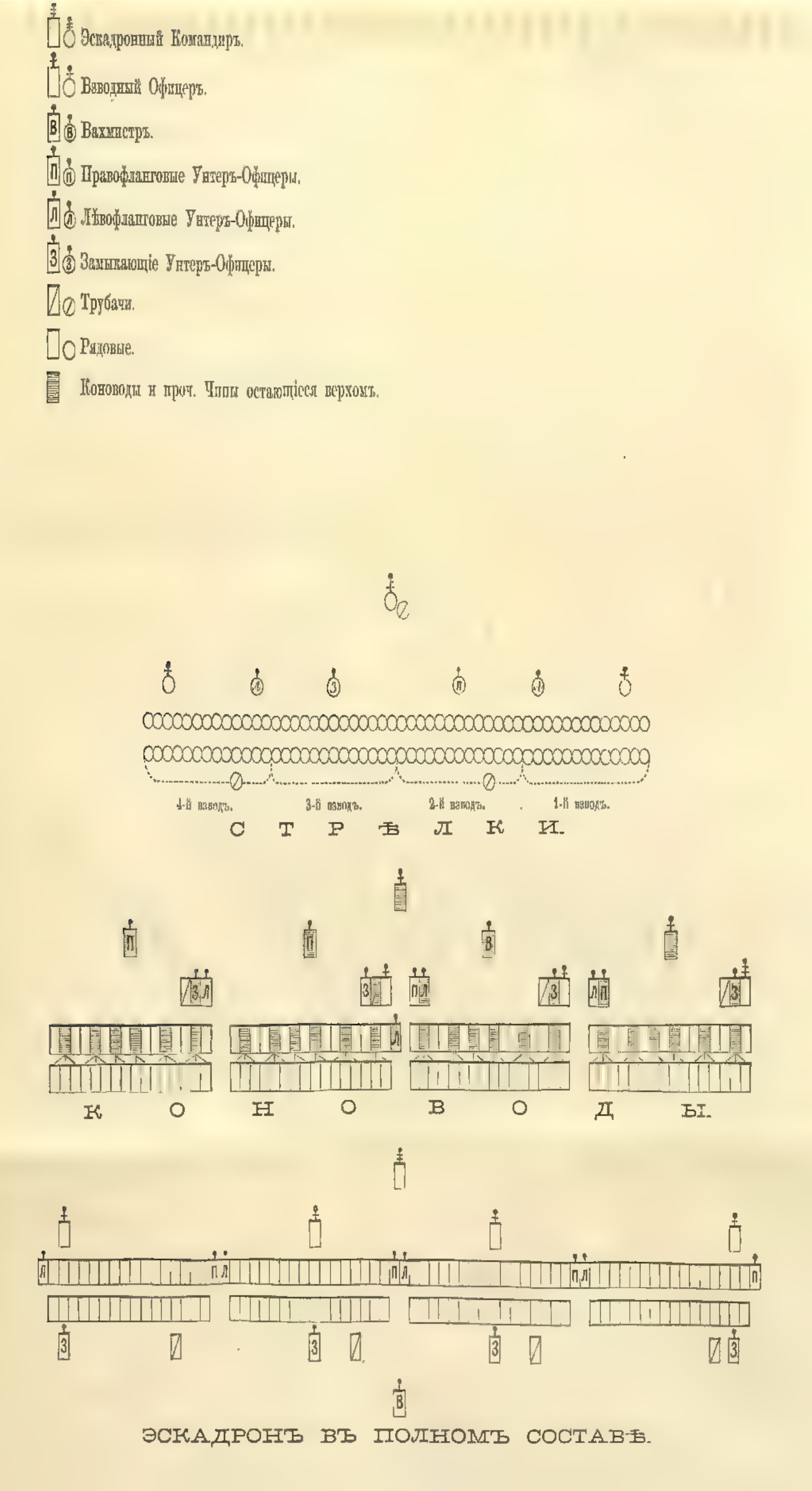
а) Такъ какъ Драгуны ходятъ въ караулъ съ ружьями, то оказывается, что сабельныхъ пріёмовъ для пѣшаго строя никакихъ не надо; во время пѣшихъ смотровъ и при подходѣ ординарцевъ можно ограничиться тѣмъ, чтобы только одни офицеры дѣлали *на караулъ*, какъ то принято въ конномъ строю. Для коннаго строя вполнѣ достаточно три пріема: *сабли вонъ! къ атакѣ!* и *въ ножны!* при чемъ теперешнюю *отрывистую* исполнительную команду слѣдовало бы замѣнить *протяжной*, чтобы не торопились единовременно выхватить сабли всего полка, какъ одинъ человѣкъ; въ этой поспѣшности и стройности нужды никакой нѣтъ, а вредъ есть: имѣя въ виду только единовременность исполненія, солдатъ не обращаетъ никакого вниманія, что при подобномъ выдергиваніи лезвее клинка трется и шмыгаетъ о верхнюю металлическую гайку ноженъ и, привыкнувъ обращаться такъ съ тупою саблею въ мирное время, онъ дѣлаетъ то же самое и съ острою, которая отъ двухъ, трехъ такихъ шмыганій затупляется совершенно. Пѣхота, которая выдѣлывала прежде своими ружьями разные удивительные пріёмы съ дребезжащими темпами и трелями, вотъ уже 25 лѣтъ какъ бросила все это, обращается съ ружьями съ почетомъ и, какъ видно, ничего отъ этого не проиграла; а мы вотъ такъ продолжаемъ для красы обращаться со своими саблями какъ съ кочергами.

Затѣмъ, почему мы носимъ въ мирное время тупыя сабли? Ради какой предосторожности? Ужъ если намъ довѣряютъ боевые патроны и какъ тамъ ни смотри, а въ случаѣ надобности, всякій рядовой съумѣетъ раздобыть себѣ одинъ или два патрона, то почему же не носить острыхъ сабель? Ношеніе тупыхъ сабель, не достигая никакой цѣли, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вредныя стороны: 1) Человѣкъ, которому приходится въ первый разъ ѣздить съ выточенною саблею, будетъ очень часто обрѣзывать себѣ уши, щеки, свою и сосѣднюю лошадь; какъ ни предупреждай его, онъ, не имѣя истинктивно усвоенной сноровки, все будетъ забываться и только изъ опыта убѣдится, что нельзя позволять себѣ съ острой саблей тѣхъ же небрежностей, что съ тупой; и такъ

пусть опытъ этотъ будетъ произведенъ лучше новобранцемъ, въ казармахъ, гдѣ послѣдствіе опыта гораздо легче устранить, нежели походомъ, въ самое спѣшное время, и 2) выточить саблю какъ слѣдуетъ вовсе не такое легкое и пустячное дѣло, какъ иные думаютъ; для этого нужны время и опытные мастера; а откуда взять ихъ, когда въ мирное время никто этимъ не занимается: нѣтъ ни мастеровъ, ни офицеровъ-инструкторовъ! А потому когда передъ походомъ получается приказъ выточить 1000 сабель въ какихъ нибудь два—три дня, то просто жаль смотрѣть, какъ неимѣющіе объ этомъ ни малѣйшаго понятія люди безбожно и безповоротно портятъ хорошіе клинки, обстрагивая ихъ на только-что купленныхъ точилахъ. Всякій мужикъ обращается со своею косою съ несравненно большею деликатностью, умѣніемъ и бережливостью. А всѣ эти недостатки можно было бы окончательно устранить приказаніемъ носить саблю *постоянно* отточенную, какъ бритва. Я знаю многихъ офицеровъ, которые съ самаго поступленія на службу считали за стыдъ носить и выѣзжать во фронтъ иначе какъ съ совершенно острой саблей, и ничего,—несчастій съ ними никакихъ не было. Изъ ружейныхъ пріёмовъ намъ нужно только: *на плечо*, при чемъ пріёмъ этотъ слѣдовало бы дѣлать не потеперешнему, какъ въ пѣхотѣ, а такъ, какъ дѣлаютъ теперь *ружье вольно;* затѣмъ *на руку*, *на изготовку* для стрѣльбы и *къ ногѣ*, т. е. то, что требуется только для бою, освободивъ насъ ото всѣхъ прочихъ артикуловъ, необходимыхъ можетъ быть въ пѣхотѣ, и на изученіе коихъ у ней, по всей вѣроятности, есть время, но совершенно безполезныхъ для насъ. Выигранное такимъ образомъ время употребить на прицѣлку, прикладку, чистку, сборку и разборку оружія. Во всемъ остальномъ пѣшая выправка намъ крайне необходима.

б) *Пѣше по конному*. Приказать, чтобы Драгуны, спѣшиваясь, *непремѣнно* сохранили порядокъ, построенія, подраздѣленія, мѣста чиновъ и команды *коннаго* строя, при чемъ, кромѣ того, ввести въ употребленіе только *три* неимѣющихся въ конномъ строю пѣхотныя команды: *на-пра-во! налѣ-во!* и *кру-гомъ!* Тогда *пѣше по конному*, безъ котораго намъ обойдтись невозможно, не будетъ одностороннимъ, подготовительнымъ только занятіемъ, а будетъ составлять всю основу кавалерійскаго ученья.

г и д) Намъ приказано отнюдь не забывать, и даже на первой страничкѣ устава и тактики большими буквами написано: *Кавалерія должна всегда помнить, что она не пѣхота, почему обязана дѣйствовать въ конномъ строю всегда, разъ тому представляется малѣйшая возможность; спѣшиваться же она должна въ исключительныхъ только случаяхъ и то лишь временно, до прибытія пѣхоты!* И такъ, если помнить это серьезно, то окажется, что всѣ эффектныя: ротныя, батальонныя, стрѣлковыя ученья, прохожденія церемоніальнымъ маршемъ, имѣя

ЭСКАДРОНЪ ВЪ ПОЛНОМЪ СОСТАВѢ.

коноводовъ позади, и т. д., мало того, что намъ вовсе не нужны, но отнимаютъ еще на себя очень много времени. Для исполненія же сказанной выше задачи намъ вполнѣ достаточно нашу кавалерійскую цѣпь и разсыпную атаку продѣлывать пѣшкомъ со своими сигналами, построеніями и командами; можно и сгустить цѣпь, и сдѣлать ее рѣже, а въ случаѣ нужды пойти и на ура какъ цѣпью, такъ и сомкнутою частью! Выигранное же время надо, да еще ой какъ надо, употребить на сторожевую и развѣдывательную службу. По теперешнему уставу шестнадцати-рядный эскадронъ даетъ 80 стрѣлковъ; принимая въ соображеніе большую стоимость кавалеріи и желаніе извлечь изъ нея наивозможно большую пользу, окажется пожалуй, что 80 стрѣлковъ маловато, а такое обиліе коноводовъ—ни къ чему не нужная роскошь; по сдѣланнымъ мною неоднократнымъ опытамъ оказалось, что шестнадцати-рядный эскадронъ можетъ легко дать 104 стрѣлка, кромѣ унтеръ-офицеровъ, при чемъ оставшіеся коноводы управлялись вполнѣ удобно съ лошадьми и могли выдѣлывать всякія перестроенія, а возвращавшіеся стрѣлки разбирали лошадей и садились также быстро и удобно, какъ и при теперешнемъ разсчетѣ. Для этого коноводами оставались вторые номера *только* передней шеренги; а спѣшивались первые и третьи нумера передней шеренги и вся задняя поголовно; коноводъ держалъ *пять* лошадей, изъ коихъ двухъ—передней шеренги—на трензельныхъ поводьяхъ, а трехъ—задней шеренги—на чумбурѣ походнаго недоуздка (трензельныя поводья слишкомъ коротки для лошадей задней шеренги). Такимъ образомъ шести-эскадронный полкъ даетъ 650 винтовокъ съ унтеръ-офицерами, а оставивъ одинъ эскадронъ въ прикрытіе, 500 съ лишнимъ винтовокъ—сила во всякомъ случаѣ внушительная! Ужъ если придется спѣшиваться въ экстренномъ случаѣ, то жалѣть уже и разсчитывать нечего; чѣмъ большее число людей можетъ спѣшиться и чѣмъ болше могутъ огорошить непріятеля—тѣмъ лучше!.

(См. рисунокъ).

Въ конномъ строю оказывается тоже много кой-чего лишняго.

VII. Команды.

Набралось очень много командъ съ чрезвычайнымъ обиліемъ словъ, такъ что, какъ командующій закатится и пока доберется наконецъ до послѣдняго слова, то можно смѣло выспаться; и исполненіе слишкомъ замедляется, да и ему драть глотку не особенно удобно!

а) *«Полкъ по-взводно на-лѣво кругомъ жай-рысью-маршъ!»* во первыхъ уже само собою разумѣется, что *полкъ*, а не проѣзжающая мимо телѣга! Затѣмъ, такъ какъ по-взводно *на право* кругомъ во всѣхъ теперешнихъ построеніяхъ не употребляется, а можетъ быть употреблено въ

какомъ нибудь отдѣльномъ, экстренномъ случаѣ, то слѣдовало бы принять за правило, по командѣ *по взводно кругомъ*,—заѣзжать *всегда* въ лѣвую сторону. Затѣмъ слово *жай* въ этомъ случаѣ совершенно лишнее: если бы команда была обращена къ какой нибудь *одной* части, т. е. шеренгѣ, взводу или эскадрону, то слово *жай* вполнѣ у мѣста, такъ какъ сказанныя части могутъ заѣхать и просто *на лѣво кругомъ* и всею частью кругомъ: но разъ стоитъ предлогъ «по» и затѣмъ слово *«взводно»*, то само собою разумѣется, что заѣздъ слѣдуетъ произвести ни какъ не иначе, какъ взводами. Наконецъ для командира полка и лицъ старшихъ его не слѣдуетъ вовсе и назначать *аллюра*, потому-что уставъ вполнѣ ясно и опредѣлительно указываетъ, въ какихъ случахъ и какими аллюрами должны производиться заѣзды; такимъ образомъ изъ этой многоглагольной команды можно смѣло выкинуть *пять* словъ, послѣ чего останется: «по взводно кругомъ—маршъ!» А эти многословныя команды, кромѣ проволочки времени и затрудненія горла даютъ еще младшимъ чинамъ поводъ къ невниманію и къ ожиданію всякихъ подсказовъ. Правда, что на бригадныхъ и дивизіонныхъ ученьяхъ командиру полка необходимо назвать свой полкъ, но это можетъ быть оговорено для этого случая, при чемъ и тутъ вмѣсто того, чтобы прокричать цѣлыхъ три слова, напр. тридцать пятый полкъ! или, сорокъ второй полкъ! можно вполнѣ замѣнить ихъ однимъ словомъ, напр. Харьковцы! Нижегородцы!

б) *по взводно въ полъ оборота на право жай рысью, маршъ*! Это что такое? что облическое движеніе въ подобномъ порядкѣ весьма удобно—объ этомъ спору нѣтъ! но къ чему такая трескучая команда? отчего же послѣ этого не изобрѣсти: по взводно въ *четверть* оборота, въ *тричетверти* оборота и т. д. до безконечности, для всякаго отдѣльнаго случая, такъ какъ на практикѣ приходится дѣлать самые разнообразные заѣзды? Вѣдь на первыхъ страничкахъ рекрутской школы сказано, что по командѣ, обозначающей заѣздъ—люди, начавшіе оный, должны описывать кругъ, стоя на одномъ мѣстѣ, или до вторaго пришествія, или до команды обучающаго: *Стой* или *прямо;* слѣдовательно Уставъ вполнѣ полагается на смѣтливость и глазомѣръ обучающаго, который сообразитъ въ какомъ случаѣ и когда именно слѣдуетъ скомандовать *стой* или *прямо*, и тѣмъ прекратить заѣздъ. Если бы еще послѣ команды *по взводно въ полъ-оборота* заѣзжающія части знали, что, не дожидаясь дальнѣйшихъ командъ, они должны сдѣлать то-то или то-то, такъ пожалуй можно было бы еще съ большой натяжкой извинить ее, а то вѣдь и этого нѣтъ, и все-таки послѣ новой команды части должны выжидать прежняго: *стой* или *прямо*, такъ что какъ ни кинь, все клинъ, и основныя правила Устава потревожены ни за что, ни про что. Съ одной стороны говорятъ, что необходимо развить въ Офицерѣ, глазомѣръ и сноровку, а съ другой не

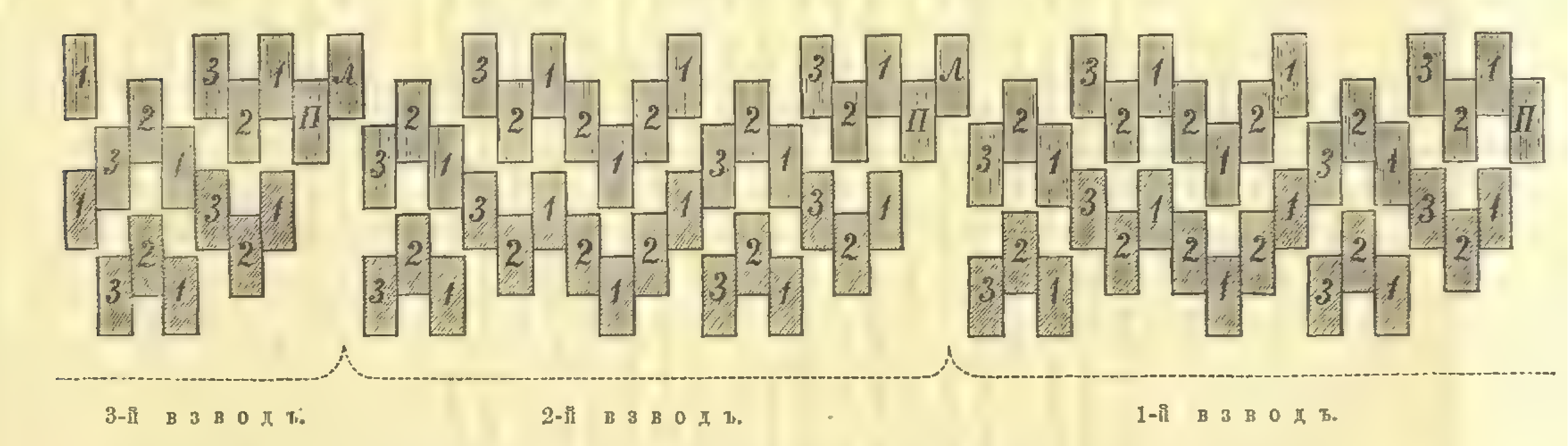
довѣряются ему въ подобной пустяковинѣ, какъ совершеніе заѣзда въ той пропорціи, которая именно требуется; а благодаря многимъ подобнымъ мѣрамъ, всѣ взводные Офицеры, чувствуя полную свою безполезность, не командуютъ своими взводами, а болтаются только передъ ними; а не будь этого, не надѣйся они на ежеминутные громогласные, на все поле, подсказы, каждый изъ нихъ, по необходимости, былъ бы внимателенъ, не бормоталъ бы себѣ подъ носъ команды, не потрудившись даже повернуть головы къ фронту, а повернулъ бы къ фронту копя, пригвоздилъ его на подобающей точкѣ, заготовилъ бы команду и гаркнулъ ее во-время, такъ что она, какъ говорится, въ плечо подтолкнула бы кого слѣдуетъ и выходило бы совсѣмъ иное.

в) *Полкъ* (или эскадронъ) *въ атаку на такую то цѣль, равненіе на право аллюръ,—маршъ!* Правила для атаки изложены весьма дѣльно и обстоятельно (лучше чѣмъ въ прежнихъ уставахъ), но самая команда сильно подгуляла: на такую-то цѣль! Это значитъ на близъ пасущееся стадо свиней или на плетень! Къ чему это?—«Для развитія глазомѣра! Но вѣдь всѣ маневрированія, необходимыя для того, чтобы ударъ атаки пришелся какъ разъ въ желаемый пунктъ, равно какъ и усиленіе аллюровъ по прошествіи извѣстныхъ дистанцій, производятся не самими людьми, а по командѣ эскадроннаго или полковаго командира, слѣдовательно кому расказываютъ они эту сказку, какъ не самимъ себѣ, и кто въ ней нуждается? Смѣло могутъ сохранять секретъ этотъ при себѣ и командовать только то, что слѣдуетъ, а ужъ люди исполнятъ! Отъ чего же не сочинить послѣ этого: *по взводно на право жай, для того, чтобы совершить построеніе фронта полка на право, рысью маршъ*! или: *сабли въ ножны, съ права по шести, пѣсенники впередъ, чтобъ придти въ казармы, разсѣдлать, пообѣдать, снять сапоги и прилечь заснуть, шагомъ,—маршъ!* Сами смѣялись надъ желаніемъ прежнихъ Уставовъ выразить въ командахъ всевозможные случаи, напр. была даже команда, какъ одному изъ взводовъ идущаго развернутымъ фронтомъ эскадрона миновать неожиданно попавшуюся ему на дорогѣ лужу, при чемъ приказывалось во что бы то ни стало сдѣлать это вотъ такъ, а не иначе,—а теперь въ Уставахъ появляется то же самое.

г) *Готовься къ пѣшему строю, сабли въ ножны!* затѣмъ *эскадронъ* (или такіе-то взводы) *къ пѣшему строю—слѣзай!* первая часть этой команды не есть собственно команда, а скорѣй совѣтъ или какое-то сказаніе, которое можетъ быть еще услышано въ манежѣ, или когда эскадронъ стоитъ смирно на мѣстѣ; прокричать же ее, когда полкъ идетъ на полныхъ рысяхъ, при топотѣ копытъ, лязгѣ оружія, фырканьи лошадей и пыли, очень неудобно: къ ней и голоса не подберешь, такъ какъ она нисколько не подходитъ даже къ типу нашихъ командъ; а затѣмъ въ ней много лишняго пустословія. Когда впервые появилось спѣшиванье гусар-

скихъ и уланскихъ полковъ, вотъ какъ мы дѣлали это: «*Эскадронъ* (или такіе-то взводы) *къ пѣшему строю—гатооовсь!* маленькая выдержка и за тѣмъ: «*слѣзаай*»! По слову *готовсь* эскадронъ или полкъ останавливался на полномъ ходу и выравнивался все равно какъ бы по командѣ *стой*; выдержка назначалась для того, чтобы всѣ, кому слѣдуетъ, закинули пики за плечи, вложили сабли въ ножны, спрятали перчатки, освободили трензельные поводья и вообще изготовились; по слову *слѣзай* стрѣлки валились съ лошадей, какъ горохъ, и моментально выростали на назначенномъ мѣстѣ. Было коротко и ясно,—и какъ попала эта теперешняя команда въ новый Уставъ 81-го года, неизвѣстно! Если командуютъ теперь *сабли въ ножны*, то почему же не командовать, *скинь перчатки*, *отдѣли трензельки* и т. д.; затѣмъ къ чему повторять безпрестанно *къ пѣшему строю*. Вѣдь разъ предупреждено, чтобы изготовились къ пѣшему строю, такъ можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что по командѣ *слѣзай* слѣзутъ только одни стрѣлки, а не весь эскадронъ. Для влѣзанія и слѣзанія имѣются двѣ команды, съ двумя совершенно разнообразными разсчетами, а именно: команда для влѣзанія и слѣзанія всего эскадрона и команда для влѣзанія и слѣзанія стрѣлковъ; для сокращенія излишняго можно прекрасно обойтись одной и той же командой и разсчетомъ для обоихъ случаевъ; но который изъ нихъ удобнѣе? Влѣзаніе и слѣзаніе для всего эскадрона неудобно тѣмъ, что: 1) выѣзжающіе и осаживающіе на четыре шага номера слишкомъ растягиваютъ глубину фронта эскадрона, и 2) при сохраненіи этого способа надо будетъ оставить также и разсчетъ на *первый* и *вторый*, потребный спеціально только для этой цѣли; а такъ какъ солдатъ, выѣзжая во фронтъ, и безъ того надѣленъ безчисленнымъ множествомъ номеровъ, которые обязанъ помнить, а именно: номеръ по порядку, номеръ для влѣзанія, номеръ отдѣленія, номеръ звена конной цѣпи, номеръ пѣшаго разсчета, номеръ пѣшаго звена и т. д.,—то было бы весьма не лишне освободить его отъ одного изъ такихъ номеровъ. Теперешній способъ слѣзанія стрѣлковъ тѣмъ не удобенъ, что третьи номера правѣй стоящихъ отдѣленій выѣзжаютъ и осаживаютъ вплотную съ первыми номерами послѣдующихъ отдѣленій, такъ что третьимъ номерамъ нельзя слѣзать въ лѣвую сторону, почему они производятъ толкотню и безпорядокъ. Я испробовалъ способъ, при которомъ разсчетъ остается тотъ же, что и теперь для влѣзанія стрѣлковъ (т. е. по отдѣленіямъ), но по немъ могутъ слѣзать и садиться какъ одни стрѣлки, такъ и весь эскадронъ—какъ будетъ приказано. Для этого всѣ право-фланговые унтеръ-офицеры и всѣ *вторые* номера *обоихъ* шеренгъ остаются неподвижно на своихъ мѣстахъ; первые и третьи номера *обоихъ* шеренгъ *нечетныхъ отдѣленій* (т. е. 1-го, 3 и 5) подаются на полъ-лошади *впередъ*; первые и третьи номера *обоихъ* шеренгъ *четныхъ* отдѣленій (т. е. 2-го, 4-го и 6-го) *осаживаютъ* на полъ-лошади; лѣво-фланговые унтеръ-офицеры тѣхъ взводовъ, въ коихъ число отдѣленій *четное*—

РАЗСЧЕТЪ ДЛЯ ВЛѢЗАНІЯ И СЛѢЗАНІЯ КАКЪ ВСЕГО ЭСКАДРОНА, ТАКЪ И ОДНИХЪ ТОЛЬКО СТРѢЛКОВЪ.

Примѣчаніе: Передняя шеренга обозначена перпендикулярными штрихами, а задняя—косыми.

выѣзжають на-полъ лошади *впередъ;* а въ коихъ число отдѣленій *нечетное*—на полъ-лошади *осаживаютъ.* Офицеры, находящіеся впереди фронта, командиръ 1-го взвода, а также замыкающіе и трубачи, отъѣзжаютъ и осаживаютъ по прежнему. Тогда получается шахматный порядокъ, при которомъ каждый всадникъ имѣетъ мѣсто, чтобы слѣзть влѣво и затѣмъ стать впереди своей лошади. По командѣ *равняйсь* всѣ, кому слѣдуетъ, выравниваются по *вторымъ* номерамъ, и получаются опять двѣ ровныя шеренги; какъ весь эскадронъ, такъ и одни стрѣлки, которымъ я приказывалъ за-одно спѣшиваться по новому разсчету, т. е. по 104 человѣка, нашли это очень удобнымъ и по третьему, много четвертому разу все выходило гладко, спокойно, проворно.

(См. рисунокъ).

д) *Полкъ по такому-то эскадрону, головы эскадроновъ на полные интервалы на линію, такіе-то эскадроны вправо, рысью—маршъ!* Ай да новомодная команда! Это молебенъ, да еще съ акаѳистомъ, а не команда; стародавнія команды, вродѣ: *«отъ стоячей ноги до могучаго плеча шарааа—хни»!* и тѣ пасуютъ передъ ней. Не говоря уже про удобство прокричать подобную проповѣдь, несясь на полныхъ рысяхъ, неужели насъ и вправду принимаютъ за окончательныхъ неучей, позабывшихъ и русскій языкъ, и первые азы Устава? Если полкъ идетъ во взводной колоннѣ, то уже само собою разумѣется, по самому свойству этой колонны, что въ ней нѣтъ и не можетъ быть никакихъ *интерваловъ*; дистанція есть, равненіе есть, а интерваловъ никакихъ нѣтъ; слѣдовательно разъ въ поданной командѣ упомянуто слово интервалъ, то всякому ясно, что слѣдуетъ учинить такое перестроеніе, въ которомъ были бы интервалы, при чемъ разныя эти линіи, головы, и т. п. одноначащія слова, вмѣсто того, чтобы пояснять, затемняютъ только дѣло, и команда: *полкъ по такому-то эскадрону на полные интервалы стройся—маршъ!* была бы вполнѣ понятна и достигала цѣли. Но о томъ, что и эту команду слѣдуетъ замѣнить болѣе цѣлесообразной и короткой, равно какъ и о *миломъ* сигналѣ, который подается теперь для этого построенія, еще буду говорить ниже. Подобныя команды встрѣчаются во всемъ Уставѣ.

VIII. Сигналы.

Въ сигналахъ оказываются слѣдующіе недостатки: а) для иныхъ движеній или построеній оказывается по два и по три сигнала, напр. для того, чтобы заставить подаваться впередъ часть, стоящую на мѣстѣ, можно подать сигналы: *шагомъ, впередъ* и *прямо*; для того, чтобы заставить отступать часть, которая наступала, можно подать сигналы: *по взводно кругомъ и назадъ*; для того, чтобы снова повернуть ее

лицомъ къ себѣ, можно подать сигналы: *по взводно кругомъ, заѣздъ во фронтъ* и *впередъ*. Подобное обиліе однозначащихъ сигналовъ положительно вредно. б) Для иныхъ движеній и построеній весьма нужныхъ или вовсе не имѣется сигналовъ, такъ-что для того, чтобы добиться желаемаго, надо задать цѣлый концертъ изъ подходящихъ сигналовъ, или, что еще хуже, подавать противорѣчащіе коренным азамъ Устава сигналы и тѣмъ подрывать основныя начала его. Для того, чтобы изъ взводной колонны перестроить полкъ въ колонну съ полными интервалами, вмѣсто той молебно-подобной команды, о которой я уже говорилъ, подаютъ также сигналъ, но какой сигналъ? *Построеніе по переднему уступу!* Просто скандалъ, преступленіе, и азы докажутъ это сейчасъ. «Въ какомъ построеніи находился полкъ»? «Во взводной колоннѣ!» «Что называется колонною»?. «Такое построеніе, при которомъ нѣсколько частей поставлены одна за другой, при чемъ кромѣ того, что равненіе должно быть соблюдено по шеренгамъ, но и ряды, а особенно фланги, должны быть тщательно выравнены въ затылокъ во всю глубину колонны!» И такъ, прошу помнить: *фланги* и *въ затылокъ!* «Какой имѣется единственный сигналъ, чтобы развернуть колонну»? «Построеніе фронта (№ 25)» къ этому построенію не подходитъ—очень жаль, но вина не наша! «Что называется уступами?» «Построеніе, при которомъ нѣсколько частей тоже поставлены одна за другой, но такъ, чтобы *фланги ихъ выступали одинъ изъ-за другаго!»* Само названіе показываетъ: уступъ, лѣстница, эшелонъ! «Какой имѣется единственный сигналъ, чтобы развернуть уступы»? «Построеніе по переднему уступу (№ 27)». И этотъ сигналъ къ этому мудрому построенію не подходитъ! Еще болѣе жаль, но нельзя же бѣлое называть чернымъ, лѣвое правымъ, безцеремонно хватать первый попавшійся подъ руку чужой сигналъ и примѣнять его по своему усмотрѣнію. Если построеніе это считается серьезнымъ, а сигнала на него нѣтъ, то не трудно выдумать новый, или взять одинъ изъ вышедшихъ изъ употребленія старыхъ сигналовъ; а для этого построенія имѣется уже совсѣмъ готовый сигналъ, который и музыкой, и стихами совершенно подходитъ, а именно: *«изъ середины въ колонны»*, только надо перемѣнить два слова въ стихахъ. Прежде пѣлось: «изъ середины въ колонны постройтеся!», а теперь можно передѣлать: «во взводныя колонны постройтеся». Подобныя недоразумѣнія встрѣчаются почти на каждомъ шагу.

IX. Послѣдовательность.

Прежніе Уставы подвергались сильнымъ нападкамъ и осмѣянію за свои промахи и абсурды, при чемъ нападающіе совершенно упускали изъ вида, что всѣ эти абсурды, по тогдашнимъ понятіямъ и требованіямъ, имѣли полное право къ существованію и даже такъ или иначе, а при-

носили еще нѣкоторую пользу; за то старые Уставы имѣютъ то несомнѣнное преимущество, что въ нихъ *послѣдовательность* и *постоянство* пронизываютъ весь Уставъ, начиная съ шереножнаго ученья и кончая ученьемъ дивизіи, что чрезвычайно облегчаетъ и упрощаетъ дѣло. Въ теперешнихъ же Уставахъ *послѣдовательности* никакой; напротивъ, фантазерству и произволу предоставлено самое широкое поле, при чемъ забываютъ и даже знать не хотятъ, что Уставъ не есть Тактика, въ которой предлагаются только общія правила, а обработка подробностей предоставляется смѣтливости и сообраэенію исполняющаго, но что Уставъ есть собраніе самыхъ положительныхъ, вполнѣ ясныхъ, удобныхъ и постоянныхъ правилъ, не подающихъ ни малѣйшаго повода къ сомнѣніямъ и колебаніямъ и которыя должны совершенно одинаково выполняться какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Петербургѣ, какъ въ Гвардейскомъ полку, такъ и во всякой этапной полу-командѣ; уже самое слово *Уставъ* вполнѣ показываетъ, чѣмъ онъ долженъ быть, а между тѣмъ не угодно ли взглянуть на теперешнюю послѣдовательность:

а) Почти всѣ правила одиночнаго обученія, гимнастики, фехтованья, рубки, волтижировки написаны чрезвычайно не обстоятельно и многіе объяснительные рисунки совершенно противорѣчатъ тексту; *выпадъ* напр. во время гимнастики, которая не есть самостоятельная наука, а только подготовка къ прочимъ, въ томъ числѣ и къ фехтованію—одинъ, и дѣлается такъ-то, а на фехтованіи онъ дѣлается иначе, слѣдовательно время, потраченное на гимнастику, пропадаетъ даромъ; а потому не только что во всѣхъ полкахъ, но и въ эскадронахъ одного и того же полка всѣ эти упражненія порождаютъ споры, сомнѣнія, дѣлаются различно и всѣ чины видя, что никто не обращаетъ на это вниманія, начинаютъ относиться къ занятіямъ этимъ болѣе равнодушно и не извлекаютъ изъ нихъ должной пользы.

б) Правила одиночнаго ученья учатъ насъ, что обучающійся долженъ дѣлать повороты: «направо», «въ полъ, оборотъ налѣво», «кругомъ» и т. д., оріентируясь единственно тѣмъ направленіемъ, куда онъ самъ обращенъ лицомъ въ тотъ моментъ, когда его захватила команда. Это старинное, коренное и основное правило, на которомъ, смѣло можно сказать, зиждется все и за усвоеніе котораго намъ самимъ сильно доставалось когда мы были еще новичками-кадетами; между тѣмъ правила «рубки», а въ особенности разныя правила при перестроеніи эскадрона и полка, весьма часто отмѣняютъ это основное правило и заставляютъ оріентироваться не по настоящему, лично до обучающагося касающемуся направленію, а по направленію, въ которомъ онъ когда-то часа три тому назадъ находился. Сначала учили, учили, подготовляли, подготовляли, а какъ только коснулось примѣненія къ дѣлу, то и позабыли, и явилось всегдашнее и ужъ совершенно ни къ чему не нужное *но*, и по командѣ *направо* за-

ставляютъ поворачиваться *на-лѣво*, при чемъ хотятъ еще увѣрить, что это необходимо потому, то и потому-то. Такъ вмѣсто сигнала *всѣ направо*, подай сигналъ просто *налѣво*, а что касается тѣхъ случаевъ, когда полкъ или бригада дѣйствуетъ на пересѣченной мѣстности, вразбродъ и съ различнымъ направленіемъ нѣкоторыхъ частей, то одной командой или однимъ сигналомъ никакъ не управишься, не заставишь всѣ части моментально передвигаться и поворачиваться какъ маріонетки; безъ помощи ординарцевъ и отдѣльныхъ приказаній никакъ не обойдешься. Слава Богу, не въ первый разъ выѣзжать на ученье; а что на бумагѣ и до перваго сумбура,—оно выходитъ красиво—это точно.

в) Если полкъ отступаетъ въ какомъ бы то ни было порядкѣ построенія и если при этомъ будетъ поданъ сигналъ *направо*, то онъ и долженъ заѣхать направо, т. е. этимъ какъ бы возстановляется или подтверждается то, что мы учили въ азахъ,—держаться всегда руки исполняющаго; между тѣмъ если полкъ отступаетъ во взводныхъ колоннахъ и поданъ сигналъ *построеніе фронта направо*, то эскадроны должны дѣлать заѣздъ *налѣво*—опять неустойка! Почему же такое обидное исключеніе только для этого именно построенія? Такъ пусть они строятъ фронтъ дѣйствительно направо, т. е. на свою руку, или подайте сигналъ *построеніе фронта налѣво*,—выйдетъ то же самое, только соблазна и нарушенія никакого не будетъ. Развѣ-что обучающему головку лѣнь поломать и онъ, не надѣясь на себя, взваливаетъ на подчиненныхъ свою спеціальную и единственную обязанность,—помнить направленіе и давать его всѣмъ частямъ; эскадроннымъ же командирамъ и безъ того есть за чѣмъ слѣдить, что помнить и чѣмъ заняться.

г) *Порядокъ построенія колоннъ.* Шереножное ученье учитъ, что колонны, отъ *справа по одному* до *справа по шести* включительно, строятся посредствомъ выдвиганія оныхъ изъ одного изъ фланговъ шеренги или взвода; эскадронное ученье вполнѣ пользуется уроками шереножнаго ученья, сохраняетъ тотъ же порядокъ построенія колоннъ, кромѣ *взводной*, для которой вырабатываетъ болѣе удобный и быстрый способъ, а именно движеніе заднихъ взводовъ по діагонали, съ сохраненіемъ тѣхъ же однородныхъ командъ; при чемъ пропущена *полуэскадронная* колонна или движеніе по полуэскадронно,—движеніе, которое можетъ иногда оказаться полезнымъ въ походномъ порядкѣ, особенно при шестиэскадронномъ составѣ; во всякомъ случаѣ разъ дѣленіе на полуэскадроны существуетъ, то не слѣдовало бы обходить и этого движенія. *Полковое ученье*: тутъ съ перваго же шага натыкаешься на невообразимѣйшій сумбуръ; полное смѣшеніе различныхъ понятій, порядковъ и командъ; вѣдь собственно говоря, всѣ сказанныя выше движенія не суть *построеніе колоннъ* въ строгомъ смыслѣ; вслушайтесь только въ команду, что она говоритъ: *«справа по шести—маршъ!»*, или *«справа по взводно—маршъ!»*, т. е. она

вовсе не заставляетъ васъ строить какія то колонны, а указываетъ только порядокъ, въ какомъ вы должны двигаться по дорогѣ или по полю. Колонны собственно, это особь статья; эти два построенія никакъ нельзя смѣшивать и объ этомъ я буду говорить ниже. Если подобное смѣшеніе можетъ быть еще терпимо для шеренги или эскадрона, какъ единицъ, занимающихъ весьма небольшое протяженіе по фронту, то оно никоимъ образомъ не должно быть примѣняемо къ полку и тѣмъ болѣе шестиэскадронному; затѣмъ способъ движенія сказаннымъ порядкомъ въ полковомъ ученьи долженъ всецѣло производиться по правиламъ, которыя выработаны уже шереножнымъ и эскадроннымъ ученьями, съ сохраненіемъ тѣхъ же командъ и ихъ смысла. Между тѣмъ, что же мы видимъ? Движеніе отъ «справа по одному» до «справа по шести» дѣлается такъ, какъ учитъ эскадронное ученье; движеніе «по взводно» дѣлается уже, неизвѣстно для чего, совершенно своеобразно и не имѣетъ даже подходящей команды, а дальше...... и пошло писать. Изъ прежнихъ Уставовъ видно, что движеніе полка «по взводно», «по полуэскадронно» и «по эскадронно» производилось вполнѣ скоро, удобно и правильно по способу, выработанному эскадроннымъ ученьемъ, такъ почему же не дѣлать этого и теперь, а выдумывать какія-то построенія безъ названія и подсказывать, что въ случаѣ недостатка мѣста слѣдуетъ сперва сдѣлать заѣздъ вправо или влѣво, а потомъ дать желаемое направленіе головной части; что это за командиръ, который самъ не догадается сдѣлать этого, а то эти подсказы не лучше подсказа объ объѣздѣ лужи.

д) *Нумерація эскадроновъ и взводовъ.* Теперешній Уставъ ввелъ весьма дѣльную и цѣлесообразную въ боевомъ отношеніи мѣру: не стѣсняться размѣщеніемъ эскадроновъ и взводовъ въ послѣдовательной нумераціи во время различныхъ перестроеній полка; и дѣйствительно, пока правило это разучивалось и не успѣло еще попасть въ Уставъ полки получили громадное облегченіе; но вотъ отпечатали Уставъ 81 года и— о Боги! полезнѣйшая мѣра обратилась въ несноснѣйшую повинность и затрудненіе. Почему? «Да потому, что составители какъ бы сами испугались даннаго разрѣшенія и на каждомъ шагу оговариваютъ, чтобы мы не пользовались этимъ вольнодумствомъ слишкомъ широко». И боязно, и хочется, и маменька не велитъ! А потому вмѣсто какого-нибудь одного построенія появилась ихъ цѣлая сотня: строй фронта направо *просто*, строй фронта направо *съ нумераціей*, полковая эскадронная колонна *просто*, такая же колонна *съ нумераціей*, колонна на интервалахъ *просто*, такая же колонна *съ нумераціей* и т. д. безъ конца, на каждый отдѣльный случай обязательно. Къ чему все это? Пусть нумерація остается дома, въ казармахъ; но разъ полкъ выѣхалъ въ поле, командиръ полка долженъ забыть номеръ эскадроновъ, а эскадронный командиръ—номеръ взводовъ; тогда сама собою отлетитъ цѣлая масса хитроумныхъ построе-

нiй, а изъ остальнаго выбрать только то, что подходитъ къ бою, что можетъ быть построено наивозможно быстро,—и надъ этимъ практиковаться. Послѣдовательность нумерацiи требуется только для церемонiальнаго марша, а для этого: 1) есть правила для послѣдовательнаго построенiя въ *шереножномъ ученьѣ* и 2) передъ церемонiаломъ всегда дается маленькiй отдыхъ, и если бы части черезъ-чуръ перемѣшались, то предоставьте самимъ полковымъ и эскадроннымъ командирамъ расхлебать эту кашу; съумѣютъ, если успѣютъ, а не успѣютъ, то и такъ пройдутъ. Эскадронъ, съ котораго требуютъ идти въ атаку, безъ нумерацiи, по всей вѣроятности хорошо пройдетъ безъ нея и церемонiальнымъ маршемъ.

е) *Построенiе по фланговымъ частямъ.* Почти всѣ перестроенiя теперешняго полковаго ученья дѣлаются или исключительно по фланговымъ эскадронамъ, или могутъ быть сдѣланы и по фланговымъ, и по *среднимъ* эскадронамъ; чѣмъ меньше въ Уставѣ всякихъ *или* и *но*, тѣмъ лучше, а потому разсмотримъ, который изъ этихъ двухъ способовъ лучшiй. Такъ какъ при перестроенiяхъ на фланговый эскадронъ оказывается то неудобство, что противоположнымъ эскадронамъ приходится описывать слишкомъ большiя дуги и задавать слишкомъ большiе концы, вслѣдствiе чего общее построенiе затягивается въ итогѣ, и что усиливается еще болѣе теперь, при шестиэскадронномъ составѣ, то несомнѣнно, что построенiе по среднимъ эскадронамъ (и для упрощенiя дѣла разъ навсегда по одному, хотя бы по штандартному) оказывается гораздо болѣе удобнымъ. По этой причинѣ въ то время, когда полки имѣли по 6 и даже по 8 эскадроновъ, этотъ способъ имѣлъ полное предпочтенiе, и даже именно какъ бы въ поддержку ему и существовали «колонны изъ середины». Сказанныя выше перестроенiя имѣютъ мѣсто: 1) при построенiи эскадронной колонны изъ развернутаго фронта, 2) при построенiи фронта изъ этой колонны и 3) при перемѣнахъ фронта. Если маневрируетъ одинъ полкъ, то препятствiемъ къ построенiю по *среднему* эскадрону для 2-го и 3-го пункта является только одно обстоятельство: если за однимъ изъ фланговъ или въ тылу полка окажется какая нибудь непроходимая канава, ограда и т. п.; но такъ какъ командиръ полка или самъ увидитъ это, или ему донесутъ объ этомъ, то онъ можетъ подвинуть полкъ немного впередъ или въ стороны, прежде чѣмъ начать сказанное построенiе, и все дѣло окажется улаженнымъ. Если маневрируетъ бригада, то при построенiи фронта по одному изъ полковъ (часть 4-я, стр. 45) другому полку надо будетъ отойдти только на нѣсколько саженей болѣе противъ теперешняго, для того чтобы имѣть возможность выстроить свой фронтъ по *среднему* эскадрону; если въ этомъ случаѣ эскадронамъ, стоящимъ ближе къ флангу равненiя, придется возвратиться немного назадъ, за то дальнiе эскадроны получатъ маленькую передышку, и все-таки построенiе совершится болѣе

единовременно; а то вѣдь все равно приходится ожидать, пока послѣдній эскадронъ доберется до своего мѣста, и раньше чего нельзя начать никакого другаго построенія.

ж) *Построеніе фронта.* При построеніяхъ фронта попадаются преуудобные и прелюбопытные случаи происходящіе наиглавнѣйшимъ образомъ отъ того, что начали смѣшивать двѣ совершенно противоположныя, хотя имѣющія на первый взглядъ довольно схожія названія, вещи, а именно: *построеніе* фронта и *перемѣна* фронта,—случаи, которые строго разграничивались прежними Уставами. Фронтомъ называется, собственно говоря, развернутый *во всю свою длину* строй эскадрона или полка, и когда говорится о *построеніи* фронта, то рѣчь идетъ о построеніи именно этого развернутаго во всю длину строя изъ другихъ болѣе мелкихъ частицъ; напр. шеренга шла съ права по три, то надо построить фронтъ *шеренги*; эскадронъ шелъ по взводно, надо построить фронтъ *эскадрона*; полкъ шелъ по взводно или въ эскадронной колоннѣ, надо построить фронтъ *полка.* Перемѣною фронта называется то построеніе, когда развернутый строй маневрирующей части надо повернуть лицомъ въ одну изъ сторонъ. Дѣло кажется весьма понятнымъ, но со введеніемъ въ употребленіе взводныхъ колоннъ (мѣра весьма практичная) сказанные два случая стали приходить въ весьма частое и весьма тѣсное соприкосновеніе, да кромѣ того совершенно упустили изъ вида, что *фронтъ полка* получилъ еще новый видъ, въ смыслѣ *боевой линіи*, состоитъ ли онъ изъ развернутаго строя *полка* или изъ фронта *колоннъ всего полка* (также дивизіона), при чемъ видъ этотъ непремѣнно сохраняетъ всѣ признаки и права фронта и требуетъ одинаковаго съ собою обращенія, и тутъ-то вотъ именно и пошли: грѣхъ за грѣхомъ, бѣда за бѣдой. Къ этой бѣдѣ присоединились еще неправильное примѣненіе сигналовъ, неточное толкованіе командъ, и такимъ образомъ получается каша, которая въ полномъ блескѣ выказывается на стр. 67, 68 полковаго ученья, на чертежахъ 20 и особенно 21-мъ. На чертежѣ 20-мъ дѣло идетъ о перемѣнѣ фронта въ полъ-оборотъ направо полка, построеннаго въ *линію взводныхъ* колоннъ; для этого приказывается: 1) подать команду или сигналъ—заѣхать по взводно въ $^1/_2$ оборота направо (это можно сдѣлать), 2) скомандовать выстроить фронтъ въ каждомъ эскадронѣ (и это можно сдѣлать), или подать сигналъ № 25 (ну, ужъ извините, сразу *двѣ* ошибки); первая ошибка заключается въ томъ, что сигнала № 25, т. е. построеніе фронта (деплояду) нельзя подать; онъ подается только изъ колонны, а здѣсь колонны нѣтъ; съ той минуты, какъ взводы заѣхали плечми, получились уже *Уступы.* Что же это за произволъ и за столпотвореніе: на чертежѣ 9-мъ изъ *колонны* подаютъ сигналъ построеніе *по переднему уступу*, а тутъ изъ *уступовъ* подаютъ сигналъ *строй фронтъ!* Вторая ошибка: если даже и подать сигналъ *строй фронтъ*, то по этому сигналу эскадроны отнюдь не должны ограничиться

только тѣмъ, что выстроятъ свои фронты, а обязаны немедленно строить фронтъ всего п›лка; здѣсь маневрируетъ не одинъ эскадронъ, а весь полкъ (или дивизіонъ), т. е. часть бóльшая, состоящая подъ однимъ общимъ начальствомъ, слѣдовательно сигналъ относится до *всего полка*; все равно какъ бы было скомандовано *«полкъ строй фронтъ,»* въ противоположность чему существуетъ команда *«полкъ въ каждомъ эскадронѣ строй фронтъ»*, а равнозначащаго послѣдней командѣ сигнала нѣтъ, да и слава Богу. Третья же ошибка оказывается въ томъ, что послѣ построенія фронта въ каждомъ эскадронѣ приказывается подать сигналъ *построеніе по переднему уступу*, который послѣ сказаннаго является совсѣмъ ненужнымъ. По моему, построеніе это дѣлается весьма просто: какъ только взводы заѣхали въ $^1/_2$ оборота направо, слѣдуетъ подать сигналъ *построеніе по переднему уступу*—и конецъ; въ этомъ случаѣ 1-й взводъ 1-го эскадрона составляетъ передній или самый близкій къ непріятелю уступъ, слѣдовательно 1-й эскадронъ обязанъ выстраиваться по немъ, а всѣ прочіе эскадроны—по 1-му эскадрону.

Въ чертежѣ 21-мъ дѣло идетъ о томъ же построеніи, только еще болѣе хитрымъ способомъ; одного раза мало, такъ нѣтъ, еще нелегкая понесла! Для этого приказывается: 1) скомандовать или подать сигналъ *правое плечо впередъ.* Извольте-съ, и скомандуемъ, и сигналъ подадимъ, только полкъ не сдѣлаетъ того, что нарисовано тамъ на картинкѣ. Полкъ стоитъ *фронтомъ*—правда не развернутымъ строемъ, а фронтомъ колоннъ, т. е. то, что вы сами называете *линіей* взводныхъ колоннъ; а потому, получивъ сказанную команду или сигналъ, полкъ начнетъ подаватся плечемъ *всего полка* съ сохраненіемъ тѣхъ же интерваловъ между колоннами и ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права мѣнять свой строй на *уступы.* Вѣдь сигналъ этотъ взятъ изъ *разсыпнаго строя* и по полученіи его цѣпь должна заходить *плечемъ* въ томъ именно порядкѣ, какъ я говорилъ, потому-что если желаютъ заставить ее заходить *кишкой*, то должны сначала повернуть ее направó (или налѣво) и потомъ уже подать сигналъ *плечо;* а потому все, что исполняется по этому сигналу фронтомъ цѣпи, то должно быть всецѣло примѣнено и къ фронту полка. Если не такъ, то чѣмъ же вы гарантированы послѣ этого, если напримѣръ полкъ идетъ во взводной колоннѣ, и вы, оставшись гдѣ нибудь въ середкѣ или въ хвостѣ полка, пожелаете дать ему другое направленіе, подадите сигналъ *плечо* и что полкъ дѣйствительно зайдетъ только головнымъ взводомъ, а всѣ прочіе потянутся ему въ затылокъ, но что полкъ не начнетъ заходить плечми въ каждомъ эскадронѣ, или не удеретъ чего нибудь еще похуже—не зайдетъ плечми въ каждомъ взводѣ? Вѣдь при теперешнихъ толкованіяхъ, неустойчивости и произволѣ можно всего ожидать!—и будетъ резонъ!—пойди тамъ распутывай и доказывай! Для того же, чтобы сдѣлать то, что нарисовано на картинкѣ, можно подать команду: *въ каждомъ эскадронѣ*

правыя плечи впередъ, а сигнала для этого опять-таки никакого не имѣется, за что еще разъ слава Богу (опять двѣ ошибки сразу, и на командѣ, и на сигналѣ), 2) приказывается подать команду или сигналъ *прямо;* послѣ растолкованнаго это оказывается совсѣмъ лишнимъ (третья ошибка); 3) приказывается подать команду или синалъ № 25; изъ чертежа 20-го видно, что это составляетъ сразу двѣ ошибки (четвертая и пятая ошибки), и 4) приказывается подать сигналъ *построеніе по переднему* уступу, что, какъ уже сказано было, составляетъ ошибку (6-я ошибка). Какъ же сдѣлать это построеніе? «Да никакъ»! потому-что оно вполнѣ достигается способомъ, указаннымъ на чертежѣ 20-мъ. Уже не говорю про то, что при этомъ перестроеніи приходится задать цѣлый концертъ—четыре сигнала подъ рядъ, такъ что же было бы, еслибы понавыдумывали еще новыхъ сигналовъ? Вотъ теперь становится очевиднымъ неудобство имѣть большое количество сигналовъ вообще, и въ особенности сигналовъ, имѣющихъ одинъ и тотъ же смыслъ: какъ напр., *построеніе фронта* (деплояда)' № 25 и *построеніе фронта по переднему* уступу, № 27; въ обоихъ смыслъ одинъ и тотъ же: изъ болѣе мелкихъ частей возстановить развернутый строй *полка* лицомъ въ ту же сторону, въ которую былъ направленъ фронтъ и этихъ маленькихъ частей. Вотъ, *построеніе фронта* и *перемѣна* фронта, два совсѣмъ различныя построенія, какъ я уже говорилъ, и для нихъ должны быть особые сигналы. За то Уставы 81-го года сдѣлали слѣдующую весьма практическую вещь, они возстановили: «построеніе фронта *назадъ»*, чѣмъ кромѣ очевиднаго для всѣхъ удобства и подвижности полка, какъ бы подтвердили и уяснили значеніе слова «фронтъ полка»; потому-что кромѣ всего мною уже разсказаннаго, къ понятію этого злосчастнаго фронта пріурочивается еще довольно упорное понятіе, что фронтъ есть *непремѣнно* сторона. обращенная къ непріятелю,—между тѣмъ какъ это вовсе не такъ; безспорно, что конечный результатъ всѣхъ продѣлываемыхъ эволюцій есть тотъ, чтобы фронтъ очутился лицомъ къ непріятелю, но во время этихъ эволюцій полкъ весьма часто подставляетъ и фланги свои, и тылъ къ сторонѣ непріятеля, потому-что *фронтъ полка* въ смыслѣ боевой линіи, состоитъ ли она изъ *«развернутаго* строя» или изъ *линіи колоннъ*, непремѣнно имѣетъ свои: лицо, фланги и тылъ. А послѣ этого опять-таки навязывается вопросъ—кому легче и кто по справедливости долженъ всегда знать и помнить, гдѣ находится непріятель, начальникъ ли, которому только одно это дѣло и есть, или мелкіе чины, на которыхъ лежитъ и безъ того очень много обязанностей?

з) *Наѣздники, дозорные и проч.* Въ наѣздники назначаются самые расторопные люди на самыхъ лучшихъ лошадяхъ. Въ прежнія времена при долгосрочной службѣ людей и при великолѣпномъ качествѣ и обиліи у насъ лошадей оказывалось весьма легкимъ дѣломъ выбрать изъ эскадрона 16 человѣкъ такихъ всадниковъ и всадники эти имѣли свое спе-

ціальное назначеніе, а именно: при тогдашнемъ неудовлетворительномъ состояніи огнестрѣльнаго оружія, враждующія стороны съѣзжались иногда такъ близко, что какъ ни плохи были тогдашніе фузеи и мушкетоны, а все-таки можно было не только-что изъ нихъ, а даже и плевками, попадать другъ въ друга; такъ вотъ, чтобы какой нибудь шальной выстрѣлъ и вправду не попалъ въ человѣка или въ лошадь, высылали *наѣздниковъ*, которые прикрывали фронтъ и которые для этого: 1) сами начинали пукать—причина, почему имъ были даны, въ отличіе отъ прочихъ рядовыхъ, карабины и 2) сцѣплялись въ одиночную схватку съ непріятельскими наѣздниками—причина, почему въ наѣздники назначались самые сорванцы (смѣтливые, хорошо ѣздящіе и т. д.) на самыхъ лучшихъ лошадяхъ.

Теперь же вооруженіе кавалеріи не то; чего можно потребовать отъ теперешняго недолго служащаго солдата—намъ извѣстно; какими лошадками пробавляется теперь кавалерія—тоже намъ хорошо извѣстно; это разъ! Затѣмъ въ унтеръ-офицеры лучшихъ людей и лошадей—подай; на фланги лучшихъ людей и лошадей—подай, въ наѣздники лучшихъ людей и лошадей—подай, въ дозорные лучшихъ людей и лошадей—подай, вѣстовыми и ординарцами къ начальству лучшихъ людей и лошадей—подай и т. д. безъ конца. Да откуда же ихъ вамъ наберешься? Затѣмъ какія обязанности лежатъ теперь на всѣхъ этихъ наѣздникахъ, дозорахъ и наблюдательныхъ постахъ? А вотъ какія: ты ступай и про непріятеля доноси мнѣ, а про канавку и лужу не смѣй; а ты ступай и доноси про канавку и лужу, а про непріятеля не смѣй; а вы всѣ ступайте и доносите мнѣ и про непріятеля, и про лужи, и про канавки; а какъ разошлютъ всю эту публику, на что теперь великіе охотники, смотришь, что сталось съ фронтомъ: рѣшето! Тамъ торчитъ два ряда, здѣсь одинъ человѣкъ, а дальше еще полъ-ряда; какъ есть одни остовы взводовъ или эскадроновъ. При теперешнемъ, смѣло можно сказать, почти равномѣрномъ развитіи людей и одинаковомъ качествѣ лошадей, было бы гораздо удобнѣе посылать для этихъ цѣлей не выборныхъ всадниковъ, а просто отсчитывая ихъ по рядамъ, съ одного изъ фланговъ эскадрона; потому-что тогда будетъ хоть та утѣха, что если разгонятъ и полъ-эскадрона даже, то все-таки во фронтѣ останется полныхъ два или полтора взвода, а не рѣшето какое-то или стадо. Разумѣется, людей завѣдомо несообразительныхъ, близорукихъ, глухихъ никто посылать не станетъ. Всѣ эти разныя, но однозначащія названія, какъ-то: наѣздники, дозорные, наблюдательные посты, могли бы быть съ успѣхомъ замѣнены однимъ хорошо намъ знакомымъ названіемъ *разъѣздъ*, такъ какъ разъѣздъ бываетъ отъ двухъ *человѣкъ* до двухъ и даже до трехъ *взводовъ* и бываетъ также *ближній* и *дальній*; при чемъ самъ эскадронный командиръ будетъ знать, какого рядоваго, унтеръ-офицера и даже офицера куда послать и что каждому изъ нихъ поручить.

Для того, чтобы вернуть къ фронту всѣхъ этихъ наѣздниковъ и проч., имѣются тоже два сигнала: *сборъ* и *аппель*, и такъ какъ у нихъ смыслъ одинъ и тотъ же, то одинъ изъ этихъ сигналовъ слѣдовало бы уничтожить. По сигналу напр. *аппель*, какъ болѣе своеобразному, всѣ мелкіе разъѣзды должны собираться къ своему начальнику и немедленно поспѣшать къ эскадрону; для тѣхъ, кто замѣшкается, можно повторить этотъ сигналъ, и это поддастъ имъ прыти; а части, находившіяся въ разсыпной атакѣ, должны собираться къ своему начальнику, и если послѣдовало повтореніе сигнала, то пристроиваться къ эскадрону; если поданъ сигналъ *походъ*, немедленно бросаться въ атаку сомкнутымъ строемъ; если поданъ сигналъ *разсыпка*—опять разсыпаться и стоять цѣпью, а если поданъ сигналъ *построеніе по переднему уступу*, то стоять на мѣстѣ и дожидаться подъѣзда остальныхъ взводовъ. Вотъ и въ этомъ случаѣ сигналъ *построеніе по переднему уступу* подается совершенно неправильно; полкъ вовсе не расположенъ *уступами*, а также онъ и не стоитъ въ колоннѣ или въ колоннахъ, а стоитъ развернутымъ строемъ, но *только не всего полка*, а разбитъ на двѣ линіи; слѣдовательно и тутъ слѣдуетъ подать сигналъ *строй фронтъ*, который постоянно и неотступно требуетъ построенія фронта *всего полка* или эскадрона, т. е. части, которая въ данный моментъ маневрируетъ и находится въ подчиненіи одного лица. Впрочемъ этотъ грѣхъ перешелъ по наслѣдству изъ старыхъ Уставовъ; и такъ, вотъ что значитъ неточное и невполнѣ выясненное примѣненіе названій.

X. Общая цѣль.

Въ теперешнихъ Уставахъ хотя и замѣтно сильное желаніе сдѣлать *что-то*, а кой-что и сдѣлано таки, но все сдѣлано какъ бы ощупью, руководящей же, основной идеи и окончательной цѣли въ нихъ нѣтъ ни на волосъ. Не говоря про перечисленные примѣры, почти всѣ построенія и команды установлены не съ цѣлью дѣйствительной въ нихъ надобности, а для того только, чтобы продѣлать такой-то хитрый рисунокъ и для того, чтобы имѣть возможность примѣнить какую-нибудь удивительно-замысловатую команду. Такое-то построеніе слѣдуетъ сдѣлать *такъ-то*. Слушаемъ-съ! Потомъ начинается ломанье головы, передвиженье шашекъ, составленье рисунковъ и вдругъ—о радость—открывается Америка: тоже самое построеніе можно сдѣлать и другимъ способомъ. И вотъ въ Уставѣ появляется *или*. Работа надъ шашками усиливается, бумага и карандаши трещатъ, потъ льется градомъ, и наконецъ съ восторгомъ открывается другая Америка: тоже самое построеніе можетъ быть сдѣлано и третьимъ способомъ—и въ Уставѣ появляется *а если желаете*. Но вѣдь кому же изъ насъ неизвѣстно, что начни только играть въ эти бирюльки, то и самъ радъ не будешь, потому-что на каждое построеніе

можно подъискать хоть десять способовъ, только пусть извинятъ за смыслъ ихъ и за быстроту; это все равно, что начать передвигать слова какой нибудь фразы, напр: эти Уставы никуда не годятся. Уставы никуда не годятся эти. Никуда эти не годятся Уставы и т. д. безъ конца. Намъ нужно, чтобы на каждое построеніе былъ принятъ *одинъ*, самый удобный и быстрый способъ и только въ случаѣ очевидной необходимости былъ оставленъ *второй* способъ. Доказательствомъ тому, въ какомъ младенческомъ или первобытномъ состояніи находится еще разработка всего Устава, служитъ то, что мы не выработали еще многихъ названій, а употребляемъ при встрѣтившейся нуждѣ названія, состоящія изъ цѣлыхъ фразъ, почему и происходятъ разсказанныя выше смѣшенія и путаницы; а между тѣмъ практика такъ сама и наталкиваетъ, такъ и напрашивается на то, что ей надо. Собственно говоря для чего служатъ всѣ перестроенія? Для возможно быстраго перехода изъ походнаго порядка въ боевой! Какая самая удобная походная колонна какъ по способу управленія, такъ по меньшей глубинѣ, такъ наконецъ и по удобству перехода въ другія построенія? Когда полкъ идетъ взводами! Какъ зовутъ эту колонну? Вотъ тутъ-то и пошло писать: ее зовутъ и *взводная*, и *полковая взводная*, и *общая взводная*, что дѣлается для того, чтобы какъ нибудь отличить ее отъ другихъ колоннъ, которымъ до сихъ поръ никакъ не могутъ подъискать названій. Такъ пусть она будетъ безо всякихъ разговоровъ Взводная! потому-что идутъ взводами, а что идетъ полкъ, а не эскадронъ или дивизіонъ, то это и безъ того видно. Какимъ порядкомъ можно скорѣе всего перестроить эту колонну въ развернутый строй или въ линію колоннъ, т. е. по головной ли части, по одной ли изъ среднихъ, въ послѣдовательномъ ли порядкѣ, или *вѣеромъ?* Такъ какъ головная часть находится ближе всѣхъ къ непріятелю, то разъ навсегда по головной; а такъ какъ при построеніи вѣеромъ построеніе будетъ исполнено быстрѣе и заднимъ эскадронамъ придется проходить меньше, то разъ навсегда—*вѣеромъ!* Какая есть еще колонна, хотя пригодная только для церемоніальнаго марша, но безъ которой нельзя обойтись и въ боевыхъ построеніяхъ, такъ какъ она служитъ удобнымъ переходомъ въ послѣдующія перестроенія? «Когда полкъ идетъ эскадронами»! «Какъ зовутъ эту колонну»? Опять сто названій: и *эскадронная* и *полковая эскадронная* и *полковая эскадронная сомкнутая*. Пусть будетъ *Эскадронная* просто. Что же касается до таковой же колонны на полныхъ дистанціяхъ, то ее слѣдуетъ исключить вовсе изъ списка колоннъ, потому что въ ней нѣтъ ровно никакой нужды и потому-что она вовсе не колонна, а одно изъ безчисленныхъ положеній, которыя принимаетъ полкъ во время всякихъ перестроеній. Вѣдь полкъ можетъ сдѣлать также заѣздъ по-дивизіонно и тогда выйдетъ дивизіонная колонна, но кому она нужна и для чего? Послѣ этого и разставленные на парадѣ желонеры—тоже *колонна*, потому-что способъ ихъ разстановки имѣетъ

всѣ законные признаки и примѣты колонны. Какая есть еще новая и очень удобная колонна? Когда полкъ стоитъ въ каждомъ эскадронѣ по взводно, но на манеръ эскадронной колонны! Какъ зовутъ эту колонну? Резервная! Слава Богу, одно слово, но вполнѣ подходящее и все объясняющее! Какая еще есть колонна? Когда полкъ стоитъ въ каждомъ эскадронѣ по взводно, но на интервалахъ! Какъ зовутъ эту колонну? Да она не имѣетъ названія! Какъ не имѣетъ? Да такъ и не имѣетъ, а чтобы назвать ее, надо отслужить цѣлый молебенъ! Ну, нечего дѣлать, служите! «*Линія взводныхъ колоннъ на полныхъ интервалахъ*»! По своему удобству, подвижности и ежеминутной готовности выстроить фронтъ во всѣ стороны, колонна эта вполнѣ заслуживаетъ названія *боевой*. Если дать эти названія, то сколько отлетитъ тогда сразу—построеній, сигналовъ и командъ; на сколько всѣ команды сдѣлаются ясными и короткими, напримѣръ: Если полкъ стоитъ развернутымъ фронтомъ, то по командѣ: *Полкъ въ эскадронную* (резервную, боевую) *колонну — стройся!* будетъ вполнѣ ясно, чего хотятъ и что каждому слѣдуетъ сдѣлать. Если полкъ стоитъ въ какой бы то ни было колоннѣ, то по командѣ *строй фронтъ* или сигналу № 25 всѣ будутъ знать, что надо выстроить фронтъ полка. Если полкъ стоитъ въ уступахъ, состоятъ ли эти уступы изъ эскадроновъ или изъ взводовъ, то по командѣ *строй фронтъ* или по тому же сигналу № 25 станетъ весьма понятно, что опять слѣдуетъ выстроить *фронтъ полка*. То же самое облегченіе окажется и при перестроеніяхъ изъ одной колонны въ другую, а если перебрать всѣ построенія, да выбрать исключительно самые удобные и быстрые способы приведенія ихъ въ исполненіе, то сколько получится облегченій и свободнаго времени, которое употребить есть на что. Кромѣ того Уставы можно было бы печатать не на восьмушкѣ листа и не столь микроскопическими буквами, потому-что если *намъ* читать ихъ не особенно удобно, то солдатамъ, которые тоже читаютъ ихъ, приходится уже совсѣмъ не вкусно. Форматъ прежнихъ Уставовъ былъ вдвое больше и печать, равно и рисунки, гораздо крупнѣе. Это нововведеніе сдѣлано вѣроятно для того, чтобы было удобнѣе возить съ собою Уставъ на ученьяхъ; но Уставы слѣдуетъ изучать сидя дома, и если кто нуждается въ таскаціи ихъ съ собою повсюду, то дѣло выходитъ не особенно...того!

XI. Караульная служба.

И въ этомъ такъ называемомъ Гарнизонномъ уставѣ встрѣчаются тѣ же недостатки, но такъ какъ родъ этой службы требуетъ гораздо большей пунктуальности, строгости, и главное всякія недоразумѣнія и противорѣчія обнаруживаются скорѣе, то это ведетъ иногда къ прелюбопытнымъ, а иногда къ весьма нежелательнымъ казусамъ.

1) Уставъ этотъ вдается въ подробности, вовсе до него не касающіяся, всецѣло относящіяся до строевыхъ Уставовъ пѣхоты и

кавалеріи; напримѣръ, онъ учитъ, что долженъ скомандовать офицеръ, чтобы подвести взводъ съ правой или лѣвой стороны платформы; что онъ долженъ опускать саблю или держать руку подъ козырекъ, когда рапортуетъ и т. д.,—подробности, которыя утолщаютъ только книгу и мѣшаютъ вникнуть въ суть дѣла.

2) Есть недоразумѣнія очень серьезныя, напр.: а) § 17-й гласитъ, что части войскъ, вошедшія въ составъ карауловъ, выходятъ на эти сутки изъ подчиненности своего строеваго начальства и поступаютъ въ исключительную подчиненность: Командующаго войсками округа, Коменданта и Дежурнаго по карауламъ; между тѣмъ §§ 176 и 188-й говорятъ, что Строевое начальство имѣетъ право входить въ караульный домъ для провѣрки исправности караульныхъ чиновъ. Какая же эта *неподчиненность?* Стало быть подчиненность продолжается; затѣмъ къ чему это? развѣ у Строеваго начальства своего дѣла мало или Караульное начальство само не управится? наконецъ, что можетъ сдѣлать Строевое начальство, когда согласно § 21-го кромѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА никто не имѣетъ права сдѣлать часовому *замѣчанія* даже за явныя неисправности, а согласно § 20-го даже само Караульное начальство не имѣетъ права накладывать никакихъ взысканій и на всѣхъ прочихъ чиновъ караула; причемъ § 188-мъ въ число лицъ, коимъ *предоставляется право* повѣрять караулъ, включенъ также и Дежурный по карауламъ. Зачѣмъ же предоставлять ему такъ великодушно это право, когда согласно §§ 17, 18 и 397 онъ есть непосредственный начальникъ и отвѣтчикъ за чиновъ караула и провѣрять ихъ исправность есть *единственная* его въ теченіе этихъ сутокъ обязанность.

б) § 190 говоритъ, что кромѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА рѣшительно никто, въ томъ числѣ и Дежурный по карауламъ, не можетъ быть впущенъ въ караульный домъ ни днемъ, ни ночью, иначе какъ съ соблюденіемъ цѣлой процедуры, продолжающейся не менѣе 10-ти минутъ. Вотъ тебѣ и на! Какъ же это не пускать непосредственнаго начальника и отвѣтчика? Люди могутъ быть раздѣты въ караулѣ, пить водку, играть въ карты, а часовой будетъ караулить ихъ, и въ случаѣ если нагрянетъ непосредственный начальникъ и отвѣтчикъ, то, пока часовой будетъ производить надъ нимъ процедуру пропуска, люди успѣютъ попрятать всѣ концы и по уходѣ отвѣтчика примутся тотчасъ же за прерванныя занятія. Къ чему послѣ этого трудились выдумывать еще статью о допущеніи въ караулъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу караула? Если уже непосредственный начальникъ можетъ продраться туда съ такимъ трудомъ, то надо полагать, что постороннихъ и подавно не пустятъ; а можетъ статься—на оборотъ?

в) Примѣчаніе къ § 398-му, сдѣланное микроскопическими буквами, должно быть написано большими буквами, какъ продолженіе того же

параграфа, и даже лучше если оно будетъ помѣщено самостоятельнымъ параграфомъ, потому-что содержитъ главное изъ главныхъ приказаній всего Устава, а именно: если Дежурный по карауламъ не знаетъ лично лица, передающаго ему приказаніе отъ имени ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, то онъ обязанъ спросить у этого лица пароль. Это разъ. Затѣмъ, въ прежнемъ Уставѣ приказывалось вовсе не то, тамъ приказывалось: если полученное отъ такого лица приказаніе покажется Дежурному по карауламъ *черезвычайнымъ*, такъ сказать *выходящимъ изъ ряда*, то онъ обязанъ былъ потребовать отъ посланнаго (кто бы онъ ни былъ) краткаго письменнаго приказанія, въ чемъ никто не имѣлъ права отказать ему и безъ чего Дежурный не долженъ былъ исполнять приказаніе и что было совершенно основательно. Напримѣръ, вы стоите въ караулѣ; вдругъ пріѣзжаетъ даже лично знакомый вамъ флигель-адъютантъ и объявляетъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ приказать немедленно снять всѣ посты и идти съ карауломъ домой, или немедленно отдать денежный ящикъ вотъ такому-то приведенному съ собою лицу, или немедленно выпустить такого-то арестованнаго. Это кажется вамъ сомнительнымъ и вы спрашиваете у него пароль, который тотъ отвѣтитъ (потому что знать его не штука), и тогда вы обязаны исполнить приказаніе; но чѣмъ гарантированы вы, что этотъ господинъ не находится въ припадкѣ помѣшательства, или не перепуталъ даннаго ему приказанія, или, желая отдѣлаться отъ отвѣтственности, не станетъ утверждать, что вы перепутали приказаніе, а онъ передалъ его правильно? Вѣдь на свѣтѣ все можетъ случиться, и ужъ если приказываютъ теперь, чтобы всѣ важныя приказанія отдавались письменно, на клочкахъ бумаги, даже во время сраженій, что дѣлается для того, чтобы имѣть возможность судить какъ о ходѣ его, такъ и о томъ, кто на сколько окажется правымъ, то въ этомъ случаѣ и толковать не приходится, потому-что послѣдствія могутъ быть тоже черезвычайно серьезными. Старый Уставъ былъ совершенно правъ, а искаженіе и обезсмысленіе такого важнаго пункта оказывается непростительнымъ промахомъ новаго.

г) § 405 учитъ Дежурнаго по карауламъ, что, рапортуя старшему, слѣдуетъ держать *руку подъ козырекъ;* чтò бы ужъ за одно не напомнить, съ какой ноги слѣдуетъ начать подходъ; точно такъ намъ извѣстно еще изъ азовъ, что разъ гдѣ присутствуетъ старшій, то онъ, а не младшій, отдаетъ всѣ приказанія и принимаетъ донесенія, принимаетъ почести и отдаетъ ихъ и т. д., почему весь 405 § есть не иное-что, какъ толченіе воды.

д) Параграфы 192 и 403 гласятъ о вполнѣ мизерныхъ правахъ и вслѣдствіе того ни къ чему не нужной обязанности Рунда, почему слѣдуетъ или уничтожить Рунда, или дать ему права совершенно одинаковыя съ Дежурнымъ по карауламъ (хотя бы почасти провѣрки исправности), по-

тому-что онъ есть представитель Дежурнаго по карауламъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ отлучился изъ караула по дѣламъ службы; затѣмъ, согласно § 403-му, Рундъ долженъ безотлучно находиться въ теченіе сутокъ на главномъ караулѣ и исполнять командировки и проч. порученія Дежурнаго по карауламъ; такъ какъ же понимать послѣ этого слова 403-го параграфа: «Дежурный по карауламъ отдаетъ приказаніе находящемуся *при разводѣ* Рунду, въ какіе часы и какіе именно караулы онъ долженъ осмотрѣть», т. е. дѣлается ли это для того, чтобы всѣ, кому надлежитъ, были предупреждены во-время и могли изготовиться къ достодолжной встрѣчѣ Рунда, или для того, чтобы Рундъ счелъ позволительнымъ прямо съ развода отправиться домой и оттуда уже навѣстить, когда ему вздумается, нѣкоторые караулы? Подсказывать нашему брату подобныя вещи совсѣмъ лишне, потому-что мы сами великіе мастера перетолковывать въ пользу нашего нестѣсненія все, къ чему можно мало-мальски придраться, наприм.: 1) Дежурный по карауламъ имѣетъ право, даже обязанъ, отлучаться изъ главнаго караула для провѣрки прочихъ и всякій пріѣхавшій и не заставшій его на мѣстѣ начальникъ вполнѣ удовлетворится полученнымъ въ этомъ смыслѣ отвѣтомъ; а потому многіе Дежурные по карауламъ, Рунды и Дежурные по полку являются на свои мѣста только въ необходимыя минуты, т. е. къ смѣнѣ и къ вечерней зорѣ. «Гдѣ Дежурный»? «Уѣхалъ посты осматривать»! или «Ушелъ конюшни (казармы) осматривать»! а въ случаѣ чего вѣстовой бѣжитъ на квартиру Дежурнаго, докладываетъ, что такая-то бѣда стряслась, и Дежурный прилетаетъ какъ ни въ чемъ не бывало. 2) Караульный офицеръ, почувствовавшій надобность выйти кой-куда, имѣетъ право не выскакивать съ карауломъ, но обязанъ въ этомъ случаѣ предварительно приказать снять трубу или барабанъ съ присвоенныхъ имъ на платформѣ мѣстъ. И вотъ мы, желая почитать или полежать спокойно, разстегнувшись—приказываемъ убрать трубу и, получивъ такимъ образомъ право не выскакивать, предаемся безнаказанно кейфу—и многое въ этомъ родѣ, почему не подсказывать, а затруднять всячески слѣдуетъ подобныя умозаключенія. Въ параллель этому можетъ быть поставлена нѣжная и *гуманная* заботливость § 225-го, разрѣшающая спать *трети* караула, а также караульнымъ: офицеру и унтеръ-офицеру. Ужъ если допустили это *четыремъ*, положимъ, человѣкамъ, то будьте увѣрены, что будутъ дрыхнуть въ растяжку *всѣ поголовно* и въ случаѣ чего окажутся правыми тоже всѣ. Если прежде, безъ позволенія, каждый находилъ возможность прикурнуть, но держа себя на чеку, то теперь ихъ и дубьемъ пожалуй не добудишься. А въ военное время—подай и доблесть, и привычку торчать на аванпостахъ, и смотрѣть въ оба, хотя бы три ночи подъ рядъ! И къ чему вся эта «сѣраковщина» и послабленія? Прежде служба была несравненно тяжелѣе и суровѣе; съ начальниковъ требовалось много и

строго, но за то и имъ предоставлена была возможность заставить послушать себя, и хотя случаи побѣговъ арестантовъ бывали изрѣдка, бывали такъ же рѣдко (и очень даже) случаи побѣговъ самихъ часовыхъ, но за то случаи эти никогда не бывали столь повальны, какъ теперь, а такъ же вовсе не было случаевъ, чтобы при побѣгѣ часовой убилъ бы еще кого нибудь въ придачу, или обокралъ охраняемый имъ ящикъ, какъ это бываетъ теперь сплошь и рядомъ. Да можетъ ли оно быть иначе, когда теперь нижнимъ чинамъ и младшимъ офицерамъ предоставляются все большія и большія льготы и послабленія, а начальникамъ предъявляютъ еще большія противъ прежняго требованія, при чемъ степень ихъ власти и способы заставить послушать себя доведены до нуля, и вмѣсто этого имъ совѣтуютъ дѣйствовать на умственное развитіе. Да кто же станетъ спорить и не согласится, что теперешнія войска во сто кратъ развитѣе войскъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, слѣдовательно дѣло не въ *развитости*, а въ строгости; но не подлежитъ сомнѣнію также и то, что тамъ, гдѣ больше строгости, взаимныя отношенія должны быть упрощены и выяснены до предѣловъ возможности, а равно должны существовать прочныя гарантіи отъ произвола и несправедливостей, почему нѣкоторыя сокращенія въ требованіяхъ и облегченія—необходимы; но разъ они дѣлаются безъ разбору и въ изобиліи, то становятся уже не облегченіями, а послабленіями, которыя принимаются не какъ благодѣянія, съ благодарностью, а какъ признакъ слабости, незнанія, нестойкости, принимаются съ равнодушіемъ весьма близкимъ къ ироніи, если не болѣе того, дающимъ поводъ если не требовать, то ожидать все большихъ и большихъ послабленій. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ есть предѣлъ, далѣе и болѣе котораго ослабить поводья и уступить хотя бы на полъ-гроша — невозможно, а напротивъ, поставить во что бы то ни стало на своемъ, оказывается дѣломъ первостатейной необходимости, хотя бы пришлось для этого разогнать и перестрѣлять все войско, начиная со старшихъ отъ перваго и до послѣдняго человѣка, такъ какъ вырубили Янычаровъ, какъ вырубили Стрѣльцовъ—и затѣмъ набрать новое войско; иначе придется расплатиться за все это не сегодня такъ завтра, такъ какъ расплатилась Римская имперія, или какъ неоднократно и еще въ 1870 году расплатились французы. Вообще строгость никогда никому не вредила и не мѣшала, почему не даромъ существуетъ пословица: «гдѣ строгость, тамъ и милость», и уже лучше строгость, чѣмъ полное равнодушіе. Но кромѣ этого на караульную службу принято смотрѣть, какъ на нѣчто намъ совсѣмъ постороннее, нужное однимъ только Гражданскимъ властямъ, какъ на нѣчто такое, что мы дѣлаемъ какъ бы изъ одолженія, что мѣшаетъ *собственно нашимъ* занятіямъ и какъ бы подтвержденіемъ чему служитъ особая за содержаніе карауловъ плата, получаемая войсками непосредственно отъ Гражданскихъ властей. Доказывать, что от-

правленіе караульной службы не есть повинность войскъ, или повинность городовъ, а есть общегосударственная потребность, которую удобнѣе всего возложить на войска—дѣло на столько ясное, что и говорить объ немъ не стоитъ. Не караульная служба отвлекаетъ насъ отъ дѣла, а разныя ненужности, которыми переполнены всѣ Уставы, да наша лѣнь; сама по себѣ караульная служба не утомительна, а если иной разъ и пришлось бы трудно, то бѣда не велика, потому-что караульная служба въ городахъ, т. е. въ мирное время, есть подготовка къ сторожевой службѣ въ полѣ, и войска, привыкшія относиться съ безпощадной строгостью къ первой, будутъ готовы уже для второй и будутъ относиться къ ней также строго.

е) Въ § 398-мъ въ числѣ лицъ, приказанія коихъ Дежурный по карауламъ обязанъ исполнить, какъ лицъ, передающихъ ему приказанія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, поименованъ также и Военный Министръ. Какъ понимать это? т. е. что Военный Министръ есть также лицо, которому подчинены караулы, то въ этомъ случаѣ его не слѣдовало пропускать въ § 17-мъ, или же ему предоставляется только наравнѣ съ другими поименованными въ § 398-мъ лицами передавать караулу приказанія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА? Но развѣ для этой цѣли однихъ генералъ-адъютантовъ, генераловъ свиты и флигель-адъютантовъ не достаточно? Но кромѣ того, всѣхъ ли безъ исключенія этихъ чиновъ долженъ слушаться караулъ или только тѣхъ изъ нихъ, которые состоятъ въ тотъ день дежурными при особѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА? Если дежурныхъ только, что было бы несравненно цѣлесообразнѣе, то становится необходимымъ сообщать Дежурному по караулу, вмѣстѣ съ паролемъ, фамиліи назначенныхъ въ тотъ день на дежурство: генералъ-адъютанта, генерала свиты и флигель-адъютанта. Вообще параграфы 398 и 399 суть повтореніе нѣсколько разъ уже сказаннаго, почему они должны быть зачеркнуты, а § 17, въ статьѣ о *подчиненности* карауловъ, долженъ заключать все необходимое, въ самыхъ короткихъ и понятныхъ приказаніяхъ.

А къ чему тутъ плацъ-маіоры? Развѣ всѣ эти ордонансъ-гаузы, плацъ-адъютанты, коменданты и плацъ-парады не уничтожены еще со введеніемъ воинскихъ начальниковъ? Неужели штабы округа или корпуса, составляющіе въ нѣсколько часовъ диспозицію боя на завтрашній день для войскъ цѣлой арміи, не смогутъ сдѣлать наряда войскъ въ караулъ? Вѣдь для этого была, если и теперь еще не существуетъ, въ Штабѣ должность *дежурнаго штабъ-офицера*. Но и штабныхъ лицъ слѣдовало бы освободить отъ этого занятія какъ въ мирное, такъ въ особенности въ военное время, тѣмъ болѣе, что для этого есть лицо, которому ближе всѣхъ слѣдуетъ заняться этимъ дѣломъ, а именно: Начальнику Гвардейской жандармской команды; онъ весь годъ сидитъ и ничего не дѣлаетъ,

а въ военное время исполняетъ должность Корпуснаго или Отряднаго коменданта, т. е. на немъ лежитъ исполненіе военно-полицейскихъ обязанностей, такъ предоставьте ему возможность напрактиковаться и приготовиться въ мирное время. Сохраненіе внутренняго порядка въ арміи въ военное время и благоустройство по этой части далеко не столь пустячная вещь, какъ нѣкоторые полагаютъ. Безпорядки и даже безобразія, происходившія во время послѣдней кампаніи, наглядно подтвердили, что значитъ отсутствіе благоустройства по этой части, происходившее главнымъ образомъ отъ неимѣнія какой бы то ни было организаціи этого дѣла и отъ полной неподготовленности лицъ, понасаженныхъ комендантами, на скорую руку. Въ маленькихъ городахъ можно возложить обязанность эту на канцелярію старшаго военнаго лица до полковаго и баталіоннаго командировъ включительно, а гдѣ таковыхъ нѣтъ—на воинскаго начальника, такъ-что какъ ни верти, а всѣ эти «плацъ-маіоры» ни для чего и ни для кого, какъ кромѣ для самихъ себя, не нужны. Возьмемъ для примѣра хотя бы Петербургъ. Для наблюденія за общимъ порядкомъ есть полиція; для наблюденія за порядкомъ въ войскахъ есть гвардейскіе жандармы со своимъ комендантомъ; въ крѣпости есть свой комендантъ; для пересылки переходящихъ командъ есть воинскій начальникъ; для содержанія подъ арестомъ провинившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ есть много гауптвахтъ; для чего же и для кого, какъ не для самихъ себя, существуютъ еще «плацы» и «гаузы»? да не одинъ, а *первый*, *второй* и кажется *третій*; чтобы ужъ въ каждую комнату не понасажать по одному, благо комнатъ въ гаузѣ много. А между тѣмъ на содержаніе такихъ учрежденій и несмѣтному количеству служащихъ тамъ, и имъ подобныхъ совсѣмъ не военныхъ лицъ, идутъ громадныя деньги, которыя были бы употреблены на строевыхъ офицеровъ,—и очень много деньщиковъ, что тоже составляетъ разсчетъ не пустячный. Всѣхъ деньщиковъ въ арміи наберется тысячъ 20, а такъ какъ добрая половина офицеровъ состоитъ, вотъ изъ такихъ, ничего общаго съ фронтомъ не имѣющихъ, то на долю ихъ приходится 10 тысячъ деньщиковъ—цѣлая дивизія. Напрасно нѣкоторые полагаютъ, что всѣ старинные уставы и постановленія совсѣмъ-таки ужъ глупы; вглядѣвшись въ нихъ какъ слѣдуетъ, окажется, что въ глупости ихъ виноваты мы, потому-что, искажая постепенно все, что было въ нихъ разумнаго, мы же сдѣлали изъ нихъ архиглупость и не смотря на это все-таки никакъ не хотимъ разстаться съ этой глупостью, нянчимся съ нею и не выкидываемъ ее вонъ, не смотря на всю ея негодность. Возьмемъ напр. обмундировку: прежде *офицерскіе шарфы* дѣлались изъ холста, кисти ихъ изъ корпіи, и это служило для первоначальной перевязки ранъ; теперешніе коротенькіе шарфы-пояса дѣлаются изъ мишуры и, утративъ всякій смыслъ, стали ненужнымъ украшеніемъ; а между тѣмъ Суворовъ при переходѣ черезъ Альпы свя-

залъ *Чортовъ мостъ* длинными офицерскими шарфами и, благодаря только имъ, могъ перебраться черезъ него.

Гусарскіе кушаки прежде могли быть распущены въ случаѣ надобности въ арканы, кромѣ того на нихъ носился пистолетъ, а для того, чтобы онъ не потерялся на скаку, или послѣ выстрѣла, онъ прикрѣплялся особымъ вплетеннымъ въ поясъ шнуромъ, перекидывавшимся спереди назадъ; а теперь, не смотря на существованіе того же самаго кушака (сдѣланнаго впрочемъ такъ, что распустить его уже нельзя) и не смотря на поясъ сабельной портупеи, обхватывающій талію, на Гусара надѣли третій поясъ, собственно для носки пистолета, и привязали пистолетъ этотъ къ шеѣ цѣлымъ канатомъ, такъ-что Гусаръ спутанъ, не хуже своей лошади, разными подпругами и веревками. Замѣчательно еще то, что шарфы и кушаки не надѣваются иначе, какъ на мундиръ, по той причинѣ, что прежде войска и особенно офицеры были постоянно въ мундирахъ (если нужно было, то съ мѣховыми и проч. теплыми подкладками) и имѣли для непогоды плащи безъ рукавовъ и талій, вотъ вродѣ шинелей; а пальто (теперешнія) пошли только съ 54-го года, вотъ и сконфузились; старые Уставы ничего не подсказываютъ по этому пункту, такъ какъ въ ономъ не нуждались, а мы то не сообразили, какъ быть, и давай навѣшивать по особому поясу на каждый отдѣльный случай. *Лядунки* назначались въ прежнее время для пистолетныхъ патроновъ и носились на черезвычайно широкомъ въ ладонь шириною галунѣ, на томъ основаніи, что всѣ ремни тогдашней солдатской аммуниціи были той же ширины, и разумѣется, что тогда и въ голову не пришло бы никому надѣть лядунку безъ пистолета; теперь же, по введеніи револьверовъ и металлическихъ патроновъ, незачѣмъ возить съ собою такую кучу патроновъ, и лядунки надѣваются въ парадной формѣ *безъ пистолетовъ*, какъ цаца съ широкимъ галуномъ, который удержался какъ-то, не смотря на заведеніе гораздо болѣе узкихъ галуновъ для всей прочей аммуниціи. Теперешнія безполезныя лядунки можно бы передѣлать на весьма полезную для кавалерійскаго офицера аммуницію; оставивъ небольшое отдѣленіе для патроновъ, сдѣлать мѣсто для бинокля и узкое помѣщеніе для боевой книжки и планшетки для съемокъ, а вмѣсто теперешнихъ болтающихся на цѣпочкахъ двухъ шпилекъ (для прочистки затравокъ прежнихъ пистолетовъ) повѣсить раздвижной карандашикъ и циркулекъ. *Эполеты* предназначались для защиты плечъ отъ сабельныхъ ударовъ (носились только кавалеристами), дѣлались изъ прочныхъ металлическихъ пластинокъ на шарнирахъ (въ видѣ чешуи, дозволявшей свободное поднятіе руки и плеча), на кругѣ эполетъ висѣло безчисленное множество металлическихъ цѣпочекъ, опускавшихся вершка на три по рукѣ и защищавшихъ плечевой суставъ. Теперешніе эполеты сдѣланы изъ самой тонкой мѣдной пластинки и хотя чешуйки обозначены полосками, есть также и висюльки изъ канители, но весь эполетъ имѣетъ

неподвижность доски и ужасно стѣсняетъ движеніе плеча, почему эполеты слѣдуетъ или совсѣмъ отмѣнить, или дѣлать какъ прежде и надѣвать всякій разъ при выѣздѣ въ строй, а не на одни только парады. Тоже самое произошло съ кирасирской каской, пѣхотными *знаками* и т. д. Точно такъ и всѣ «плацы» имѣли когда-то свое спеціальное назначеніе (по всей вѣроятности временное) въ крѣпостяхъ, называвшихся за одно *фортеціями;* начальники этихъ фортецій, имѣя всякаго рода помощниковъ, назвали офицеровъ, занимавшихъ должности по фортеціи, въ отличіе отъ строевыхъ: Плацъ-Маіорами, Плацъ-Адъютантами, флагштоками, курцъ-галопами, и т. д., но все-таки Плацы нужны были только въ крѣпостяхъ и вовсе не нужны въ теперешней караульной службѣ, и обязанности развозителей приказаній лежали когда-то на конныхъ ординарцахъ, которые и по сей день фигурируютъ на разводахъ, но только такъ—для парада.

ж) Всѣ разнообразныя приказанія, исходящія отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА разбросаны теперь по всему Уставу, что весьма не удобно, а потому нелучше ли было бы помѣстить ихъ въ *первомъ* пунктѣ статьи о *подчиненности* карауловъ, въ слѣдующемъ напр. видѣ: караульныя войска непосредственно подчиняются: 1) ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, почему всѣ чины караула обязаны безпрекословно и немедленно исполнить всякое ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА приказаніе, переданное лично, и всякія ЕГО распоряженія, переданныя черезъ такихъ-то лицъ (перечень); 2) Командующему войсками Округа и исполняютъ приказанія его какъ личныя, такъ и переданныя черезъ такихъ-то лицъ (перечень), и 3) Дежурному по карауламъ и исполняютъ приказанія его какъ личныя, такъ и переданныя Рундомъ. Во первыхъ войскамъ было бы черезвычайно лестно и они считали бы за величайшую честь состоять подъ непосредственнымъ самого ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА начальствомъ, хотя бы въ продолженіе однихъ сутокъ, а во вторыхъ—чѣмъ меньше распоряжающихся лицъ, тѣмъ лучше, и никому изъ прочихъ крупныхъ начальниковъ не придетъ въ голову обидѣться тѣмъ, что они лишены власти надъ горстью войскъ на одни сутки, за что впрочемъ они отстраняются отъ лишнихъ заботъ и отвѣтственности.

з) *Обязанности Часоваго.* Обязанностей этихъ повыючили ему такое безчисленное множество, что не только исполнить, но и запомнить ихъ можетъ лишь человѣкъ, обладающій необыкновенной памятью, и затѣмъ серьезныя и коренныя обязанности на столько перемѣшаны со всякаго рода пустяковиной и все это такъ разбросано по всему Уставу, что солдатъ, гоняясь за всѣмъ, упускаетъ главное. 1) § 235-й гласитъ, что Часовой ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права оставить своего поста: а) не получивъ *личнаго* на то ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА приказанія или разрѣшенія Караульнаго офицера, Старшаго унтеръ-офицера и Разводящаго, поставившаго его на часы, и б) *не дождавшись своей* смѣны, хотя бы это было сопряжено съ явной опасностью не только для здоровья, но и для

самой его жизни. Ай, какъ страшно! Между тѣмъ въ § 389-мъ, но только въ статьѣ объ обязанностяхъ *Патрулей*, сказано, что Часовой можетъ быть смѣненъ вовсе не одними только сказанными лицами, а какимъ-то еще вновь выдуманнымъ *Запаснымъ*, также прежнимъ *Патрульнымъ*, и вовсе не дождавшись *своей* смѣны, по случаю, не только-что угрожающему его жизни, а по самому обыкновенному случаю, когда всякій имѣетъ надобность сбѣгать на нѣсколько минутъ въ кусты; при чемъ и тутъ не безъ комедіи, а именно: Патрульный начальникъ, наткнувшись на больнаго, быть можетъ умирающаго Часоваго, смѣняетъ его, ставитъ на мѣсто его одного изъ своихъ патрульныхъ, но не ведетъ заболѣвшаго поскорѣй въ караулку, а бросаетъ его тутъ же, въ грязи, на холодѣ, самъ торчитъ около него, посылаетъ другаго патрульнаго дать знать въ караулку, ждетъ, пока тотъ дойдетъ туда, доложитъ, вернется въ сопровожденіи какихъ-то двухъ или трехъ такихъ же какъ онъ дураковъ и уже тогда только они плетутся всей компаніей въ караулку. Въ прежнемъ Уставѣ казусъ этотъ съ *Часовымъ*, проставленный тоже въ статьѣ о *патруляхъ*, былъ написанъ какъ особое примѣчаніе, крошечными буквами, должно быть для того, чтобы оно не слишкомъ бросалось въ глаза и чтобы Часовые не слишкомъ пользовались имъ (и дѣйствительно рѣдко кто зналъ о его существованіи), но за то Патрульный начальникъ долженъ былъ продѣлывать всю эту смѣну безо всякихъ затѣй; а вотъ Уставъ 1881 года, спасибо ему, разъяснилъ и поправилъ—изъ кулька въ рогожку! Благодаря этому 235-му параграфу я выигралъ нѣсколько крупныхъ пари, будучи еще въ младшихъ чинахъ, и одинъ разъ такъ спасъ даже отъ полковаго суда смѣненнаго часоваго и распорядившагося Патрульнаго, которые хотя вздумали было оправдываться вначалѣ, но до того опѣшили при всеобщихъ на нихъ нападкахъ, что подумали и вправду, что § о патруляхъ написанъ зря, что они его не такъ поняли, и что они кругомъ виноваты. Послѣ этого случая я принялъ за правило раздавать состоящимъ подъ моей командой людямъ, составляемыя мною литографированныя записки, въ которыхъ всѣ обязанности и права часовыхъ были ясно и послѣдовательно изложены.

2) Списокъ лицъ, которымъ часовой обязанъ вызванивать караулъ, непомѣрно великъ, изученіе его поглощаетъ очень много времени, все вниманіе солдатъ и ставитъ ихъ иногда въ самое глупое положеніе. Разъ какъ-то, и не особенно давно, присутствуя на вечернихъ занятіяхъ одной команды, слышу, какъ какой-то солдатъ, въ углу на задней скамейкѣ, долбитъ во всю мочь списокъ этихъ лицъ; при чемъ Сенаторы, Генералъ-инспекторы, Члены Государственнаго Совѣта перевираются имъ самымъ немилосерднѣйшимъ образомъ; но все было еще туда-сюда, пока онъ не натыкался на Командира Порта. Этотъ командиръ особенно безпокоилъ и окончательно ставилъ его въ тупикъ, потому что, останавливаясь на немъ, солдатъ начиналъ всякій разъ складывать его по складамъ, завы-

вая на разные голоса, водилъ по немъ пальцемъ, кряхтѣлъ, пыхтѣлъ и наконецъ спросилъ подошедшаго къ нему унтеръ-офицера, дѣтину бывалаго и прослужившаго чуть ли не 18 лѣтъ:

«Естафій Микитичъ, а Естафій Микитичъ! какой это такой командеръ не то порты, не то пошты, прахъ его задави совсѣмъ»!

«Эхъ ты, пошты! Портовые начальники! нешто не знаешь?

«Не знаю, Естафій Микитичъ»!

«Да ты на Крещенье во внутреннемъ караулѣ, во Дворцѣ, бывалъ, али нѣтъ»?

«Прошлой зимою былъ, а что»?

«Ну! видалъ тамъ по залахъ наши инаралы ходятъ, а промежь ихъ другіе вельможи въ бѣлыхъ порткахъ съ золотымъ позументомъ; вотъ они самые и есть! понялъ»?

«Понять-то понялъ, да только лѣшій его разберетъ, какъ его пронесетъ въ коляскѣ, въ какихъ онъ тамъ порткахъ сидитъ, въ бѣлыхъ, али въ какихъ другихъ—вѣдь какъ ѣсть пробрѣешь»!

«Ну, на то служба—не зѣвай»!

«Ну а вы, Естафій Микитичъ никогда не пробрѣвали, когда прежде на часахъ доводилось стоять»?

«Кто, я-то? да что съ тобой, съ дурнемъ толковать, пошелъ бобы разводить! лампу поправь! ишь, стекло лопнетъ,—да читай книгу, а то на уборку скоро»!

Солдатъ бросился поправлять лампу, а Евстафій Никитичъ съ достоинствомъ ретировался къ другому столу.

Надо полагать, что караульная служба ничего не потеряла бы, если бы караулы должны были выбѣгать кромѣ *трехъ* лицъ, у которыхъ состоятъ въ подчиненіи (изъ коихъ Дежурному по карауламъ и уже за одно Рунду только тогда, когда они сами потребуютъ), еще всѣмъ особамъ Императорскаго Дома и Военному Министру, при чемъ все-таки право входа въ караульный домъ и провѣрки должно принадлежать только лицамъ, коимъ подчинены караулы; а *полковые* караулы кромѣ того должны выбѣгать своимъ: корпусному командиру, начальнику дивизіи и бригадному командиру, при чемъ право входить въ караульный домъ и дѣлать провѣрку должно принадлежать: а) первымъ тремъ лицамъ только тогда, когда они пріѣхали производить инспекторскіе смотры, и б) командиру полка во всякое время.

3) *Разводъ съ церемоніей* нѣсколько упрощенъ тѣмъ, что дающая разводъ часть не строится больше по *валовому* разсчету, такъ что изученіемъ одного построенія меньше; порядокъ словесной передачи пароля отмѣненъ и уже если существуетъ разводъ съ церемоніей, который весь самъ по себѣ есть не болѣе какъ маленькій парадъ, дѣлаемый съ тою цѣлью, чтобы ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ имѣлъ случай взглянуть на тѣхъ

лицъ, которыя будутъ охранять ЕГО въ теченіе этихъ сутокъ, то жаль, что уничтожили обрядъ словесной передачи пароля, обрядъ вполнѣ умѣстный, такъ какъ онъ возвышаетъ значеніе пароля. Прежде передача эта происходила тотчасъ по вступленіи новаго караула на платформу, что, сказать по правдѣ, было не совсѣмъ удобно; было бы гораздо лучше дѣлать ее во время развода, тотчасъ послѣ представленія адъютантовъ. Далѣе, вѣстовымъ и посыльнымъ отъ *Войскъ* полагается подходить къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ лишь въ томъ случаѣ, если на разводѣ не присутствуютъ военно-учебныя заведенія. Но когда бываютъ такіе случаи? Что ни разводъ, то и присутствуютъ! Положимъ, что какъ однимъ, такъ и другимъ одинаково лестно это представленіе, но уже если оказывать кому нибудь предпочтеніе, то разумѣется что нижнимъ чинамъ; а чтобы не обидѣть ни тѣхъ, ни другихъ, то было бы гораздо лучше, чтобы подходили и тѣ и другіе—какіе нибудь 6—7 человѣкъ большой разницы во времени не составятъ.

4) Кромѣ всего перечисленнаго, въ Гарнизонномъ уставѣ есть еще много недоразумѣній и несостоятельностей, дающихъ поводъ какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ, относиться къ нему спустя рукава, что и служитъ отчасти причиной начавшихъ повторяться столь часто въ послѣднее время случаевъ крупнаго нарушенія этого Устава. Вообще слѣдовало бы упростить до предѣловъ возможнаго всѣ караульные Уставы разныхъ наименованій и объединить ихъ однимъ общимъ именемъ, съ подраздѣленіемъ на отдѣлы и съ *непремѣннымъ* сохраненіемъ однихъ и тѣхъ же названій для того, чтобы безпрестанно напоминать войскамъ, да помнить и самимъ начальникамъ, что все то, что дѣлается въ городѣ, въ казармахъ, есть подготовка только того, что будетъ дѣлаться въ полѣ, въ палаткахъ или на бивакѣ, т. е. гарнизонная служба, аванпостная, даже развѣдывательная пожалуй, есть служба, посредствомъ которой надо всюду и вездѣ охранять порядокъ. Въ городѣ главный узелъ отправленія караульной службы есть гауптвахта, а въ полѣ—главный караулъ, вотъ и назовемъ ихъ однимъ именемъ *застава*; а то, что называется теперь въ полѣ заставой, можно назвать хотя бы *рогаткой*; *посты* есть и здѣсь, и тамъ; цѣпь есть въ полѣ и цѣпь есть въ городѣ: при пожарахъ, при повальныхъ обыскахъ, при арестованіяхъ. Патрули есть и здѣсь и тамъ, и цѣль у нихъ одна; только для того, чтобы отличить пѣшій отъ коннаго, послѣдній пусть будетъ какъ и теперь *разъѣздомъ*, а первый *обходомъ* и т. д. На этомъ основаніи весь *Уставъ о строевой службѣ конницы* слѣдовало бы раздѣлить такъ:

Первая часть должна состоять какъ и теперь изъ *одиночнаго* обученія со включеніемъ новыхъ ружейныхъ пріемовъ, правилъ сборки и разборки ружья, теоріи стрѣльбы, правилъ для точенія холоднаго оружія, правилъ ухода за лошадью съ главными болѣзнями, ковки и расчистки

копыта, правилъ сѣдловки и подробнаго описанія всѣхъ частей сѣдла; все это съ крупными и понятными рисунками и съ исключеніемъ правилъ о *припряжкѣ строевыхъ лошадей въ орудія*.

Вторая часть—эскадронное ученье со включеніемъ: 1) статьи о припряжкѣ лошадей въ орудія, 2) статьи о посадкѣ эскадрона въ вагоны и 3) всего, что касается пѣшихъ эволюцій одного спѣшеннаго эскадрона.

Солдата, обученнаго всему этому, т. е. какъ бить непріятеля, можно уже начать обучать какъ защищаться отъ самаго непріятеля и надежнаго союзника его *безпорядка*, а потому должна слѣдовать за симъ:

Третья часть или караульная служба. *Отдѣлъ І-й*—охраненіе *домашняго* порядка, т. е. наряды всевозможныхъ дежурныхъ и дневальныхъ въ казармахъ, въ палаткахъ, на бивакѣ и на ходу, съ объяснительными чертежами разбивки лагеря, бивака и марша полка (теперешній Полевой Уставъ, стр. 37—55). *Отдѣлъ II-й*—охраненіе *мѣстнаго* порядка, т. е. наряды карауловъ въ городахъ (теперешній Гарнизонный Уставъ) и наряды карауловъ въ палаткахъ, на бивакѣ и на ходу (теперешній полевой, задній караулы, малый авангардъ, арьергардъ и дозорные). *Отдѣлъ III*, т. е. охраненіе *отъ внезапнаго нападенія непріятеля* отряда, находящагося въ городѣ, въ лагерѣ, на бивакѣ или на маршѣ (теперешній Полевой Уставъ, стр. 9—16 и 57—135), а все извѣстное изъ статьи о *Дозорныхъ* и т. п. эскадроннаго ученья слѣдуетъ выкинуть. Солдатъ, обученныхъ всему этому, можно соединять уже въ большія массы и вести куда угодно, а потому должна слѣдовать:

Четвертая часть, т. е. теперешнее полковое ученье, со включеніемъ всѣхъ пѣшихъ эволюцій спѣшеннаго полка, кромѣ статьи *дѣйствіе спѣшенныхъ частей съ артиллеріей*. Экъ, куда хватили! а еще говорятъ, что конница должна спѣшиваться въ *экстренныхъ* случаяхъ *до прибытія* пѣхоты. Какое тутъ «экстренныхъ», когда сочинили полный пѣхотный Уставъ со всѣми его требованіями и тонкостями, да еще съ артиллеріей! Кто многаго хочетъ, тотъ всегда только *вершки* получаетъ.

Пятая часть, т. е. совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ полковъ конницы съ артиллеріей; вотъ тутъ пожалуй можно указать какъ дѣйствовать съ артиллеріей спѣшеннымъ эскадронамъ, да и то лишнее, новаго ничего не скажутъ, а какое нибудь хитрое построеніе навяжутъ; если знаемъ, какъ поступить съ артиллеріей въ то время, когда сидимъ на коняхъ, то вѣрно хватитъ соображенія, какъ обойтись съ нею, когда мы спѣшившись. Сюда же включить статьи объ обозахъ, о походныхъ колоннахъ и способѣ уменьшенія глубины оныхъ, о ночныхъ движеніяхъ и объ обязанностяхъ начальниковъ различныхъ частей во время движенія и приложенія (Полевой Уставъ, стр. 1—9, 16—36 и 135—151). Не подлежитъ сомнѣнію, что конницѣ предстоитъ дѣйствіе въ большихъ массахъ, но не въ смыслѣ единовременнаго нападенія развернутымъ

строемъ цѣлой бригады или дивизіи, а въ смыслѣ наводненія собою извѣстной мѣстности и единовременнаго дѣйствія въ разбродъ, т. е. много, много если двумя полками въ одномъ пунктѣ, разумѣется при возможной связи и взаимной поддержкѣ, а потому многія находящіяся теперь въ 4-й части эффектныя, на широкую руку, картинки могутъ быть смѣло выкинуты.

Всѣ перечисленныя свѣдѣнія до такой степени разбросаны въ настоящее время въ различныхъ уставахъ, добавленіяхъ, прибавленіяхъ, Положеніяхъ, указахъ, циркулярахъ и приказахъ, что трудно даже сообразиться и доискаться этихъ приказовъ, почему разныя необходимыя свѣдѣнія оставляются большинствомъ изъ насъ въ полной тѣни.

XII. Дивизіоны и Бригады.

Званіе командировъ дивизіоновъ уничтожено Уставами 1881 года и замѣнено званіемъ помощниковъ командира полка, которыхъ положено имѣть по прежнему двоихъ, а названіе дивизіоновъ, какъ тактической единицы, продолжаетъ пребывать, и пребывать въ самомъ неопредѣленномъ состояніи, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ въ полкахъ введенъ шестиэскадронный составъ слѣдуетъ ли считать дивизіонъ имѣющимъ три эскадрона? и тогда почему это не утверждено? или дивизіонъ состоитъ по прежнему изъ двухъ эскадроновъ, и тогда почему не даютъ третьяго помощника, или не указываютъ, кто долженъ командовать третьимъ дивизіономъ? Такъ какъ конный дивизіонъ соотвѣтствуетъ батальону пѣхоты, хотя вовсе не имѣетъ того самостоятельнаго значенія и даже болѣе того—онъ совершенно не нуженъ какъ тактическая единица, но сохранить эту единицу все-таки необходимо для поддержанія значенія Подполковника конницы, какъ чина, окончившаго командованіе эскадрономъ (т. е. быть Ротмистромъ) и готовящагося командовать полкомъ (т. е. быть Полковникомъ); а потому слѣдовало бы установить, чтобы три эскадрона составляли дивизіонъ, для командованія коими имѣть двухъ Подполковниковъ, что вполнѣ достаточно какъ для поддержанія значенія чина, такъ и для соотвѣтствующаго численному между собою соотношенію конныхъ подполковниковъ съ пѣхотными. Въ пѣхотѣ количество полковъ больше, значитъ и кандидатовъ на командованіе оными должно быть больше; въ конницѣ полковъ меньше, значитъ и кандидатовъ требуется меньше. Поступить иначе—значитъ расплождать большое количество крупныхъ чиновъ, съ которыми приходится няньчиться впослѣдствіи.

Бригада, какъ административная и какъ тактическая единица, не имѣетъ ровно никакого значенія; во время ученій дивизіи перестроенія

такъ называемыя *ящиками* обходятся безъ слова бригада, а исполняются по № одного изъ четырехъ полковъ, что можетъ быть еще упрощено, если каждому построенію будетъ присвоено свое самостоятельное названіе, напр. *фронтъ дивизіи* долженъ обозначать то, когда полковыя колонны расположены линіей на одной высотѣ, а отсюда команда: «*дивизія строй фронтъ!*» или сигналъ № 25—будутъ вполнѣ понятны. Команда «*дивизія въ полковую колонну стройся!*» будетъ обозначать, что полковыя колонны должны построиться наикратчайшимъ способомъ *въ затылокъ другъ другу*. Команда: «*дивизія въ двѣ линіи стройся!*» должна обозначать построеніе, изображенное на рисункѣ 3-мъ (часть 4-я), а команда «*дивизія въ боевой порядокъ стройся!*» обозначитъ то, что полки и батареи должны построиться такъ, какъ предписываетъ 5-я глава (части 4-й). Во время всѣхъ этихъ перестроеній бригаднымъ командирамъ слова пикнуть не приходится (и не слыхать, да и такъ обходимся), а по перестроеніи въ боевой порядокъ *линіями* можетъ командовать кто нибудь изъ полковыхъ командировъ, какъ это и случается почти всегда. Слѣдовательно ни бригады, ни бригадные командиры не нужны совершенно, а оставлять ихъ съ той же цѣлью, какъ дивизіонеровъ, мало того что излишне, но положительно вредно, потому-что это порождаетъ слишкомъ много крупныхъ чиновъ и вовсе не соотвѣтствуетъ требованіямъ дѣйствительности. Практика указываетъ, что намъ необходимы слѣдующіе чины: оберъ-офицерскихъ—три, штабъ-офицерскихъ—два, и уже въ силу этого разумѣется генеральскій чинъ долженъ быть одинъ, какъ чинъ, который согласно своему названію долженъ умѣть управиться съ большимъ количествомъ войскъ *разнаго рода оружія* и, слѣдовательно, имѣющій возможность появиться отнюдь не раньше и не ниже какъ въ званіи начальника дивизіи,—чинъ, который можетъ быть назначаемъ на высшія впослѣдствіи должности уже по старшинству, опытности и способностямъ, при чемъ онъ все-таки останется генераломъ. Тогда генераловъ будетъ меньше, значеніе ихъ поднимется, и случаи, подобные бывшимъ въ послѣднюю кампанію не станутъ повторяться: кто большею частью командовалъ отдѣльными, даже малыми отрядами? Съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи незнакомые до тѣхъ поръ войскамъ разные чины, какая-то особая порода, *бѣлая кость*, воспитываемая и хранимая въ какихъ-то тайникахъ, въ секретѣ отъ войскъ, которая прилетѣла, накомандовала и опять отлетѣла въ свои Палестины забугорныя, а свои командиры и начальники дивизій сидѣли въ обозѣ и командовали трубачами и десяткомъ вѣстовыхъ, потому-что полки ихъ и дивизіи были нарочно раскомандированы по частямъ. А почему такъ дѣлалось? Отчасти потому, что надо же было дать какое нибудь занятіе всей этой массѣ наплодившихся крупныхъ чиновъ, а отчасти потому, что другому начальнику дивизіи дѣйствительно нельзя было поручить отряда, такъ какъ онъ кромѣ сигналовъ

и манежной ѣзды ничего другаго не зналъ, а между тѣмъ благополучно докатился съ этими познаніями до званія начальника дивизіи. Этому расположенію крупныхъ чиновъ сильно содѣйствуетъ еще всячески поощряемая въ послѣдніе годы *погоня и скачка за чинами* слѣдующимъ способомъ:

1) Неравномѣрнымъ старшинствомъ въ чинахъ различныхъ частей войскъ.

2) Производствомъ въ чины (по чиновничьи) по истеченіи извѣстнаго срока, не смотря на то, есть ли вакансіи въ этомъ родѣ войскъ или нѣтъ.

3) Производствомъ не въ зачетъ то, что называется *на одну вакансію* разныхъ находящихся въ полку должностныхъ, и въ постоянныхъ командировкахъ, лицъ, и

4) Несоотвѣтствующимъ распредѣленіемъ и особенно несоотвѣтствующимъ *названіемъ* чиновъ всѣхъ родовъ оружія.

1) *О неравномѣрномъ старшинствѣ въ чинахъ.* Всякій разъ, когда поднимаютъ рѣчь объ уравненіи гвардіи и проч. войскъ съ арміей, выставляютъ слѣдующія препятствія: а) въ Гвардіи служатъ богатые люди, которые должны тратиться на представительность и которые должны быть вознаграждаемы за это привилегіями, т. е. старшинствомъ въ чинѣ. Извините-съ! Если во всей Гвардіи наберется человѣкъ *сто* богатыхъ, то дай Богъ; остальные же всѣ—народъ нуждающійся службой и служащій для достиженія другихъ цѣлей; богатые офицеры ни въ какихъ привилегіяхъ не нуждаются, служатъ для того, чтобы дѣлать что нибудь, а поступаютъ въ Гвардію потому, что она расположена въ Петербургѣ. Попробуйте вывести хотя бы Кавалергардскій полкъ куда нибудь въ Хоролъ или Чиръ-Юртъ и расположить на его мѣстѣ какую нибудь Бригаду пограничной стражи, то будьте увѣрены, что въ самомъ скоромъ времени всѣ офицеры этого полка, не смотря на свои красивые мундиры и на привилегіи, очутятся въ другихъ полкахъ Петербурга и можетъ быть даже въ Бригадѣ, а прежній составъ офицеровъ бригады будетъ совсѣмъ вытѣсненъ изъ Петербурга.

б) Въ Гвардіи, Генеральномъ Штабѣ, Артиллеріи, Инженерныхъ войскахъ и проч. служатъ кончившіе курсъ наукъ лучше, получившіе на выпускномъ экзаменѣ большее число балловъ, т. е. болѣе способные и болѣе потрудившіеся люди, которые по этому должны или имѣютъ право на привилегіи.

Во первыхъ—вызубрить экзаменъ съ тѣмъ, чтобы перезабыть весь этотъ зубрежъ черезъ мѣсяцъ—не штука; а во вторыхъ—оттягиваніе дѣйствительно способныхъ лицъ и сосредоточеніе ихъ въ одну только Гвардію есть еще горшая относительно арміи несправедливость, чѣмъ самыя эти привилегіи. Гвардію, какъ отборное войско, берегутъ всегда и

пока ей придется вступить въ дѣло, Армія будетъ драться уже давно и способные люди понадобятся ей раньше, а потому слѣдуетъ напротивъ преграждать всячески приливъ въ Гвардію способныхъ офицеровъ и стараться о возможно равномѣрномъ распредѣленіи ихъ во всѣ войска.

Другая категорія способныхъ лицъ поглощается Генеральнымъ Штабомъ и окончательно пропадаетъ для войскъ, потому-что вмѣсто того, чтобы по окончаніи Академическаго курса офицеры эти возвращались въ свои полки для исполненія строевой службы (только не балаганнымъ образомъ 3—4 мѣсяца, годъ, два), однимъ словомъ жили бы вполнѣ полковою жизнью, вносили бы въ полкъ свои познанія, за что вознаграждались бы полками сторицей, пріобрѣтая опытность, которой никакая канцелярія не дастъ,—изъ этихъ офицеровъ составили какой-то особый корпусъ, дали имъ особую форму, и такъ какъ ихъ набралось слишкомъ много, то въ ожиданіи отъ нихъ чего нибудь великаго, ихъ стали пичкать во всѣ штабы, чуть-что не на должности писарей, должности, которыя съ успѣхомъ можетъ исполнять всякій выслужившійся изъ писарей смѣтливый, наметанный и трудолюбивый Чиновникъ, но для исполненія которыхъ вовсе не нужно Академическое образованіе и на каковыхъ должностяхъ офицеры эти окончательно отвыкаютъ отъ строя. Изъ ихъ среды выходятъ иногда дѣльные и способные строевые начальники (преимущественно изъ тѣхъ, которые поспѣшили вернуться во фронтъ), изъ прочихъ выходятъ тоже иногда хорошіе начальники, но во всякомъ случаѣ начальники односторонніе, т. е. не въ томъ смыслѣ, что знаютъ только пѣхотное дѣло, а кавалерійское нѣтъ, или на оборотъ—нѣтъ, они слишкомъ рано уходятъ изъ полковъ, чтобы успѣть усвоить особенности того или другаго строя, а потому они не знаютъ твердо ни того, ни другаго; а въ томъ смыслѣ, что они могутъ распорядиться съ готовенькимъ уже матеріаломъ, но не имѣютъ основательныхъ свѣдѣній о томъ, какъ приготовить этотъ матеріалъ, и что служитъ поводомъ къ серьезнымъ неудобствамъ впослѣдствіи.

Третья категорія способныхъ лицъ поступаетъ и переходитъ въ артиллерію и инженерныя войска, но эта категорія не имѣетъ уже положительно никакого права на какія бы то ни было привилегіи, потому, во первыхъ, что вся служба въ этихъ войскахъ обставлена гораздо большими удобствами, чѣмъ гдѣ бы то ни было, а, во вторыхъ, офицеры этихъ войскъ, которымъ по чему-бы то ни было не понравится оставаться во фронтѣ, всегда имѣютъ возможность перейти туда, «гдѣ раки зимуютъ», т. е. саперы въ инженеры, а артиллеристы—въ разныя лабораторіи, на заводы и вообще по технической части,—право, котораго не имѣютъ офицеры другихъ родовъ войскъ, слѣдовательно съ этой категоріей церемониться нечего, а просто: не удовлетворяешь опредѣленнымъ условіямъ, такъ тебя туда не пустятъ и ступай въ Армейскіе полки.

Но кѣмъ пополнять, въ такомъ случаѣ, Гвардейскихъ офицеровъ? Богатыхъ мало, способныхъ слѣдуетъ распредѣлять по ровну, и кто пойдетъ въ Гвардію, если лишить ее привилегій?

Во первыхъ богатые люди и теперь ни за чинами, ни за содержаніемъ не гонятся; а всѣмъ прочимъ слѣдуетъ и безъ того прекратить эту погоню за чинами, какъ вещь весьма вредную для всего войска, а усиленное содержаніе не должно считаться привилегіей, потому-что въ Гвардіи мундиры дороже, условія службы требуютъ большей представительности и вся жизнь въ столицѣ дороже. А во вторыхъ Гвардія есть войско отборное и къ тому же показное, безъ котораго такому Государству какъ наше обойтись невозможно и не должно, а потому пребываніе въ Гвардіи должно: а) считаться наградой и б) должно быть обусловлено извѣстными, именно ея назначенію отвѣчающими требованіями, почему поступленіе въ Гвардію прямо со школьныхъ скамеекъ и отъ сохи должно быть безусловно прекращено и всѣ чины должны выбираться:

Офицеры по прослуженіи въ арміи *трехъ* лѣтъ, подходящіе къ слѣдующимъ условіямъ: 1) Лица стариннаго потомственнаго дворянства. 2) Лица заслуженнаго дворянства. 3) Лица прочихъ сословій, если удостоятся личнаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА выбора, безо всякихъ къ тому ходатайствъ, а тѣмъ паче представленій. Но изъ этихъ трехъ категорій офицера, неимѣющаго вполнѣ безукоризненнаго тѣлосложенія и особенно разъ навсегда установленнаго *роста*, невозможно пускать въ гвардію, потому-что нельзя же въ самомъ дѣлѣ въ *показномъ* войскѣ ставить какого нибудь рака-офицера рядомъ со строемъ трехъ-аршинныхъ солдатъ; неприлично видѣть, какъ солдатъ беретъ подобнаго карлика въ охабку и сажаетъ на лошадь, или какъ такой офицерикъ карабкается на лошадь, подставляя стулъ, тумбу и т. д., какъ подобный офицерикъ идетъ въ припрыжку и прискочку, чтобы не отстать отъ солдатъ, которымъ самъ же приказываетъ идти въ порядкѣ и тѣмъ возбуждаетъ благосклонную улыбку прохожихъ. Слишкомъ малый ростъ и куклообразное сложеніе есть уже физическій недостатокъ, препятствующій усиленному физическому труду, который вотъ именно и заставляетъ искать спасенія въ разныхъ облегченіяхъ, послабленіяхъ, мундштукахъ и т. п., а потому такихъ офицеровъ и въ армейскіе полки пускать не слѣдуетъ; вотъ во флотѣ пожалуй имъ можно, а не то—плати деньги за вынутый жребій и дѣлай, что знаешь. Скажутъ пожалуй, что физическій трудъ офицеру не нуженъ и что изъ маленькихъ ростомъ и слабыхъ могутъ выйти геніи; но, во первыхъ, мы знаемъ достаточно, нужна ли офицеру физическая сила или нѣтъ, а, во вторыхъ, если онъ геній, то и изъ флота и ото всюду онъ съумѣетъ выйти въ Суворовы и Наполеоны и 4) лица всѣхъ сословій и *не* установленнаго для Гвардіи роста, получившіе орденъ за *личное* военное отличіе, но не за кампанію вообще.

Нижніе чины должны быть исключительно изъ крестьянскаго сословія, т. е. 10-лѣтняго срока службы, переводиться изъ арміи по прослуженіи двухъ лѣтъ и тоже непремѣнно удовлетворять установленному росту и тѣлосложенію. Впрочемъ и въ арміи эти полу-дѣти съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица, спотыкающіеся подъ тяжестью и безъ того уже донельзя облегченныхъ ружья и аммуниціи, съ какимъ-то молящимъ будто о пощадѣ взглядомъ, возбуждающія не то жалость, не то презрѣніе, должны быть безусловно воспрещены. Тянуть воинскій жребій должны всѣ, но служить въ войскахъ только вполнѣ здоровые и сильные люди, для чего можно брать новобранцевъ годомъ или двумя позже и безпощадно казнить членовъ рекрутскихъ присутствій, позволяющихъ себѣ набирать всякихъ калѣкъ, вводить казну въ напрасный расходъ и дѣлать изъ войска богадѣльню и источникъ снабженія госпиталей больными. Но чтобы не обижать армію, можно сдѣлать математическій разсчетъ, какое количество армейскихъ эскадроновъ должно снабжать одинъ гвардейскій; приходится $4^1/_2$ армейскихъ эскадрона на одинъ гвардейскій, что гарантируетъ вполнѣ хорошій и безобидный для арміи выборъ. 2) Люди всякихъ сословій, удостоившіеся личнаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА выбора, и 3) георгіевскіе кавалеры. Могутъ возразить, что армейскіе командиры будутъ скрывать видныхъ людей и посылать тѣхъ, отъ которыхъ захотятъ отдѣлаться. Въ этомъ виновато будетъ само начальство и если съ перваго командира, который позволитъ себѣ сдѣлать это, взыщутъ какъ слѣдуетъ и, кромѣ того, заставятъ заплатить все, что обойдется катанье забракованнаго и посылка вмѣсто него годнаго человѣка, то дѣлать этого не будутъ. На возраженіе, что многіе нижніе чины не желаютъ служить въ Гвардіи и, попавши въ нее помимо желанія, будутъ вести себя скверно, можно отвѣтить, что на всякое чиханье не наздравствуешься и противъ нежеланія и упрямства есть подходящія средства. Составленной на этихъ основаніяхъ гвардіи никто завидовать не станетъ и получаемое какъ офицерами, такъ и нижними чинами усиленное содержаніе никто за привилегію не сочтетъ; но пища для нижнихъ чиновъ, т. е. отпуски провіанта должны быть одинаковы во всемъ войскѣ, потому-что пища должна быть **вездѣ** безусловно хороша, а такъ какъ теперешніе отпуски вполнѣ достаточны для арміи, то таковые должны быть достаточны и для Гвардіи. Что гвардейскія лошади получаютъ бо́льшую дачу, то пусть и получаютъ на здоровье, потому-что скотинѣ никто завидовать не долженъ и не станетъ.

Полкамъ *молодой* Гвардіи слѣдуетъ производить жалованье и отпуски наравнѣ съ полками гвардіи; не довольно ли ей быть *молодой* чуть ли не сто лѣтъ и путать только разсчеты.

Артиллеріи и саперамъ производить жалованье и отпуски въ Гвардіи—гвардейское (такъ оно и есть), а въ арміи—армейское.

Генеральному Штабу. Офицерамъ, занимающимъ постоянныя должности, производить жалованье по этимъ должностямъ, а проходящимъ курсъ и кончившимъ оный по полковымъ окладамъ. А какая же награда будетъ имъ за труды? Во первыхъ,—ходить въ караулы, исполнять разныя дежурства, торчать по цѣлымъ днямъ во всякую погоду въ манежѣ и безпрестанно толочься въ казармахъ между солдатами обязанность не легкая и при томъ, такъ сказать, работа черная, а сидѣть въ хорошей комнатѣ, за книгой, работа бѣлая, уже сама по себѣ обставленная лучше, слѣдовательно всѣ труды, разъ исполнять ихъ какъ слѣдуетъ, одинаковы и необходимы; выбирать тотъ или другой трудъ есть добрая воля каждаго офицера, принимать на *спеціальную* службу и терпѣть тамъ или нѣтъ неспособныхъ есть дѣло начальства, а потому не должно быть и рѣчи объ особомъ вознагражденіи; но такъ какъ офицеры съ академическимъ образованіемъ необходимы Правительству, то можно было бы установить слѣдующую мѣру: Кандидатство на командованіе полками должно быть общее, при чемъ Подполковникамъ, прошедшимъ академическій курсъ, должно быть предоставляемо старшинство, а въ кандидаты на производство въ Генералы, т. е. въ Начальники дивизій, должны записываться *только* офицеры-академисты, а изъ прочихъ—отличившіеся въ сраженіяхъ, съ доказательствомъ умѣнья обращаться съ большимъ количествомъ войскъ и всѣ пожелавшіе держать экзаменъ, но всѣхъ ихъ вообще производить въ генералы, т. е. Начальники дивизій не иначе, какъ по открытіи вакансій.

Офицерамъ инженернымъ, военно-учебныхъ заведеній, интендантскимъ, телеграфнымъ и т. д. производить слѣдовало бы жалованье по армейскому окладу, потому-что представительности отъ нихъ никакой не требуется; понабились они въ лучшіе города, живутъ въ хорошихъ казенныхъ квартирахъ, могутъ пользоваться всякими общественными удобствами и удовольствіями несравненно болѣе, чѣмъ всѣ безъ изъятія строевые офицеры; получаютъ прибавки жалованья черезъ каждыя пять лѣтъ, пользуются сокращенными сроками службы на пенсію, однимъ словомъ, живутъ себѣ, какъ у Христа за пазухой, полными чиновниками. Ужъ если и слѣдуетъ прибавить жалованье и сократить сроки службы, то *именно* строевымъ офицерамъ, а не всей этой плеядѣ чиновниковъ, обременяющей военный бюджетъ. Вотъ и выходитъ, что Гвардія несравненно менѣе и безобиднѣе другихъ тормозитъ правильный ходъ дѣлъ въ войскахъ, а только кричатъ про одну Гвардію и взваливаютъ на нее всѣ поклепы.

Гренадерскій корпусъ, какъ не имѣющій никакого значенія, не долженъ носить это названіе, а долженъ номера имѣть, какъ и всѣ армейскіе корпуса, сохранивъ пожалуй свои жолтые погоны; тоже самое его не слѣдуетъ комплектовать отборными великорослыми людьми—благо на то есть Гвардія.

Стрѣлковые баталіоны. При теперешнемъ одинаковомъ вооруженіи и малыхъ срокахъ службы держать отдѣльные стрѣлковые баталіоны и комплектовать ихъ тоже *отборными* людьми есть ни къ чему не нужное обираніе арміи (а все на Гвардію одну валятъ), а также напрасная трата денегъ на лишнюю инспекцію и управленіе. Баталіоны эти слѣдуетъ или соединить въ полки, или дать имъ общіе номера и не выдѣлять ихъ въ касту, а особенно въ Сибири, Туркестанѣ, Закаспійскомъ краѣ и на Кавказѣ.

Саперные баталіоны тоже совершенно лишне комплектовать особыми по развитости и сложенію людьми и совершенно основательно замѣтилъ нѣкто «*Кавалеристъ*», что для рытья въ землѣ красивыхъ и видныхъ людей вовсе не требуется; да вообще и *развитіе* не только-что нижнихъ чиновъ этого войска, но даже и офицеровъ есть пересолъ и ненужное увлеченіе. Можно придраться ко всему и создать по этому поводу цѣлую науку, упуская изъ вида, что разныя тонкости есть дѣло спеціалистовъ, а вовсе не потребность войска. Напримѣръ, въ конныхъ полкахъ устроили саперные взводы (вещь очень полезная), но начинаютъ уже мудрить по этому поводу и заноситься, такъ-что пожалуй того и смотри, что безъ новой инспекціи, управленія или министерства дѣло не обойдется, между тѣмъ какъ оно выѣденнаго яйца не стоитъ. «Вотъ тебѣ патронъ, которымъ слѣдуетъ взрывать мосты; обходиться съ нимъ слѣдуетъ такъ-то и такъ-то, а чтобы онъ изъ тебя одного не сдѣлалъ десятерыхъ, то возить его и хранить слѣдуетъ такъ-то! Вѣришь этому— ладно, а нѣтъ, такъ попробуй, только ступай куда нибудь подальше отъ казармы»! Такъ нѣтъ, сейчасъ же начинаются теоріи, пускается въ ходъ математика и проч. страсти; всѣ эти господа гальванеры, техники, пиротехники, телеграфисты, геодезисты и проч. начинаютъ считать себя какими-то особенностями, учеными, смотрятъ съ высоты своего величія на насъ грѣшныхъ, но за то и пользуются полнымъ недружелюбіемъ строевыхъ войскъ, безъ котораго всѣ эти придаточные — не болѣе какъ нули.

Армейская конница. Наши военно-учебныя заведенія задались слѣдующимъ. Прежде, чѣмъ сдѣлать военнаго человѣка, слѣдуетъ сдѣлать образованнаго человѣка и вообще человѣка. Задача почтенная, но врядъ ли пригодная и посильная даже для заведеній гражданскаго вѣдомства, потому-что бываютъ весьма образованные, ученые, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ скверные человѣки. Образовать и заложить фундаментъ человѣка—есть обязанность семействъ и преимущественно матерей, а потому понятіе, проводимое Горцами, гораздо практичнѣе и къ военному дѣлу ближе подходящее, а именно: *прежде, чѣмъ быть Кавалеристомъ или Пѣхотинцемъ, надо быть воиномъ* и вотъ армейская конница и поставлена въ эти вполнѣ правильныя и завидныя условія, а потому смотрѣть на вопли какого нибудь десятка офицеровъ (изъ купчиковъ), по случаю отмѣны давно уже

обезображенной на половину гусарской формы не стоитъ; а что назвали всѣхъ *драгунами*, такъ оно и въ правду будто маленько обидно. Это не драгуны, а просто «конный № 00 полкъ». Названіе драгуны заставляетъ предполагать, что въ армейской конницѣ есть кромѣ того регулярные полки еще другихъ родовъ оружія. А если бы полки эти назывались конными, то разъ употреблено было бы слово: драгунъ, гусаръ, уланъ, было бы вполнѣ ясно, что рѣчь идетъ объ одной только Гвардіи.

(2-е и 3-е). *Производство* **не въ зачетъ** *и чрезъ извѣстные сроки не смотря на вакансіи.* Кромѣ указанной ускользающей отъ фронта массы офицеровъ есть еще категорія вполнѣ способныхъ, но немного лѣнивыхъ и любящихъ комфортъ офицеровъ, которые ради этого, однако, никогда не рѣшились бы выйти въ отставку и остались бы хорошими строевыми офицерами если бы не существовало еще особой лазейки, въ которую ломятся всѣ, кто только такъ или иначе въ состояніи устроить это (сами посудите, что же остается послѣ этого во фронтѣ, да еще Армейскомъ, а все на одну Гвардію валили),—а именно: разные Адъютанты, Помощники, Подмощники, Члены всякихъ невѣроятныхъ коммиссій, состоящіе *по*, числящіеся *при*, прикомандированные *на*: къ штабамъ, управленіямъ, канцеляріямъ, въ интендантство, въ полицію и во всѣ совершенно гражданскія вѣдомства, ничего общаго ни съ фронтомъ, ни даже со второстепенными военными дѣлами, не имѣющія. Вотъ причина, почему во время Крымской войны въ большихъ городахъ трудно было встрѣтить офицера, а во время послѣдней войны, не смотря на отсутствіе войскъ: сабли, шпоры, султаны, эполеты, сѣрые пальто такъ и кишѣли по всѣмъ городамъ, будто и войны нѣтъ и всѣ войска дома; а это вотъ эти самые бумажные витязи-то и воинствовали по тротуарамъ. Мало того, что всѣ эти господа носятъ красивую военную форму и получаютъ большее противъ строеваго офицера содержаніе, но преблагополучно подвигаются еще наравнѣ съ нимъ въ чинахъ и, сидя въ своихъ штабахъ, выхлопатываютъ себѣ еще разные передъ нимъ авансы. Такъ, напр:, какой нибудь «Плацъ» чуть ли не съ Прапорщичьяго чина затешется въ какой нибудь «Гаузъ» и всю жизнь не выходя изъ комнаты, не командовавъ ни ротой, ни полкомъ, попадаетъ въ Генералы и требуетъ себѣ подходящаго мѣста, а если готоваго не оказывается, то хлопочетъ и требуетъ созданія таковаго, потому-что какъ бы тамъ ни было, а онъ вовсетаки чувствуетъ, что онъ вовсе не офицеръ, а одинъ изъ членовъ многочисленной чиновничьей арміи, существующей на счетъ и въ ущербъ настоящей арміи; и онъ съ своей стороны правъ, потому-что: чего же раньше смотрѣли и допустили его забраться такъ высоко? А потому слѣдуетъ пересмотрѣть штаты всѣхъ нестроевыхъ мѣстъ, уменьшить ихъ до крайнихъ предѣловъ минимума и устроить, чтобы обстановка этихъ господъ была ни на волосъ не лучше положенія строеваго офицера, а потому:

1) Ужъ если самъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ сократить число СВОИХЪ Адъютантовъ до настоящей, давно уже небывалой цифры, исходя изъ того совершенно справедливаго взгляда, что какъ Флигель-адъютантъ, такъ и Камергеръ, должны постоянно находиться во дворцѣ и всякъ исполнять свою обязанность, а не то, что находиться за тысячи верстъ и командовать полкомъ или дивизіей, или же находиться за 20 верстъ и управлять Губерніей или Департаментомъ, то само собою разумѣется, что и всѣ прочіе начальники обязаны поступить также и со своими адъютантами. Надо уменьшить какъ число ихъ адъютантовъ, такъ въ особенности и *предѣлъ* чина, въ которомъ офицеръ можетъ оставаться на этой должности. Всѣмъ лицамъ, которымъ дозволено теперь держать адъютантовъ, по всѣмъ присвоеннымъ имъ должностямъ, какъ-то: по званію Генералъ-Губернатора—3-хъ, по званію Командующаго войсками—3-хъ и такъ далѣе въ этомъ родѣ, приказать держать адъютантовъ только по одной должности, и если бы ихъ оказалось дѣйствительно мало, то можно назначать временно ежедневныхъ ординарцевъ изъ ближнихъ войскъ. Не дозволять ни подъ какимъ предлогомъ и рѣшительно никому держать Адъютантовъ, состоящихъ *при* и *по*, сверхъ штата, *даже безъ жалованья*, иначе какъ переименовывая ихъ въ Чиновники и снимая съ нихъ офицерскій мундиръ—они этого не захотятъ, перестанутъ ломиться на эти должности и будутъ или оставаться во фронтѣ, или выходить въ отставку и не подавать плохаго примѣра другимъ. Чтобы у всѣхъ безъ исключенія лицъ, кромѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, адъютанты не могли быть старше, чѣмъ въ чинѣ поручика, потому что не хитрыя обязанности адъютантовъ у этихъ лицъ намъ хорошо извѣстны; такъ не идетъ Ротмистру и тѣмъ болѣе Полковнику, чинамъ столь не мало уже стоющимъ Правительству, исполнять корнетскія должности, а потому утвердить за неотступное правило: на должность адъютанта не назначать офицера, не прослужившаго *двухъ* лѣтъ во фронтѣ, и за тѣмъ пусть онъ сидитъ корнетомъ или поручикомъ весь вѣкъ или убирается въ полкъ, дожидается очереди полученія эскадрона и получаетъ чины на общемъ основаніи. Почему всѣхъ адъютантовъ, состоящихъ *при* и *по* и прикомандированныхъ къ учебнымъ заведеніямъ и всюду исключить изъ списковъ полковъ, зачислить по кавалеріи (безъ различія гвардейской или армейской) и дать мундиры: первымъ адъютантскіе, а остальнымъ «по кавалеріи», если не имѣется въ мѣстахъ ихъ служенія особыхъ мундировъ, предоставивъ имъ право возвращаться въ полки для полученія эскадроновъ и баталіоновъ. Однимъ словомъ, чтобы знали, что для достиженія высшихъ воинскихъ чиновъ нѣтъ дороги болѣе близкой и болѣе вѣрной, какъ дорога, лежащая черезъ полки; а потому выбирай одно изъ двухъ: или пользуйся удобствами, предоставляемыми избраннымъ тобою родомъ службы и оставайся всю жизнь въ томъ чинѣ, на которомъ застрялъ и молчи, или бросай эти

удобства, становись въ общую очередь, въ полки, и подвигайся въ чинахъ. А то видите ли, всего сразу захотѣли; они сидятъ себѣ тамъ какъ сыръ въ маслѣ, а ты за нихъ черную работу исполняй, да жди ихъ себѣ на шею въ качествѣ учителей и наставниковъ! Производство флигель-адъютантовъ должно зависѣть отъ желанія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, потому-что такая маленькая горсть офицеровъ не можетъ имѣть вліянія на общій ходъ всего дѣла.

Офицерамъ, состоящимъ въ Запасѣ, не позволено носить мундировъ, и весьма основательно, потому-что многіе пользовались бы этимъ и уходили изъ фронта; но не дозволять носить мундиръ тѣмъ изъ офицеровъ, которые выслужили его и имѣютъ право носить его даже въ отставкѣ,—и несправедливо, и нѣтъ основаній.

Офицерамъ Штабовъ и Управленій Военнаго вѣдомства оставить военный чинъ и форму «по роду оружія» только самымъ старшимъ, имѣющимъ самую близкую связь съ фронтовою частью лицамъ; всѣхъ же остальныхъ: начальниковъ комнатъ, начальниковъ отдѣленій, съ тылу-начальниковъ, съ флангу-начальниковъ, казначеевъ и т. п. пишущую братію переименовать въ военные чиновники и комплектовать впредь изъ раненныхъ или слабыхъ здоровьемъ строевыхъ офицеровъ, но отнюдь не изъ офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ слѣдуетъ разослать теперь же въ полки для командованія эскадронами и баталіонами; причемъ, чѣмъ штабъ старше, т. е. неподвижнѣе для похода, напр. Окружной, Главный, само Министерство, тѣмъ число военныхъ чиновъ должно быть ограниченнѣе.

Коммиссіи и Комитеты всякаго рода, состоящіе при штабахъ и управленіяхъ, какъ дорого стоющіе, никакой цѣли недостигающіе и служащіе только поводомъ къ созданію новыхъ *мѣстъ*, слѣдуетъ распустить какъ можно скорѣе. Всѣ встрѣчающіеся по военной части вопросы гораздо удобнѣе будетъ разрѣшать слѣдующимъ образомъ: пусть само Министерство разошлетъ въ полки вопросы на печатныхъ бланкахъ; въ первой графѣ изложитъ свое мнѣніе Полковой командиръ, во второй напишетъ свое—Начальникъ дивизіи, въ третьей—Корпусный командиръ, а въ четвертой—Командующій войсками округа и отошлетъ обратно въ Министерство. И стоить будетъ—ровно ничего и никто не будетъ оторванъ отъ дѣла и полученныя свѣдѣнія будутъ несравненно обстоятельнѣе.

Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ: **Инженерныхъ, Интендантскихъ, Артиллерійскихъ, по технической части,** какъ-то: начальниковъ заводовъ, смотрителей лабораторій и складовъ и т. д., **Телеграфныхъ, Топографныхъ** и т. п. переименовать безо всякаго разговора въ гражданскіе чины и дать чиновничьи мундиры. Какъ можно! скажутъ иные, да изъ нихъ выходятъ иногда извѣстные генералы, а особенно при крѣпостной войнѣ. Совершенно вѣрно; при веденіи крѣпостной войны спеціалистъ по этой части весьма полезенъ. Но разъ

придется войскамъ, защищавшимъ или осаждавшимъ эту крѣпость, или перейти въ наступленіе, съ тѣмъ чтобы больше въ нее не возвращаться, или отступить во внутрь страны, при чемъ окажется тутъ этотъ спеціалистъ? Ну, и сиди себѣ въ своей траншеѣ, и копайся въ ней, коли охота есть, а войска поведетъ строевой генералъ. Во время войны, да еще крѣпостной, и въ наше хитрое на изобрѣтенія время, мало ли какіе специалисты, кромѣ инженеровъ, потребуются Главнокомандующему? Такъ всѣхъ ихъ прикажете въ генералы производить и въ мирное время плодить для нихъ разныя несообразныя команды въ $3^1/_2$ человѣка? Спеціалиста можно всегда выписать въ случаѣ надобности, за принесенную пользу наградить деньгами, гражданскимъ чиномъ, даже военнымъ орденомъ и отпустить, чтобы онъ продолжалъ разрабатывать свою спеціальность. А то если придерживаться теперешняго правила, то слѣдуетъ нарядить въ военную строевую форму всѣхъ рабочихъ Тульскаго, Ижевскаго, Златоустовскаго заводовъ, изготовляющихъ для войны ружья, патроны, сабли и уже если на то пошло, то и всѣхъ заводчиковъ и рабочихъ, добывающихъ и изготовляющихъ сталь, мѣдь и проч. для военнаго оружія. Вотъ Архимедъ, а можетъ быть и Пиѳагоръ числится въ спискѣ великихъ математиковъ; а онъ, при осадѣ Аоинъ, выдумалъ машину, которая швыряла огромныя бревна и камни въ непріятеля, и не смотря на это, его современники не перечислили его въ полководцы, а такъ и оставили въ спискахъ математиковъ, въ которыхъ онъ состоитъ и по сей день, и слава его нисколько отъ этого не страдаетъ. А всѣ подобныя недоразумѣнія происходятъ отъ того, что отрасли этихъ искусствъ не распредѣлены достаточно точно и въ гражданскомъ вѣдомствѣ; напримѣръ, существуетъ Министерство путей сообщенія, Горное вѣдомство, Телеграфный департаментъ, Почтовое вѣдомство, Топографическое вѣдомство и т. д., всѣ врозь, сами по себѣ, которымъ дай только волю, возрастутъ каждый до степени самостоятельныхъ министерствъ, а тамъ, глядь, станутъ выдѣлять изъ себя еще новыя министерства: министерство покупки рельсъ, министерство накладыванія оныхъ, министерство телеграфныхъ проволокъ, министерство починки мостовъ и т. д. Между тѣмъ какъ слѣдовало бы имѣть просто Инженерное министерство съ подраздѣленіемъ на департаменты: Архитектурный, Путей сообщенія, Почтовый, Телеграфическій, Горный, Геодезическій или Астрономическій, Топографическій и Техническій, т. е. для постройки и сооруженія всякаго рода машинъ и орудій. Тогда и Военное министерство могло бы имѣть небольшое Инженерное вѣдомство (какъ въ старину и звали ихъ *Размыслами*), съ сохраненіемъ въ немъ необходимыхъ для военнаго дѣла отдѣленій, при чемъ Техническое приняло бы на себя всю нестроевую и рабочую часть Артиллеріи. Тогда Военному министерству не пришлось бы тратить своихъ денегъ и надрываться на фабрикованіе всякихъ спеціалистовъ изъ своихъ

строевыхъ Офицеровъ, которые теперь и для фронта пропадаютъ и всякаго рода Технологамъ, Студентамъ и мастерамъ хлѣбъ отбиваютъ. Тогда и безъ Военнаго Министерства имѣлись бы спеціалисты, подвигавшіе впередъ науку и доставляли бы ему всегда образованныхъ чиновниковъ, умѣвшихъ обойтись со всякими вещами, находящимися въ складахъ, руководить заводами, завѣдывать всѣми теперешними Артиллерійскими и Инженерными парками, арсеналами, Интендантскими повозками и умѣли бы вести всему этому отчетность. Поэтому Саперные баталіоны слѣдовало бы именовать *Инженерными*, такъ какъ кромѣ Саперныхъ есть уже Желѣзнодорожные, а могутъ быть и Телеграфные и мало ли еще какіе, но только нечего давать каждому изъ нихъ отдѣльную форму, т. е. красные, желтые, голубые кантики, чтобы не давать имъ повода обособляться, а то до особой Инспекціи не далеко, а тамъ и къ Министерству—рукой подать. Топографовъ можно поселить на болѣе скромную ногу, болѣе на солдатскій манеръ, напр. подчинить нѣсколькимъ при штабѣ находящимся Топографскимъ Чиновникамъ, которымъ и дать человѣкъ 50 писарей, знающихъ съемку и черченіе картъ; а то туда же: шпоры, бѣлые султаны, юнкерскія нашивки, шашки; удивительные Принцы—умѣютъ чертить карты! А у насъ Унтеръ-Офицеръ умѣетъ въ караулъ ходить и *«плечемъ въ манежъ»* дѣлать, и дѣлать это не ради своего удовольствія, а по службѣ.

Офицеры Судебнаго Вѣдомства должны хорошо знать военный бытъ, а потому должны быть обязательно отсылаемы въ полки для командованія на общихъ основаніяхъ эскадронами, баталіонами и полками, и затѣмъ останавливаться на чинѣ полковника, такъ какъ это чинъ не маловажный, и получать только прибавку жалованья и проч., а если пожелаютъ, то могутъ переименовываться въ высшіе гражданскіе чины и надѣвать соотвѣтствующій нестроевой мундиръ. Въ случаѣ какого-либо экстреннаго дѣла можно собирать строевыхъ генераловъ, а чины судебнаго вѣдомства будутъ руководить и подыскивать статьи.

Лица, назначаемыя на высокія гражданскія должности, какъ-то: Министры, Посланники, Сенаторы, гражданскіе Губернаторы, безъ того уже самые высокіе государственные сановники, а потому для чего имъ (кромѣ Министра двора) военная форма, хотя бы они попадали на эти должности изъ строевыхъ генераловъ? А потому, для возстановленія порядка и справедливости, всѣмъ этимъ лицамъ слѣдуетъ надѣть форму своихъ вѣдомствъ (портовые начальники), а Посланникамъ и гражданскимъ Губернаторамъ, какъ представителямъ власти за границей и въ провинціяхъ, а также и Предводителямъ Дворянства, слѣдуетъ придумать роскошную форму въ національномъ вкусѣ, въ родѣ Боярской, но только безъ эполетъ; а чинамъ болѣе мелкимъ, во всѣхъ безъ изъятія прочихъ министерствахъ, военные чины и мундиры должны быть безусловно и безповоротно воспрещены.

Полиція, Жандармы и Пограничная Стража есть, какъ тамъ ни разсматривай, а все же полиція и къ военному вѣдомству не принадлежитъ, такъ зачѣмъ же имъ военная форма, а тѣмъ болѣе чины ротмистровъ, капитановъ, полковниковъ и генераловъ? Для полиціи придумана прекрасная и вполнѣ удобная форма; публикѣ нѣтъ никакой нужды умѣть отличать полиційместера отъ участковаго начальника и т. д., а если это нужно самимъ этимъ чинамъ, то они могутъ отличать другъ друга какими нибудь жгутиками, звѣздочками, бомбочками, а носить фронтовые эполеты, погоны, мундштуки, шпоры и проч. незачѣмъ. Пограничной стражѣ и жандармамъ слѣдуетъ надѣть форму пѣшей полиціи, дать уздечки вмѣсто мундштуковъ и нагайки вмѣсто шпоръ (теперь, Малороссійскій Драгунскій полкъ нельзя почти отличить отъ пограничной стражи), а военную, т. е. голубую форму, оставить однимъ только *полевымъ* жандармамъ, такъ какъ они принадлежность войскъ и ходятъ съ ними въ походъ; а для того, чтобы было удобнѣе отличать ихъ, слѣдовало бы дать имъ голубыя шинели, а такъ какъ это слишкомъ марко и дорого, то можно замѣнить ихъ черными, а Конвойнымъ казакамъ и Морякамъ дать сѣрыя шинели. По установленіи всего этого, много полезнаго народа останется во фронтѣ и уйдутъ дѣйствительно неспособные.

4) *Несоотвѣтствующее названіе чиновъ* кажется на первый взглядъ пустякомъ, не заслуживающимъ вниманія, но на самомъ дѣлѣ это былъ первый и умѣлый шагъ, который мало-по-малу привелъ ко всей теперешней путаницѣ и распложенію крупныхъ чиновъ. Что такое были въ прежнія времена Сотникъ или Полковникъ? Люди, которые командуютъ или откомандовали уже сотней, полкомъ; значитъ, чтобы получить этотъ чинъ, ставилось непремѣннымъ условіемъ сперва получить сотню или полкъ, а потомъ уже и именоваться этимъ чиномъ, такъ какъ въ то время никто не могъ и подозрѣвать о существованіи Полковника, неимѣющаго или неимѣвшаго полка, точно такъ, какъ теперь никто не можетъ представить себѣ домовладѣльца неимѣющаго дома, или землевладѣльца собирающагося только купить землю.

Вотъ нѣкоторые догадливые люди, видя, что съ этой стороны ничего не подѣлаешь, придумали самое невинное на видъ средство: одно русское всеобъясняющее слово замѣнить цѣлой тучей иностранныхъ словъ, и вотъ появились вицъ-унтеръ-офицеръ (по прежнему приказный), унтеръ-офицеръ (урядникъ), субалтернъ-офицеръ, оберъ-офицеръ, штабъ-офицеръ; вмѣсто Сотникъ—командиръ эскадрона, вмѣсто Полковникъ—командиръ полка, вмѣсто за полковника—командующій полкомъ, чтобы уже за одно *регимента* и т. д., и какъ только это было сдѣлано, то полками стали командовать чины, начиная маіоромъ и кончая генералъ-лейтенантомъ; точно также появились полковники и генералы, командующіе подъ разными благовидными предлогами: баталіонами, ротами, комнатами, столами, наконецъ

ничѣмъ не командовавшими и не командующими,—и пошло писать. Практика указываетъ, что служба нуждается въ *трехъ* чинахъ младшихъ офицеровъ: *корнетахъ*, которыхъ должно быть много, *поручикахъ*, которыхъ должно быть значительно меньше, какъ чиновъ болѣе подготовленныхъ къ занятію высшей должности, а именно двухъ на эскадронъ довольно, и *ротмистрахъ*, которыхъ должно быть столько, сколько въ полку ротъ. Въ числѣ этихъ офицеровъ есть нѣсколько занимающихъ не совсѣмъ строевыя должности, а потому подлежащихъ обработкѣ и отшлифовкѣ, безъ каковой пропускать ихъ выше невозможно, и первыми очистительными для нихъ воротами долженъ быть чинъ ротмистра, т. е. они должны откомандовать эскадрономъ. Всѣ эти должностные производяться *не въ зачетъ*, маневръ, очевидно придуманный для ускоренія погони за чинами, что и должно быть отмѣнено въ первую голову. *Полковой адъютантъ* выбирается обыкновенно изъ числа молодыхъ офицеровъ въ чинѣ поручика и штабсъ-ротмистра, но такъ какъ адъютантъ въ полку вовсе не то, что принято подразумѣвать подъ этимъ словомъ, а онъ кромѣ обязанности завѣдывать канцеляріей и трубачами долженъ главнымъ образомъ быть соединительнымъ звеномъ между обществомъ офицеровъ и командиромъ полка, при чемъ, не вдаваясь въ область фискальства, долженъ поставлять командира полка въ извѣстность о настроеніи духа офицеровъ, то все это вмѣстѣ взятое ставитъ адъютанта въ весьма близкія къ командиру полка отношенія, что въ свою очередь поднимаетъ значеніе его въ глазахъ офицеровъ и ставитъ послѣднихъ, даже и старшихъ въ чинѣ, какъ бы въ нѣкоторую отъ него зависимость, что весьма вредно въ нравственномъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ; а потому, во первыхъ, самое названіе адъютантъ не правильно, а, во вторыхъ, слѣдуетъ назначать на эту должность офицера болѣе зрѣлаго, какъ имѣющаго возможность не увлекаться и отнестись къ этой обязанности болѣе сознательно, нежели молодой, другой разъ, недавно произведенный офицеръ. А такъ какъ адъютантъ находится постоянно во фронтѣ, знаетъ счетоводство и письмоводство лучше всякаго эскадроннаго командира, то онъ долженъ быть тоже въ чинѣ ротмистра (седьмой въ полку), т. е. на эту должность слѣдуетъ назначать офицера по открытіи вакансіи на эскадронъ или назначать одного изъ командующихъ уже эскадрономъ, а эскадронъ давать тому съ производствомъ въ ротмистры и считать должность адъютанта равносильною командованію эскадрономъ, т. е. дающей право на производство въ Подполковники и назвать ее согласно ея смыслу *полковымъ Повѣреннымъ*.

Командиръ нестроевой роты новыми уставами 1881 года уничтоженъ на томъ основаніи, что нестроевую *роту* переименовали въ нестроевую *команду* и вообразили, что вслѣдствіе этого въ полкахъ не существуетъ болѣе всей этой оравы, именуемой нестроевой командой, ротой, или какъ тамъ хотите; но такъ какъ она продолжаетъ существо-

вать подъ тѣмъ или другимъ именемъ, то ей необходимы всѣ органы управленія, какъ-то: Командиръ, Старшій унтеръ-офицеръ (непремѣнно Фельдфебель), потому-что въ этой ротѣ или командѣ состоитъ безчисленное множество всякихъ аристократовъ-фельдшеровъ и писарей, относящихся высокомѣрно къ строевымъ Вахмистрамъ даже, а не то-что къ какому-то младшему ихъ по чину унт.-офицеру, который вздумаетъ соваться къ нимъ со своими приказаніями; за тѣмъ свой Каптенармусъ (по не изъ числа *полковыхъ*, имѣющихъ каждый свое спеціальное назначеніе), Артельщикъ, Кашевары, которые всѣ должны быть положены по штату. А такъ какъ начальникъ этой роты или команды имѣетъ весьма обширный кругъ занятій: слѣдить за поведеніемъ своей команды, снабжать ее всѣмъ необходимымъ, завѣдывать мастерскими и смотрѣть, чтобы отпускаемые казначеемъ и квартермистромъ матеріалы работались по назначенію, вести всему этому отчетъ, смотрѣть за исправностью обозныхъ лошадей, сбруи, повозокъ, дѣлать ежедневные наряды на работы и. т. д., то сваливать эту обязанность на другое лицо, имѣющее тоже весьма обширныя обязанности, безъ явнаго вреда для дѣла, не возможно. А такъ какъ обязанности эти отвлекаютъ командира нестроевой роты отъ фронтовыхъ занятій, то его нельзя пустить вверхъ по служебной лѣстницѣ иначе какъ послѣ откомандованія имъ эскадрономъ, что уже само показываетъ, что командиръ нестроевой роты можетъ быть только Корнетъ или Поручикъ (что на самомъ дѣлѣ и есть), но если считаютъ необходимымъ поступить такъ съ офицеромъ, постоянно находящимся въ полку, выѣзжающимъ очень часто во фронтъ и живущимъ полною полковою жизнью, то можно ли поступить иначе съ адъютантами и т. п. разными Богъ знаетъ гдѣ по нѣскольку лѣтъ пропадающими офицерами и допускать ихъ до высокихъ чиновъ безо всякой подготовки и правъ. Было бы кстати упомянуть тутъ-же о странномъ и неудачномъ раздѣленіи нижнихъ чиновъ на строевые и нестроевые, на полное перемѣшаніе однихъ съ другими и на вычурныя многословныя названія ихъ, сдѣланныя по всей вѣроятности съ цѣлью *облаобродить* ихъ, напр., Старшій писарь *младшаго* разряда, Младшій писарь *старшаго* разряда, Нестроевой *старшаго* разряда, Нестроевой *младшаго* разряда и наконецъ верхъ *блаобродства: Офицерская прислуга* вмѣсто Деньщика. «Эй! послать мнѣ мою офицерскую прислугу!» Очень удобно! Но вмѣсто всѣхъ этихъ *облаораживаній* на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое: на каждый эскадронъ приходится отъ 9 до 12 человѣкъ пѣшихъ людей, предназначаемыхъ для выбора этой офицерской прислуги, поэтому эскадронные командиры считаютъ какъ бы правомъ и долгомъ разобрать и пораздать всю эту прислугу, хотя бы въ эскадронѣ было всего 3 или 4 офицера: и резонъ! вѣдь на то она и называется офицерская прислуга, значитъ ся много, ну и бери ее! а прежде, какъ сказано было *«Деньщикъ»*, то понятно было,

что каждому долженъ быть одинъ. При Императорѣ Петрѣ I Его Адъютанты звались деньщиками, а теперь стало стыдно назвать деньщикомъ солдата—очень возвышенно и *блаародно*.

Квартермистръ, новымъ Уставомъ тоже уничтоженный, имѣлъ весьма обширный и самостоятельный кругъ дѣятельности; это ни болѣе, ни менѣе, какъ полковой Интендантъ: закупаетъ или получаетъ отъ казны сѣно, солому, овесъ, муку, крупу, дрова и вообще всѣ крупные матеріалы, хранитъ и раздаетъ ихъ по назначенію, ведетъ всему этому отчетность, имѣетъ на своей отвѣтственности исправное состояніе и ремонтъ полковыхъ зданій и завѣдуетъ полковымъ матеріальнымъ дворомъ; кромѣ того онъ обязанъ бывать на строевыхъ ученьяхъ. Кажется довольно занятій? а если дѣлать все это исправно, не полагаясь на однихъ Вахтеровъ и пр. нижнихъ чиновъ, то можно управиться только-что въ пору—такъ нѣтъ, и эту должность взваливаютъ на другое лицо.

Казначей имѣетъ весьма отвѣтственную обязанность: получаетъ, хранитъ и раздаетъ все денежное довольствіе; получаетъ, хранитъ и раздаетъ въ мастерскія: предметы обмундировальнаго, конскаго и всякаго снаряженія, получаетъ изъ мастерскихъ обмундировку въ готовомъ уже видѣ, хранитъ и раздаетъ ее по назначенію; ведетъ всѣ разсчеты и переписку по этой части и кромѣ того долженъ участвовать на всѣхъ строевыхъ занятіяхъ. Кажется, что и этому занятій довольно—такъ нѣтъ, Уставы 81 года взвалили еще на него обязанности и квартермистра и командира нестроевой роты, съ чѣмъ согласиться нельзя. Изъ этого видно также, что всѣ эти должности должны исполнять только Корнеты и Поручики.

Завѣдующій Оружіемъ, онъ же смотритель пороховаго погреба и начальникъ Оружейной мастерской есть и долженъ быть въ чинѣ Корнета и Поручика.

Завѣдующій лазаретомъ въ прежнія времена былъ квартермистръ, но такъ какъ это стѣсняло его, то обязанность эту передали другому офицеру, что удержано и новыми Уставами, но совершенно напрасно. Нечего отвлекать строеваго офицера, когда въ полку есть два доктора, надзиратель больныхъ, да еще какой-то вновь выдуманный *классный фельдшеръ*—еще чиновникъ и новое «Ваше Благородіе».

Дѣлопроизводитель можетъ быть офицеръ, по большею частью бываетъ чиновникъ, но какъ тотъ, такъ и другой—Аллахъ вѣдаетъ—для чего; потому-что всѣ обязанности, предписанныя Дѣлопроизводителю, распредѣлены уже по другимъ разнымъ лицамъ: вести счетъ о ежедневной убыли и прибыли людей и лошадей, а также записывать входящія и исходящія бумаги—дѣло адъютанта; составлять требованія на денежное и матеріальное довольствія и вести имъ отчетность—дѣло казначея и квартермистра, изъ которыхъ каждый имѣетъ по писарю и по каптенармусу; провѣрять

и скрѣплять все это—дѣло Завѣдующаго хозяйствомъ, которому дѣйствительно позабыли дать писаря, который и велъ бы журналъ хозяйственныхъ распоряженій, единственную обязанность господина Дѣлопроизводителя, который есть не болѣе какъ старшій писарь, точно такъ, какъ классный фельдшеръ есть просто старшій фельдшеръ; но такъ какъ послѣ Крымской войны мы сдѣлались сами очень падки па чины, то распространяемъ это и на нижнихъ чиновъ, почему здѣсь вышла та же исторія: въ команду, какъ бы она мала ни была, впихали всю іерархію чиновъ отъ перваго и до послѣдняго. Нельзя же, обособленность одолѣваетъ! Въ полку не болѣе 10—12 писарей и столько же фельдшеровъ, но все-таки ухитрились подѣлить ихъ: на Рядовыхъ, Унтеръ-офицеровъ, Взводныхъ и Вахмистровъ, забывая, что какъ не можетъ быть Полковника безъ полка и Ротмистра безъ роты, такъ не можетъ быть Вахмистра безъ роты и Взводнаго безъ взвода. Давать этимъ людямъ болѣе крупные оклады еще можно; да и то несправедливо! служба и тѣмъ болѣе нижняго чина—одинакова, и она какъ и офицерская служба имѣетъ свои облегчающія и тяжелыя относительно строевой службы стороны. И кого всѣ эти господа будутъ лечить и расписывать, если солдатъ не будетъ? Къ тому же если заставить ихъ обмѣняться ролями, то изъ строеваго унтеръ-офицера въ какихъ нибудь два мѣсяца выйдетъ и прекрасный писарь и весьма толковый фельдшеръ мы видимъ это каждый день; а изъ фельдшера или писаря въ годъ не сдѣлаешь мало-мальски сноснаго строеваго унтеръ-офицера. А уже давать имъ крупные несоотвѣтствующіе чины невозможно, потому-что это нарушаетъ общую гармонію и ведетъ къ фабрикаціи новыхъ чиновъ, какъ напримѣръ въ этомъ случаѣ: старшихъ и даже *полковыхъ* писарей и старшихъ фельдшеровъ понапроизводили цѣлую фалангу, такъ-что вотъ этимъ двумъ господамъ и названій уже не хватило! Такъ за чѣмъ же дѣло стало? валяй въ *«Благородіи»*—и весь сказъ! Къ тому же большинство этихъ господъ воспитываются въ фельдшерскихъ и писарскихъ школахъ, съ паркетами, зеркалами и. т. п. цивилизованными прелестями, ходятъ они тамъ въ тонкомъ суннѣ, обращаются съ ними на Дворянскій *штиль*, лучше пожалуй, чѣмъ въ бывшихъ кадетскихъ корпусахъ, зовутъ ихъ не кантонистами, а *молодые люди*, такъ какъ же имъ послѣ всего этого надѣть толстую шинель, жить въ одной казармѣ съ вонючими солдатами, ѣсть ихъ грубую пищу и. т. д. Разумѣется, что начальство ихъ, само разрядившееся въ эполеты, шашки, шпоры, красныя подкладки и почти-что обособившееся уже въ особое министерство, выхлопатываетъ и птенцамъ своимъ разныя льготы, и вотъ является въ полкъ фигура: ни офицеръ, ни нижній чинъ, а такъ ужъ Богъ его знаетъ кто и что такое, но только *«Ваше Благородіе»* и деньщика ему подай! жалованья получаетъ рублей 20 въ мѣсяцъ, но говоритъ: «Да развѣ можно жить на это *чиновнику*, да еще семейному»!

а былъ бы не чиновникъ, а просто *фершалъ* или *писырь*, то, получая эти 20 рублей, благодарилъ бы Бога, потому-что Фельдфебели и Вахмистры и тѣ, получая гораздо меньше, и тоже семейные, живутъ припѣваючи. Да! ужъ послѣ этой Крымской войны все нестроевое и придаточное быстро пошло въ гору на счетъ строеваго, главнаго, будто строевыя войска провинились, не сдѣлали все, что могли и просили поспѣшнаго заключенія мира.

Но перейдемъ къ чинамъ болѣе крупнымъ: кончивъ командованіе эскадрономъ или сдавъ должность *Полковаго Повѣреннаго*, Ротмистры должны получать Дивизіонъ съ производствомъ въ Подполковники, которыхъ въ полку только *два*; одинъ изъ нихъ кромѣ командованія дивизіономъ есть помощникъ командира полка по строевой части и вмѣстѣ съ тѣмъ председатель полковаго суда (собирается очень рѣдко), а другой Подполковникъ есть помощникъ по хозяйственной части. Если Подполковники эти окажутся вполнѣ способными, то по истеченіи трехъ лѣтъ командованія дивизіонами слѣдуетъ записывать ихъ кандидатами на полученіе полка, съ полученіемъ каковаго производить въ чинъ Полковника. Подполковники, не удовлетворяющіе необходимымъ условіямъ, но вполнѣ годные на своемъ мѣстѣ, остаются на нихъ, покуда сами пожелаютъ или выслужатъ полный пенсіонъ. По прошествіи трехъ лѣтъ Полковники: 1) прошедшіе Академическій курсъ, 2) сдѣлавшіе видныя военныя отличія во время ***командованія полками*** и 3) пожелавшіе держать экзаменъ и выдержавшіе оный—должны быть записаны кандидатами на должность ***Помощника*** Начальника дивизіи, каковую получаютъ по открытіи только вакансіи, но остаются въ томъ же чинѣ Полковника. Полковники, не удовлетворяющіе этимъ условіямъ, но вполнѣ годные на своемъ мѣстѣ, остаются наономъ, пока пожелаютъ и выслужатъ полную пенсію. Помощники Начальниковъ дивизій по открытіи вакансіи получаютъ дивизію съ производствомъ въ Генералы. Разумѣется, что послѣ этого Генералу, прошедшему такія инстанціи, никому и въ голову не придетъ предложить командовать ротою (хотя бы Пажеской), комнатою, или отдѣленіемъ.

Штабъ дивизіи совершенно излишне имѣть въ такомъ многочисленномъ какъ теперь составѣ; будетъ вполнѣ достаточно: Начальникъ дивизіи, *одинъ* помощникъ, замѣняющій его въ случаѣ болѣзни, Адъютантъ по строевой части, Адъютантъ по хозяйственной части и Докторъ. А для того, чтобы разъ навсегда вытрясти изъ фронтовой службы забравшійся въ нее *«Департаментанизмъ»* и прекратить всякую возможность подвигаться въ чинахъ инымъ путемъ, слѣдуетъ безусловно и не обманывая себя признать разъ навсегда: 1) что Ротою долженъ командовать ***только*** Ротмистръ, Дивизіономъ ***только*** Подполковникъ и Полкомъ ***только*** Полковникъ; а потому лицамъ, командующимъ несообразными съ ихъ чиномъ командами, въ учебныхъ ли заведеніяхъ или гдѣ бы то ни было,

слѣдуетъ или сидѣть на своихъ мѣстахъ всю жизнь безо всякаго повышенія и пользоваться удобствами своихъ мѣстъ, или уступить мѣста эти другимъ Офицерамъ, а самимъ идти въ полкъ, для дальнѣйшаго движенія, но безо всякихъ сокращенныхъ балаганныхъ сроковъ, напр. откомандовать баталіономъ 4 мѣсяца; да онъ и Офицеровъ-то въ лицо не узнаетъ, а не то чтобы познакомиться съ войсковымъ бытомъ, а потомъ—смотришь, и ляпнетъ какое нибудь такое Правило или Уставъ, что только диву даешься, и 2) что нѣтъ, не можетъ и не должно быть Пѣхотнаго Генерала, Генеральнаго Штаба Генерала, Артиллерійскаго Генерала и т. д., а есть и долженъ быть *просто* Генералъ, т. е. человѣкъ, умѣющій хорошо управляться съ большимъ количествомъ войскъ *всѣхъ родовъ оружія*, для чего слѣдуетъ:

а) не увлекаться составленіемъ слишкомъ крупныхъ, ни къ чему не нужныхъ тактическихъ одного рода оружія единицъ, и

б) измѣнить теперешній составъ Дивизій.

1) Практика показываетъ, что для пѣхоты самая крупная самостоятельная единица есть полкъ; для конницы тоже полкъ: для саперъ—батальонъ, а для артиллеріи—батарея, которая и теперь приравнивается баталіону пѣхоты и дивизіону конницы, но составъ которой долженъ быть измѣненъ для того, чтобы Подполковнику было чѣмъ командовать и чтобы батарею можно было подраздѣлить на небольшія части, соотвѣтствующія поступательному движенію: *пяти* Прапорщиковъ, *трехъ* Поручиковъ и *двухъ* Капитановъ, для чего была бы вполнѣ достаточна батарея изъ 12-ти орудій, съ подраздѣленіемъ на двѣ полу-батареи и на четыре взвода, которые можно было бы, въ случаѣ надобности, откомандировывать отъ батареи на необходимое время, такъ какъ посылаютъ теперь эскадронъ или роту изъ полка. Тогда Подполковниковъ имѣли бы всѣ роды оружія, а Полковниковъ только пѣхота и конница; почему всѣ Подполковники, гдѣ бы они ни находились, возымѣвшіе желаніе двигаться по службѣ дальше, обязаны были пройти сквозь вторыя очистительныя ворота, т. е. командовать пѣхотными и конными полками съ производствомъ въ Полковники, для чего Подполковники всей Россійской арміи должны состоять въ одной общей линіи и получать полки, какой кому выпадетъ на долю, при чемъ даже было бы полезно пѣхотнымъ давать кавалерійскіе и на оборотъ, причисляя конную артиллерію къ конницѣ, а пѣшую и саперъ къ пѣхотѣ. Кавалерійскимъ Подполковникамъ будетъ очень легко командовать пѣхотными полками, а пѣхотному Подполковнику дать кавалерійскій невозможно, возразятъ иные; «онъ разныхъ мелочей не знаетъ, а традиціи и проч.»? Традиціи и т. п. ерунду можно оставить Юнкерамъ и Корнетамъ и помнить, что именно эти школьничества и мѣшаютъ дѣлу стать на настоящую ногу и что это самая лучшая школа для подготовки будущихъ Генераловъ; человѣкъ, которому поручаютъ традиціи и честь одного полка, одинаково

поддержитъ *настоящія* традиціи другаго полка; если онъ не будетъ знать кой-какихъ мелочей, т. е. вѣрнѣе ухватокъ, вырабатываемыхъ близкимъ соприкосновеніемъ къ дѣлу, то онъ съ бо̀льшимъ чѣмъ кавалерійскій Подполковникъ вниманіемъ и тщательностью отнесется къ Уставу и найдетъ тамъ все, что ему необходимо, потому-что не кабалистика и не алхимія же въ самомъ дѣлѣ наша кавалерійская служба. Затѣмъ Подполковники, зная, что имъ предстоитъ неизвѣстность, озаботятся исподоволь изучить или повторить незнакомые имъ Уставы, и наконецъ слѣдуетъ предоставить имъ нѣкоторые къ тому способы, такъ какъ это есть дѣло Государственной необходимости. Прокомандовавъ лѣтъ 6—7, а можетъ и болѣе, полкомъ—потому-что тогда уже не придется скакать по теперешнему—онъ понесетъ съ собою дальше вполнѣ усвоенныя знанія. Поступать иначе слишкомъ убыточно и не цѣлесообразно, какъ вполнѣ показываетъ намъ двухсотлѣтній опытъ. Тогда будетъ дѣйствительно существовать неразрывная связь въ войскахъ, не будутъ попадаться Полковники и Генералы, хорошо знающіе одну отрасль и имѣющіе самое смутное понятіе о другой, а также Начальники дивизій, ничего кромѣ сигналовъ незнающіе, живущіе только указаніями своихъ начальниковъ штаба и потому принужденные сидѣть въ обозѣ во время войны. А послѣ этого будетъ уже неловко называть самый высокій генеральскій чинъ его теперешнимъ названіемъ: *Генералъ отъ Кавалеріи!* это что такое? а просто Полковникъ, т. е. человѣкъ, который не командовалъ, да и не можетъ командовать бо̀льшей единицей чѣмъ кавалерійскій полкъ. *Генералъ отъ Артиллеріи*—ну, батарейный командиръ и есть—никакъ не больше! А поэтому всѣмъ Генераламъ вообще слѣдуетъ имѣть одну общую форму, не Артиллерійскую, Генеральнаго Штаба, Саперную и т. д., а *просто* Генеральскую, которую слѣдуетъ придумать очень красивую и внушительную, сообразно этому высокому воинскому чину. Лица настоящей **Государевой** свиты должны имѣть свою особую форму, а прочія лица, носящія теперь свитскій мундиръ (пока они не переведутся), должны носить вензеля и эксельбанты на новой формѣ, въ каковой и быть всюду. Лица, которымъ пожалованъ полковой мундиръ, должны имѣть только этотъ одинъ мундиръ, а тѣ изъ нихъ, которые числятся кромѣ того въ свитѣ должны носить вензеля и эксельбанты на этомъ полковомъ мундирѣ и никакого другаго мундира не имѣть—что будетъ и не сбивчиво и не дорого, а главное, этимъ уничтожится послѣдній поводъ къ обособливаньямъ.

2) ***Дивизію*** слѣдуетъ составить такъ: въ Гвардіи численное соотношеніе между собою различныхъ родовъ оружія слишкомъ не пропорціонально, а потому слѣдовало бы нѣсколько конныхъ полковъ перевести въ армію, на что никто не обидѣлся бы; нижнимъ чинамъ все равно, а офицерамъ можно оставить ихъ содержаніе и титулы (Высокоблагородіе), пока не войдутъ въ колею; будетъ ужъ баловаться! Возможно ли на 12

полковъ Пѣхоты держать 12 полковъ Конницы? Кирасиръ трогать нельзя, потому-что это единственная на всю Россію Дивизія; а Лейбъ-Драгунъ, Варшавскихъ Уланъ, Гродненскихъ Гусаръ и Атаманцевъ слѣдовало бы перевести въ Армію. Лейбъ-Гусарамъ можно было бы дать 2, 4 и 6 эскадронамъ форму Гродненскихъ Гусаръ; Лейбъ-Уланскій переименовать въ Уланскій ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, а Лейбъ-Казачій переименовать въ *Атаманскій*, давъ 2, 4 и 6 эскадронамъ голубую форму; но если оставить по прежнему, то Гвардію придется раздѣлить на *пять* дивизій: *три*—состоящія изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ конницы и двухъ пѣшихъ батарей; *одну*—состоящую изъ 3-хъ полковъ пѣхоты, 2-хъ конницы и 2-хъ конныхъ батарей, и *одну*—состоящую изъ 5-ти баталіоновъ стрѣлковъ и саперъ, 4-хъ полковъ конницы (кирасиры) и одной конной батареи. Въ случаѣ нужды можно отбирать часть этой артиллеріи для составленія корпуснаго резерва вмѣстѣ съ Артиллеріей, не вошедшей въ составъ Дивизій. А въ Арміи придется составить или *шестьдесятъ* дивизій, состоящихъ изъ *трехъ* полковъ пѣхоты и *одного* коннаго, съ распредѣленіемъ имѣющихся теперь пѣшихъ и конныхъ батарей, стрѣлковыхъ и саперныхъ баталіоновъ, или же *сорокъ пять* дивизій, состоящихъ изъ 4-хъ полковъ пѣхоты и *одного* коннаго съ прибавленіемъ артиллеріи, стрѣлковъ и саперъ, а изъ оставшихся 15-ти конныхъ полковъ сдѣлать хотя бы *пять* дивизій въ видѣ особаго кавалерійскаго резерва, который можно направить по усмотрѣнію; но это будетъ лишнее, потому-что: 1) можетъ сейчасъ же породить какую-то обособленность и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлую фалангу ненужныхъ начальниковъ, отъ чего избави Боже и, 2) въ случаѣ надобности можно всегда соединить конницу 2, 3 и даже болѣе дивизій и поручить дѣйствіе оною одному изъ Начальниковъ этихъ дивизій, а прочими войсками его дивизіи будетъ командовать его Помощникъ, или на оборотъ, только ни подъ какимъ предлогомъ не давать командовать какому нибудь хранящемуся дотолѣ въ тайникахъ и прилетѣвшему фазану-благодѣтелю.

Въ военное время составъ дивизіи можетъ быть измѣненъ сообразно надобностямъ; а въ краяхъ, подобныхъ: Сибирскому, Туркестанскому, Закаспійскому и т. д. дивизіи или вѣрнѣе отряды могутъ быть составляемы изъ отдѣльныхъ баталіоновъ и эскадроновъ, т. е. не требуется вовсе сгонять всю дивизію въ кучу, а это показываетъ, какое количество Начальниковъ дивизій съ ихъ Помощниками имѣютъ право назначать туда и слѣдуетъ ли назначать туда особаго Военачальника, старшаго нежели Начальникъ дивизіи. При чемъ Военачальникъ этотъ, обязанный знать въ совершенствѣ свое дѣло, вовсе не обязанъ быть хорошимъ администраторомъ, почему можно, а иногда и слѣдуетъ, назначать въ такіе края, а также и мѣстности объявленныя на военномъ положеніи, гражданскихъ Сановниковъ, которые должны считаться старшимъ лицомъ, вести свое

дѣло, но въ войсковое не вмѣшиваться, а въ случаѣ надобности, приказать старшему Военачальнику сдѣлать то-то и то-то. Между гражданскими Сановниками найдется много людей весьма энергическихъ, но знающихъ извѣстный край и правила администраціи гораздо лучше строеваго генерала. Однимъ изъ примѣровъ можно видѣть на извѣстномъ графѣ Муравьевѣ, которому дали впрочемъ въ придачу военный мундиръ; но нагналъ онъ холоду и боялись-то не эполетъ его, а его самого. Подполковникамъ сказанныхъ выше окраинъ исключенія не должны быть допускаемы ни подъ какимъ предлогомъ, и они должны пріѣзжать командовать полками, которые достанутся имъ по очереди, въ мѣстности, гдѣ таковые расположены, и изъ этого будетъ еще большая польза дѣлу: лица эти будутъ заносить въ полки полезныя улучшенія и особенности, добытыя походной жизнью и прочими своеобразными условіями, въ которыя поставлены войска дальнихъ окраинъ—что сроднитъ и сплотитъ еще болѣе все войско.

Въ мирное время воспитаніе и вообще весь механизмъ командованія частей дивизіи должны всецѣло лежать на отвѣтственности Начальника дивизіи, при чемъ Генералъ-инспекторы должны слѣдить за правильнымъ ходомъ дѣла своего рода оружія, дѣлать смотры, необходимыя замѣчанія, но не иначе какъ самому Начальнику дивизіи, т. е. не должны имѣть никакого непосредственнаго сношенія съ войсками и тѣмъ не подвергать ихъ зависимости и подчиненности двумъ начальствамъ. Двѣ—три, а иногда и болѣе дивизій будутъ составлять корпусъ; начальникомъ корпуса слѣдуетъ назначать генерала, откомандовавшаго дивизіей и Помощникомъ ему такого же генерала, но младше, т. е. лицо, всегда готовое замѣнить его. Начальника штаба вовсе не нужно; да и какой же это штабъ, состоящій изъ 12-ти писарей и двухъ поручиковъ? просто канцелерія или правленіе: Полковое правленіе, Дивизіонное правленіе, Корпусное правленіе; это и понятнѣе и не такъ пышно; въ правленіи этомъ всего два стола, по хозяйственной части и по строевой, начальниками коихъ могутъ быть два хорошіе писаря, и начальникомъ всего правленія *Чиновникъ*,—вотъ тутъ онъ совсѣмъ на мѣстѣ, потому что адъютанты, какъ въ Дивизіи, такъ и здѣсь, даны вовсе не за тѣмъ, чтобы сидѣть за столами, а чтобы исполнять разныя строевыя должности; а то вѣдь все равно, вмѣсто нихъ требуютъ изъ войскъ разныхъ ординарцевъ, состоящихъ *при* и *по* и т. д.

Послѣ Корпусныхъ командировъ слѣдуютъ Фельдмаршалы и разные высшіе штабы и управленія. Въ званіе Фельдмаршаловъ, какъ прежде такъ и теперь, возводились и возводятся особы, вполнѣ этого высокаго званія достойныя.

На счетъ округовъ можно сказать слѣдующее: Округа—учрежденіе полезное и даже необходимое, но такъ какъ это есть дѣленіе не боевое, а мѣстное и хозяйственное, то число ихъ слѣдовало бы сократить значительно

и безъ особой нужды не подчинять имъ войска въ строевомъ отношеніи; для Европейской Россіи вполнѣ достаточно было бы четырехъ округовъ и за тѣмъ понадобились бы еще: Восточно-Сибирскій, Западно-Сибирскій, Туркестанскій, Закаспійскій и Кавказскій. Начальниками округовъ слѣдуетъ назначать генераловъ, откомандовавшихъ корпусомъ; помощниками— генераловъ, откомандовавшихъ дивизіями, затѣмъ нѣсколькихъ адъютантовъ, а всѣ остальные должны быть военные чиновники.

Военное Министерство должно быть самымъ виднымъ, старшимъ и неимѣющимъ себѣ равныхъ во всемъ военномъ учрежденіи правленіемъ; точно такимъ же лицомъ долженъ быть въ военномъ мірѣ и Военный Министръ; но къ сожалѣнію, на дѣлѣ выходитъ вовсе не то; всякіе второстепенныя и даже третьестепенныя отрасли военнаго дѣла, въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, а въ особенности въ послѣднее время, ростущія какъ грибы послѣ дождя и разростающіяся все больше и больше, окружили, сбили съ позиціи и совсѣмъ заслонили отъ войскъ Военное Министерство; такъ напримѣръ, Военное Министерство имѣетъ штабъ и академію, и артиллерійское и инженерное вѣдомства устроили себѣ тоже самое и держатъ себя самостоятельными министерствами; за ними тянутся и другіе роды войскъ и если бы отъ этого происходила польза дѣлу, то оно могло бы быть еще извинительно; но такъ какъ ничего кромѣ вреда и разногласія не выходитъ, то Военному Министерству не мѣшало бы привести всѣ эти управленія на надлежащую точку и свести съ ними счеты.

Военному Министру необходимо имѣть слѣдующихъ помощниковъ или Генералъ-Инспекторовъ, *по строевой части*, изъ числа Генераловъ, откомандовавшихъ дивизіями и получающихъ одинаковый съ ними окладъ: 1) по пѣхотѣ (въ томъ числѣ и бывшіе стрѣлковые баталіоны); 2) по конницѣ (въ томъ числѣ и казачьихъ войскъ); 3) по артиллеріи (только строевая часть); 4) по инженернымъ войскамъ (бывшіе саперные баталіоны) и 5) по флоту (только фронтовые корабли) начальникомъ долженъ быть первый, т. е. младшій морской генеральскій чинъ, соотвѣтствующій Начальнику Дивизіи. Этимъ помощникамъ слѣдуетъ дать по два адъютанта, а всѣ остальные чины должны быть военные чиновники и писать. Кромѣ этихъ пяти Генераловъ могутъ быть назначаемы еще *Почетные* Генералъ-Инспекторы или Шефы. Затѣмъ должны быть у Военнаго Министра помощники по *нестроевой* части, въ чинѣ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, имѣющихъ въ своемъ вѣдѣніи слѣдующіе Департаменты: 1) по судебной части (и для сухопутныхъ и для флотскихъ войскъ общій); 2) по медицинской части (общій); 3) по интендантской части (общій) и 4) по инженерной части (общій), съ подраздѣленіемъ на *Отдѣленія*: а) *Архитектурное* завѣдуетъ казармами, всевозможными казенными зданіями, сухопутными и морскими крѣпостями, блокгаузами, портами и. т. д.; б) *Понтонное*—завѣдуетъ устройствомъ военныхъ телеграфовъ, телефо-

новъ и всякой тому подобной штукой, Инженерными и Артиллерійскими парками и всякой касающейся этого работою, и в) *Техническое*—завѣдуетъ сухопутными и морскими арсеналами, оружейными, патронными и пороховыми заводами, выдѣлкой, пробою и улучшеніемъ всякаго рода орудій, броней и. т. п. машинъ. Во всѣхъ этихъ Департаментахъ, кромѣ судебнаго, всѣ младшіе чины должны быть образованными военными чиновниками, а въ медицинскомъ—доктора. Но главное заключается въ томъ, чтобы поселить все это Министерство въ полномъ составѣ въ *одно* зданіе, для чего занять всю находящуюся по ту сторону арки часть, а находящимся тамъ Министерствамъ, уступить оказавшіяся порожнія зданія Артиллерійскаго Инженернаго и прочихъ не въ мѣру разросшихся Управленій для того, чтобы они безпрестанно помнили, что они такое есть.

Хотя все разсказанное здѣсь далеко не новость, поднималось уже разновременно, неоднократно (правда, по частямъ, безъ общей связи) и встрѣчало всегда самый энергическій отпоръ, то само собою разумѣется, что и теперь противъ этого поднимутся тысячи голосовъ, изъ которыхъ нѣкоторые приведутъ дѣльные доводы, чего дай Богъ побольше, потому что умъ хорошо, а два лучше; но большинство будетъ противиться этому единственно изъ-за личныхъ цѣлей, т. е. изъ опасенія остаться за штатомъ, что тоже весьма понятно. Но такъ какъ совершить эту перемѣну оказывается дѣломъ неотложной необходимости, то надо исполнить ее не колеблясь, какъ можно скорѣе, пока война не застала, и какъ можно безобиднѣе для служащихъ, а именно: надо употребить тоже невинное средство, которое было употреблено во времена оно, т. е. вычурныя иностранныя названія замѣнить вполнѣ понятными русскими: 1) Эскадроны и роты переименовать въ *сотни*, 2) Баталіоны, дивизіоны и батареи въ *Дружины*, подраздѣливъ артиллерійскую на двѣ сотни (въ 6 орудій) и каждую сотню на два взвода (въ 3 орудія). 3) Полки такъ и оставить полками. 1) Всѣхъ лицъ, командующихъ сотнями, отъ подпоручичьяго до полковничьяго чина включительно, переименовать въ *Сотники*, давъ имъ по пяти звѣздочекъ на оберъ-офицерскіе эполеты (еще ни у кого не было такъ много звѣздочекъ) и сохранить каждому получаемое нынѣ содержаніе, титулъ Высокоблагородія, у кого есть, и двухъ деньщиковъ, пока не подвинутся по службѣ и не войдутъ въ общую колею. 2) Лицъ, командующихъ дружинами, начиная съ маіора до генералъ-маіора включительно, переименовать въ *Дружинники*, давъ имъ на штабъ-офицерскіе эполеты по четыре звѣздочки (тоже прежде ни у кого не было) и сохранивъ каждому получаемыя нынѣ содержанія, титулъ Превосходительства, у кого есть, и 3-хъ деньщиковъ. 3) Младшихъ строевыхъ офицеровъ, не получившихъ еще сотни, раздѣлить на двѣ категоріи, т. е. ротмистровъ, штабсъ-капитановъ и поручиковъ, сообразно имѣющихся теперь на чинъ поручика вакансій, переименовать въ Есаулы,

давъ имъ по четыре звѣздочки и получаемое каждымъ теперь содержаніе, пока не войдутъ въ общую колею, а остальныхъ офицеровъ, т. е. поручиковъ, подпоручиковъ и корнетовъ переименовать въ *Хорунжіе*, давъ имъ по 3 звѣздочки и получаемое каждымъ содержаніе. 4) Адъютантовъ, всякихъ *по* и *при*, плацевъ и. т. п. публику, никогда ничѣмъ не командовавшихъ, или командовавшихъ очень мало, отъ поручичьяго до полковничьяго чина включительно переименовать въ Есаулы съ предоставленіемъ права вернуться въ полки, но стать ниже офицеровъ, командующихъ сотнями, а если пожелаютъ, могутъ надѣть чиновничій мундиръ. 5) Полковниковъ, Подполковниковъ, Капитановъ и Штабсъ-Капитановъ Генеральнаго Штаба немедленно распредѣлить по полкамъ и первымъ двумъ дать дружины съ переименованіемъ въ *Дружинники*, а послѣднимъ дать сотни съ переименованіемъ въ *Сотники*. 6) Лицъ, командующихъ полками, отъ подполковниковъ до генералъ-маіоровъ включительно, назвать полковниками, съ сохраненіемъ каждому получаемаго нынѣ содержанія, титуловъ и старшинства (старшинство сохраняется и всѣмъ прочимъ строевымъ офицерамъ, кромѣ адъютантовъ, плацовъ, *при* и *по*) и съ присвоеніемъ теперешнихъ полковничьихъ эполетъ, но съ добавленіемъ на шапку галуна на крестъ, султана въ родѣ гусарскаго, но еще короче, и длинныхъ шарфовъ съ кистями,—отличіе, которое отнюдь не должно быть дано командирамъ отдѣльныхъ Дружинъ и Сотенъ, а то должности эти опять живо сравняются. 7) *Бригады*, какъ дѣленіе, ни къ чему не нужное, упразднить вовсе и вездѣ. Строевыхъ Генераловъ, начиная отъ *Начальника дивизіи и выше* переименовать въ Атаманы (а теперешнихъ Атамановъ—въ Гетманы), давъ имъ новую красивую форму, съ сохраненіемъ эполетъ (но безо всякихъ звѣздочекъ) и всего получаемаго теперь содержанія. 8) *Теперешніе бригадные Генералы* должны быть переименованы въ помощники начальниковъ дивизій и имъ должно быть оставлено теперешнее Генеральское названіе и форма (пока они не переведутся), но отнюдь не переименовывать ихъ въ Атаманы и не давать новой формы; только они должны считаться *за*, т. е. «*за* Помощника начальника дивизіи Генералъ-Маіоръ такой-то»; тѣмъ же изъ нихъ, которые окажутся лишними, равно какъ и оставшимся послѣ упраздненія артиллерійскихъ, саперныхъ и стрѣлковыхъ бригадъ, придется остаться пока за штатомъ, предоставивъ тѣмъ изъ нихъ, которые вовсе не командовали полками, или командовали ими мало, право снова получить таковые впредь до открытія вакансій въ Помощники; этимъ Генераламъ придется ждать не долго, потому-что очень многіе начальники дивизій окажутся несоотвѣтствующими и должны будутъ уйти, тѣмъ болѣе что они выслужили уже свои пенсіи. 9) *Начальниковъ штабовъ* корпуса и округа, кого переименовать въ помощники къ этимъ лицамъ, а кому дать Дивизіи и Корпуса, разумѣется съ переименованіемъ въ Атаманы и съ новой

формой. 10) *Генераловъ*, всю жизнь ничѣмъ не командовавшихъ и не бывшихъ во фронтѣ (техники), кромѣ самаго ограниченнаго числа находящихся во главѣ Управленій Генераловъ генеральнаго штаба или уволить въ отставку, или переименовать въ дѣйствительные статскіе совѣтники, потому-что они не могутъ быть допущены во фронтъ ни подъ какимъ предлогомъ. 11) *Начальники крѣпостей* должны быть переименованы въ Полковники (помощниковъ начальниковъ дивизій) и имѣютъ ходъ дальше не иначе, какъ получивъ дивизію. Атамановъ на эти должности назначать не слѣдуетъ, потому-что во время войны собравшіяся въ крѣпости и около нея войска будутъ имѣть своего Военачальника. Начальниками почетныхъ крѣпостей, въ родѣ Петропавловской, должны быть назначаемы Атаманы, откомандовавшіе уже дивизіей, въ видѣ награды, а крѣпостей ничтожныхъ, въ родѣ Бендеръ—чиновники инженернаго вѣдомства. 12) *Воинскихъ Начальниковъ* раздѣлить на двѣ категоріи, приравнявъ къ сотнямъ и дружинамъ, т. е. переименовавъ въ *Сотники* и *Дружинники*, съ сохраненіемъ пока получаемаго каждымъ содержанія и титула, потому-что у нихъ работа больше канцелярская и они не имѣютъ строевыхъ частей больше баталіона; на эти мѣста слѣдуетъ назначать израненыхъ Офицеровъ, которые должны кончать службу на мѣстѣ Дружинника, или здоровыхъ, которые для подвиганія по службѣ должны получать дружины въ полкахъ и идти общей дорогой. Наконецъ послѣдняя строевая отрасль: 13) *Полевыя жандармскія сотни* (въ мирное время взводы) должны состоять изъ слѣдующихъ чиновъ: Начальникъ сотни—корпусный комендантъ—долженъ быть переименованъ въ Дружинника; теперешній помощникъ или командиръ сотни (завѣдуетъ собственно нижними чинами)—въ Сотника, слѣдующіе за тѣмъ, по старшинству, два Офицера должны быть переименованы въ Есаулы, а остальные, которыхъ должно быть четыре—въ Хорунжіе. Офицеры этой сотни должны исполнять то, что дѣлаютъ теперь «Плацы». При теперешнемъ порядкѣ гвардейская жандармская команда имѣетъ на 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ двухъ Полковниковъ, одного Ротмистра и двухъ штабсъ-ротмистровъ, т. е. *пять* штабъ-офицеровъ и еще нѣсколько оберъ-офицеровъ, которые, равно какъ и всѣ нижніе чины, не дѣлаютъ круглый годъ ровно ничего, за исключеніемъ полутора мѣсяцевъ лагернаго времени, во время котораго они исполняютъ кой-какія дежурства. По роду обязанностей этихъ офицеровъ (замѣнителей «Плацовъ») слѣдуетъ пускать въ эту команду офицеровъ болѣе солидныхъ, почему и Хорунжіе могутъ быть допущены не прежде, какъ по прослуженіи ими въ полкахъ четырехъ лѣтъ; они могутъ подвигаться по службѣ или въ своей командѣ и сдѣлавшись Дружинникомъ, переходить въ полицейскіе жандармы, или записаться кандидатами на полученіе дружины въ полку (потому-что обязанности ихъ довольно далеки отъ фронта) и за тѣмъ быть на общей дорогѣ, или они могутъ записы-

ваться въ чинѣ сотника, т. е. не ранѣе какъ покомандовавъ годъ сотней у себя, кандидатомъ на сотню въ какомъ нибудь полку. Обязанности Полевыхъ жандармовъ въ военное время весьма полезны и почетны, если исполнять ихъ какъ слѣдуетъ и требуютъ серьезной подготовки въ мирное время; но какъ бы хорошо ни были подготовлены 30 человѣкъ (составъ мирнаго времени), то набранные откуда ни попало, передъ войной, еще 120 неподготовленныхъ людей, окончательно портятъ все дѣло и всѣ труды мирнаго времени; почему слѣдовало бы держать Полевыхъ Жандармовъ постоянно по военному составу, т. е. Сотню вмѣсто взвода.

При соблюденіи этого порядка никто не вправѣ роптать и считать себя обиженнымъ, потому-что каждый сохраняетъ то, что имѣетъ теперь и каждому предстоитъ получить то, что предстояло бы и при прежнемъ порядкѣ. Мѣру эту слѣдовало бы объявить за полгода впередъ, чтобы всякій имѣлъ возможность принять свои мѣры и разсудить, что выбрать.

XIII. Учебныя войска.

Всѣ эти Учебные батальоны и эскадроны, при теперешнихъ короткихъ срокахъ службы нижнихъ чиновъ, не приносятъ ровно никакой пользы, потому-что выпускаемымъ оттуда унтеръ-офицерамъ приходится служить слишкомъ не долго въ своихъ полкахъ, всего годъ, полтора, послѣ чего они уходятъ въ отпускъ, забываютъ все, а полки остаются опять безъ Ученыхъ унтеръ-офицеровъ—слѣдовательно овчинка не стоитъ выдѣлки. А въ отношеніи офицеровъ заведенія эти приносятъ положительный вредъ. Во первыхъ, кого они обучаютъ? небольшую горсть офицеровъ! а потомъ чему они обучаютъ? тому, что каждый офицеръ долженъ или долженъ былъ знать при производствѣ въ офицеры! И такъ существованіе этихъ учебныхъ частей, пускающихъ только пыль въ глаза, какъ бы узаконяваетъ и мирится съ теперешнимъ порядкомъ веденія въ полкахъ службы, при которомъ полки не въ состояніи выработать себѣ сами: унтеръ-офицеровъ, эскадронныхъ, полковыхъ командировъ и военачальниковъ, а все это фабрикуется гдѣ-то индѣ, каковой фабрикаціей полки и награждаются разновременно и особливо передъ войною, а потому всѣ эти Учебныя части съ неоднократными попытками перекроить ихъ на офицерскія школы, сирѣчь на Академіи, въ сущности только первый шагъ къ образованію изо всякаго рода оружія самостоятельныхъ Министерствъ, что дѣлается вовсе не ради пользы, а ради созданія наивозможно большаго количества покойныхъ *мѣстъ*. Уже Инженерное и Артиллерійское Министерства съ обособившимися учебными заведеніями, войсками, Академіями и хозяйствомъ—есть; такъ вотъ будутъ и Пѣхотное, Стрѣлковое и Кавалерійское Министерства, которыя разсыпятся въ свою

очередь въ Министерства: фехтованія на штыкахъ, фехтованія на сабляхъ, ѣзды, ковки и т. д., которыя всѣ будутъ существовать сами по себѣ, а Военное Министерство и полки сами по себѣ, а передъ всякой войной весь этотъ винигретъ будутъ смѣшивать, склеивать, но въ итогѣ получится все-таки винигретъ. Глядя на этотъ порядокъ, каждый въ правѣ заключить, что—или Военно-учебныя заведенія ничего не дѣлаютъ, или полки, или тѣ и другіе вмѣстѣ. Если ничего незнающій крестьянскій парень поступивъ, положимъ, хоть къ часовому мастеру, кончаетъ тѣмъ, что черезъ 10—15 лѣтъ прилежной работы самъ въ состояніи сдѣлать часы или тому подобную сложную машину, то можно-ли въ серьезъ допустить, чтобы служба въ войскѣ была не въ состояніи выработать себѣ того, что ей необходимо для войны; чтобы офицеръ, кончившій курсъ въ учебномъ заведеніи и пробывъ 10—12 лѣтъ во фронтѣ, не могъ сдѣлаться хорошимъ эскадроннымъ командиромъ, а пробывъ на службѣ 20—25 лѣтъ, не могъ сдѣлаться годнымъ Генераломъ! а если не стараться изо всѣхъ сихъ перемѣнить порядокъ этотъ, то Генераловъ въ генеральскихъ мундирахъ у насъ будетъ очень много, но Военачальниковъ нѣтъ, и никакими затычками и полумѣрами не поможешь, затычки эти будутъ только портить дѣло все хуже и хуже. Вглядѣвшись внимательно, окажется, что и Учебныя заведенія, т. е. Военныя и Юнкерскія училища и полки дѣлаютъ по возможности все, что могутъ, и толкутся какъ въ ступѣ съ утра до вечера; но что самому толченію этому дано неправильное направленіе съ самаго начала. 1) Теперешнія военныя школы задаются черезъ-чуръ широкой и вовсе не идущей имъ задачей—сдѣлать образованныхъ людей вообще, а потомъ уже офицеровъ, дѣлать чего они не имѣютъ права, потому-что это пріобрѣтается въ ущербъ военнымъ цѣлямъ; затѣмъ они забираются въ выси поднебесныя *во второй разъ*, т. е. напичкиваютъ программы такими обширными науками, которыя понадобятся развѣ-что въ фельдмаршалскомъ званіи и которыя въ ожиданіи этого перезабудутся офицерами сто разъ; но время на изученіе всякихъ премудростей этихъ расходуется, науки или занятія приходится дѣлить на главныя и второстепенныя, и разумѣется послѣдними занимаются меньше и даже кой-какъ, между тѣмъ какъ эти *второстепенныя* науки или занятія болѣе всего и нужны въ малыхъ чинахъ, почему въ полки сплошь и рядомъ являются только-что произведенные офицеры, отвратительно ѣздящіе, неимѣющіе понятія о томъ какъ осѣдлать не только-что многосложнымъ солдатскимъ, но даже офицерскимъ сѣдломъ, и полагающихъ, что это вовсе не ихъ дѣло, потому-что каждый рядовой *обязанъ* знать сѣдлать; незнающихъ пріемовъ, командъ, стрѣльбы, конфузящихся командовать, что происходитъ, помимо незнанія, отъ неимѣнія къ тому навыка, и чего не могло бы быть, если бы ихъ упражняли этимъ въ школахъ; и вотъ вмѣсто того, чтобы быть сразу во фронтѣ какъ дома и

приступить къ немедленному обученію солдатъ, съ этими господами приходится возиться съ самими, или бросать ихъ на произволъ, и дѣло начинаетъ идти черезъ пень въ колоду. Офицеръ долженъ всегда въ совершенствѣ знать то, чему обучаетъ солдата, и если въ прежнія времена можно было смотрѣть на отступленіе отъ этого правила сквозь пальцы, то теперь при полномъ отсутствіи хорошихъ унтеръ-офицеровъ это становится вдвойнѣ его обязанностью. Прежнихъ старыхъ эскадронныхъ и ротныхъ командировъ, также прекрасныхъ 25-ти лѣтнихъ унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и мастеровъ нѣтъ. Кто же будетъ хранителемъ знанія тысячи обязанностей, которыя считаются всегда мелочными, но на которыхъ все основано? Неужели разные вольнонаемные учителя, мастера, которые смотрятъ на свой предметъ съ коммерческой точки и рады обособить его? вотъ и появилась новая статья расхода и цѣлая вереница учителей: фехтованья, волтижировки, ковки, починки ружей и. т. д., и офицеры получили какъ бы законное право не знать всего этого и вмѣсто того, чтобы обучать свой взводъ *всѣмъ отраслямъ знанія вообще, отъ перваго и до послѣдняго,* они обучаютъ его только чтенію и письму, да Уставъ еще какой-нибудь прочтутъ, остальному же всему обучаетъ частью эскадронный Командиръ, частью разные инструкторы, а частью никто. Разумѣется, что школы не могутъ поставлять завзятыхъ спеціалистовъ по этой части, но все же онѣ не должны надѣяться на солдатъ и инструкторовъ и поставлять никуда негодныхъ папичей (говорю *негодныхъ*, потому-что мелочей воспитанники ихъ не знаютъ, а для того, чтобы попасть въ *годные*, ихъ надо поучить еще года два въ Учебномъ баталіонѣ или эскадронѣ, послѣ чего они все-таки еще негодны и ихъ надо поучить года три въ Академіи), но обязаны и легко могутъ за шесть лѣтъ выучить такъ, чтобы всякій офицеръ прекрасно стрѣлялъ, умѣлъ обойтись съ ружьемъ и замѣнить одну поломанную часть другою, отлично ѣздилъ, зналъ и могъ сѣдлать, въ точности зналъ всѣ составныя части сѣдла и какъ починить его, зналъ выѣздку и уходъ за лошадью; умѣлъ сдѣлать подкову, расчистить копыто; могъ вскочить во всей аммуниціи на лошадь и соскочить съ нея; умѣлъ бы фехтовать и самъ выточить саблю и хорошо зналъ бы всѣ Уставы; чтобы между выпускными всегда находились бы *Доки-любители* по той или другой части, чтобы по производствѣ имѣющихся на лицо въ Ротмистры всегда было кѣмъ замѣнить убывшаго Инструктора. Тогда не нужно было бы тратиться на подставныхъ учителей, дѣло воспитанія войскъ пошло бы ровнѣе, а главное, не стали бы кричать зря, что то и другое изъ сбруи не годится—подавайте новое и не вводили бы казну въ незамѣтные, но громадные расходы. Вотъ черченіе плановъ необходимо кавалерійскому офицеру, но на столько, чтобы можно было только понять чертежъ; между тѣмъ офицеры послѣднихъ выпусковъ чертятъ на славу, изъ чего видно: а) что въ школахъ

на это дѣло насѣдаютъ какъ на дѣло новенькое, б) что насѣдаютъ обыкновенно на постороннія отрасли, въ предположеніи, что *свое*-молъ, *главное*, и такъ *долженъ* знать, в) что учителя по этой части *легко всюду* достать и заниматься дѣломъ этимъ *удобно*, какъ занятіемъ комнатнымъ; все же, что касается физическаго усилія и. т. п. варварства, такъ на этотъ счетъ *атанде*! всѣ хотимъ быть бѣлоручками, потому-что на трудное солдаты есть; а тѣмъ и подавно горя мало.

2) Полки употребляютъ все свое зимнее время на одиночное обученіе прибывающей массы новобранцевъ и годъ отъ году набирающихся всякаго рода недоучекъ, которыхъ необходимо поставить во фронтъ къ веснѣ. Всѣ офицеры до того заняты этимъ, что можно съ трудомъ, да и то лишь урывками, находить время для тактическихъ занятій, военныхъ бесѣдъ, офицерскихъ прогулокъ и т. п., а при этомъ условіи, эти первостатейныя занятія не могутъ имѣть долженствующаго развитія. Если выкинуть изъ Устава всѣ *ненужности*, то найдется время для систематическаго занятія тактическими предметами на практикѣ. Весною проходятъ на *скорую руку* курсъ стрѣльбы и усиленно занимаются, чтобы *съѣздить* эскадроны (что крайне необходимо), а потомъ полкъ занимается вызубриваньемъ всѣхъ нарисованныхъ въ Уставѣ построеній, при чемъ на долю аванпостной службы и тактическихъ занятій, опять выпадаетъ два—три ученья, самыя такъ сказать азбучныя, потому-что аванпосты разбиваются на учебномъ плацу, въ самыхъ миніатюрныхъ дистанціяхъ; почему отрасль эта сильно хромаетъ у насъ, и многіе считающіеся очень хорошими эскадронными командирами, не имѣютъ вовсе навыка—быстро и серьезно оцѣнить данную мѣстность и постановка цѣпи подъ угломъ, совершенно не въ томъ направленіи и съ самыми непозволительными разрывами—дѣло общее, въ чемъ мы даже и не запираемся. Предписываемыя двѣ или три проѣздки, среди зимы, не улучшаютъ, а ухудшаютъ только дѣло; онѣ столь несвоевременны и такъ мѣшаютъ лежащимъ на носу занятіямъ, что сознаетъ это даже каждый рекрутъ; первымъ дѣломъ они отобьютъ почти всѣхъ лошадей отъ повода и разболтаютъ всю нашу премудрую посадку, а смотры одиночные вотъ-вотъ на носу. Можно приказать и потребовать еще бо̀льшаго—все исполнятъ, но только какъ? И полковые командиры правы, набрасываясь на построенія и красивыя эволюціи; все это потребуется въ первую голову, потребуется Бригадными и Дивизіонными начальниками, потребуется со всею строгостью и педантичностью знатоковъ, ничего другаго кромѣ этого незнающихъ. А провѣрять ночью неправильное и непозволительное расположеніе аванпостовъ, замѣчать и поправлять ошибки—это атанде! довольно видѣли, какъ это дѣлается ими, и въ случаѣ чего-что, отговориться и остаться полку всегда правымъ—самое пустое и вѣрное дѣло. По приходѣ въ лагерь начинаются опять полковыя ученья (все по той же причинѣ), потомъ ученье всей

дивизіи (ящиками), аванпостныя ученья большими массами кавалеріи, никакой пользы не приносящія и кончающіяся всегда ерундой и балаганомъ, потому-что они происходятъ подъ руководствомъ тѣхъ же лицъ и потому-что они имѣютъ видъ програмы, которую надо отзвонить во что бы то ни стало, не останавливаясь надъ тѣмъ, что не твердо усвоено войсками; въ заключеніе ученье съ пѣхотой, съ которой мы ни чѣмъ не связаны. Между тѣмъ какъ Начальникъ дивизіи, сфомированной по новому способу, приступитъ тотчасъ же къ эволюціямъ всей дивизіей, при чемъ одному или двумъ коннымъ полкамъ придется тотчасъ же стать въ подходящую къ боевой обстановкѣ роль, ихъ будутъ тормошить, пѣхота не помилуетъ, будетъ валить на конницу, и ея, и свои вины, будетъ выказывать ихъ какъ на ладони, а все это заставитъ конницу держать ухо востро, и дѣло пойдетъ само собою на общую пользу. За тѣмъ свести двѣ дивизіи, одну противъ другой, дѣло весьма несложное и доступное для всякаго лагеря; не было бы только этихъ безцѣльныхъ маневровъ съ вѣтромъ и обозначеннымъ противникомъ (флагами), въ которыхъ всегда все шито, крыто и *обстоитъ благополучно*. А когда начальники привыкнутъ свободно управлять этимъ количествомъ войскъ, то управиться съ большимъ числомъ будетъ не такъ трудно.

Кромѣ того воспитывая Военачальниковъ (Генераловъ) теперешнимъ способомъ, поступаютъ съ ними въ высшей степени несправедливо; любой Тамерланъ или Чингисъ-Ханъ посмѣялся бы надъ нами и назвалъ бы «людьми не вѣдающими, что творятъ». Въ теперешнее время войны стали гораздо рѣже, чѣмъ прежде; другой Офицеръ, прослуживъ во фронтѣ лѣтъ 20—25, во время мирнаго затишья производится въ Генералы, и ему приходится испробовать огненнаго крещенія *въ первый разъ*, имѣя подъ своею командою многочисленный отрядъ такихъ же какъ и онъ самъ новичковъ, которые ждутъ отъ него и вправѣ ждать полной опытности, знакомства и руководства въ этой небывалой еще для нихъ исторіи. И вотъ всякій Военачальникъ, очутившійся въ подобномъ положеніи, по неволѣ труситъ, но не трусостью труса, за цѣлость своей особы, а трепещетъ того,—не говорю уже, чтобы не связать своего имени съ какой нибудь неудачей, изъ рода въ родъ передаваемой, но того, чтобы *первый блинъ* его не вышелъ *комомъ*, такъ какъ онъ хорошо знаетъ, что по теперешнимъ пересоленнымъ понятіямъ ему не простятъ того, что всякій разсудительный столяръ прощаетъ своему работнику—мальчишкѣ, портящему много хорошихъ, дорогихъ досокъ, прежде чѣмъ выучится дѣлать затѣйливые выкрутасы, во имя пословицы *«гдѣ дрова рубятъ, тамъ и щепки летятъ!»*. Всякій скульпторъ, живописецъ и т. д. переведетъ много всякаго добра, прежде чѣмъ искусство дастся ему вполнѣ; но ихъ искусство таково, что его можно добиваться изо дня въ день, сидя въ комнатѣ, а искусство Военачальника далеко не всегда сходится

съ теоріей, и практика является къ вашимъ услугамъ минутами, въ десятки лѣтъ. Если перебьютъ много народу, то разумѣется, что ихъ жаль каждаго въ отдѣльности, но въ массѣ—никогда! массы этой жаль потому, что въ данную минуту въ извѣстномъ пунктѣ окажется войска гораздо меньше, чѣмъ бы то слѣдовало; что масса потрачена другой разъ безуспѣшно, а на мѣсто ея другой и подъ руками-то близко нѣтъ—и только! Какъ тамъ ни толкуй, а оно такъ! Въ подобномъ адски-скверномъ положенія бываетъ всякій начинающій Военачальникъ; возьмемъ хоть сраженіе подъ *Горнымъ-Дубнякомъ* въ минувшую войну. Исходъ этого сраженія долженъ былъ имѣть если не рѣшающее, то во всякомъ случаѣ громадное значеніе на весь ходъ кампаніи; это чувствовалъ всякій, а потому мѣры, обезпечивающія успѣхъ, были приняты со всевозможною тщательностью, т. е. на сколько это казалось, по крайней мѣрѣ; а между тѣмъ что вышло? Росписать, загладить, умолчать, округлить впослѣдствіи—можно все! но всѣмъ бывшимъ въ сторонѣ, т. е. такъ-сказать—*моя хата съ краю, ничего не знаю*, и слышавшимъ отдѣльные эпизоды длившагося цѣлый день сраженія отъ раненныхъ, не разсчитывавшихъ можетъ быть остаться въ живыхъ, и потому съ горяча, съ пылу такъ сказать, говорившихъ всю правду-матку, какъ она есть,—ясно видно было, что побѣда одержана случайно, неожиданно, что все висѣло на волоскѣ, и вдругъ... выгорѣло! Каково должно было быть положеніе Военачальника? что вытерпѣлъ онъ за все то время? Онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать и извлечь изъ практики своей долголѣтней службы и видѣлъ, что все его прошлое и будущее виситъ на волоскѣ, который если оборвется, то уже не встать ему на ноги, никто не подниметъ, не поддержитъ, а втоптать и обвинить—это сколько угодно! «Помилуйте! перевелъ такую массу самаго отборнаго войска и понапрасну!» — и пошло!... А между тѣмъ ведись все воспитаніе войскъ болѣе цѣлесообразно, то хотя случайность и тогда не перестала бы играть важную роль, но Военачальники чувствовали бы себя во сто кратъ ближе къ истинѣ и болѣе въ своей тарелкѣ. Личности вполнѣ неспособныя, или хорошія по теоріи, но неспособныя на практикѣ, не залетали бы такъ высоко, потому-что къ нимъ присмотрѣлись бы уже давно и они застряли бы на Дружинахъ, много на Полкахъ. Для достиженія правильности зимнихъ занятій необходимо ускорить постройку казармъ, не увлекаясь ихъ массивностью и долговѣчностью, но дѣлать ихъ изо всякаго мѣстнаго матеріала, чтобы дать какъ можно скорѣе *остовъ*, т. е. отдѣльное помѣщеніе *всему полку вмѣстѣ*, отнюдь не размѣщая, какъ иные собираются, одинъ эскадронъ на одной улицѣ, а другой на слѣдующей. Лучше всего поселять полки за городомъ, гдѣ воздухъ чище, къ плацу ближе, отъ жителей дальше и имѣется возможность принять мѣры, чтобы *ни одинъ* кабакъ *никогда* не смѣлъ селиться на версту отъ полковой ограды.

Лагерямъ слѣдуетъ придать возможно болѣе подходящую къ походной жизни обстановку и располагать войска не въ деревняхъ или устроенныхъ со всѣми удобствами и прихотями лагеряхъ, а непремѣнно въ палаткахъ, съ оцѣпленіемъ оныхъ, безо всякихъ столовыхъ, лавочекъ и маркитантовъ, потому-что теперешніе лагери не подготовляютъ или воспитываютъ войска, а обманываютъ ихъ только. Пусть каждый офицеръ продовольствуется эти полтора мѣсяца съ помощью деньщика или составляя артели много въ два, три человѣка, какъ то возможно въ дѣйствительныхъ походахъ, и пусть каждый заблаговременно увидитъ, какой посудой и вещами слѣдуетъ обзавестись. Лагерь слѣдуетъ передвигать съ мѣста раза два—три въ теченіи сезона хотя бы на $^1/_4$ версты разстоянія отъ прежняго мѣста, и тогда всѣ неудобства лагерной, обозной и проч. походной сбруи, равно какъ обмундировки и аммуниціи, выступятъ тотчасъ же наружу; можно будетъ заблаговременно устранять ихъ, и войска привыкнутъ обращаться исподоволь со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ имъ придется имѣть дѣло на войнѣ. Настойчиво проводимое въ послѣдніе годы, особенно послѣ этой войны, мнѣніе, что во время военнаго похода слѣдуетъ располагать войска въ селахъ и городахъ (при первой возможности), яко бы для сохраненія здоровья, нисколько не оправдывается ни опытами Исторіи, ни личными наблюденіями; а это ведетъ къ ускользновенію войскъ изъ рукъ начальства, къ мародерству и къ разложенію арміи. Кавказскія войска, одѣтыя въ хорошіе полушубки, теплые верблюжьи портянки, въ высокіе выше колѣнъ сапоги, не знавшія, что можно выйдти во фронтъ неряхой въ изорванномъ, но не починенномъ платьѣ и не смазанныхъ сапогахъ, живя въ палаткахъ, шалашахъ и землянкахъ, никогда и нигдѣ не замерзали, не только-что цѣлыми ротами, но даже и въ одиночку, имѣя весьма часто самую скудную пищу; а отговорокъ: «Ахъ! забыли взять полушубки!» не бывало, потому-что за подобное забываніе не поздоровилось бы тому, на комъ эта обязанность лежала.

Получая изъ школъ офицеровъ, вполнѣ подготовленныхъ къ исполненію своихъ ближнихъ обязанностей, и поставивъ службу въ полкахъ на сказанную ногу, офицеры эти будутъ продолжать свое воспитаніе и совершенствоваться въономъ безо всякихъ Учебныхъ баталіоновъ и эскадроновъ; а для того, чтобы предоставить имъ возможность получить высшее военное образованіе, необходимо имѣть такое заведеніе, и оно есть: Академія генеральнаго штаба, въ каковую слѣдуетъ допускать *только* Сотниковъ и Дружинниковъ, прокомандовавшихъ своими частями отнюдь не менѣе двухъ лѣтъ, по экзамену не теперешней программы, а по экзамену изъ военныхъ только наукъ, дающему возможность судить о степени практической дѣятельности офицера и о томъ, стоитъ ли онъ того, чтобы возиться съ нимъ и дать ему доступъ къ высшимъ чинамъ. Курсъ пребыванія въ академіи долженъ быть трехлѣтній, при чемъ всѣ науки,

имѣющія косвенное отношеніе къ военнымъ, должны быть сжаты до подобія таблицъ, а практическому примѣненію военныхъ наукъ должно быть отведено первое мѣсто. Ознакомленіе офицеровъ со всѣми родами оружій должно быть ведено, на сколько это необходимо для Главнокомандующаго самой большею Арміей, но отнюдь не для спеціалиста той или другой отрасли, т. е. Техника. Почему всѣ излишнія увлеченія, какъ-то: Геодезическое отдѣленіе, Инженерная и Артиллерійская академіи, должны быть сданы въ надлежащее Гражданское вѣдомство. Если бы Технологовъ и другихъ студентовъ оказалось бы мало, то Военное Министерство могло бы устроить свою Инженерную Академію съ подраздѣленіемъ на соотвѣтствующія спеціальностямъ отдѣленія (на манеръ Медицинской) и пополнять ее всѣми желающими, но только не строевыми Офицерами; впрочемъ туда могли бы поступать и Офицеры, но не иначе, какъ выйдя въ отставку, выдержавъ установленный экзаменъ и облекшись въ форму, учрежденную для студентовъ той Академіи. Артиллерійскіе и Саперные Офицеры должны были-бы получать первоначальное образованіе въ существующихъ нынѣ Училищахъ этого рода войскъ, а затѣмъ желающіе могли бы поступать въ Академію Генеральнаго Штаба, на общихъ основаніяхъ. Наконецъ, Академія Генеральнаго Штаба должна бы принять свое настоящее названіе: *Военная Академія*, а то вздумали звать ее Академіей Генеральнаго Штаба; она Академія вовсе не какого-то Штаба, а Академія всего войска. Вотъ, Академіи-то и слѣдуетъ придать въ полное ея распоряженіе и поселить въ одномъ зданіи теперешніе учебные: баталіонъ, эскадронъ и батарею съ простыми кадровыми Офицерами, чтобы Офицеры-Академисты могли постоянно практиковаться никому не мѣшая; если мало 3-хъ лѣтъ, то пусть курсъ будетъ 4 года, и не слѣдуетъ ничего жалѣть для Военной Академіи. Начальникомъ Академіи должно быть непремѣнно лицо отличившееся на войнѣ, что наконецъ сдѣлано теперь, чуть ли не въ первый разъ со времени основанія Академіи, по крайней мѣрѣ со времени переустройства ея въ 50-хъ годахъ. Преподавателями военныхъ наукъ должны быть обязательно люди бывавшіе на войнѣ и испытавшіе ее на практикѣ (хотя бы и не въ Генеральскихъ чинахъ; будетъ и одного Генерала—Начальника Академіи, равнаго по власти и положенію Начальнику Дивизіи). Вѣдь Военная Академія есть (по крайней мѣрѣ должна быть) Святилище, *Святая Святыхъ* военнаго искусства, такъ какъ же могутъ попадать туда люди, не только-что сами никогда не бывавшіе на войнѣ, но такъ рано изъ рядовъ войска удалившіеся, и столь мало съ нимъ знакомые, что къ нимъ нельзя даже примѣнить каламбура, примѣняемаго къ Офицерамъ, хотя *всю службу бывшимъ во фронтѣ*, но которымъ не удалось побывать въ походѣ, т. е. что они добыли чины: «*выступая на плацу шагомъ журавлинымъ*». Вѣдь теорія военнаго дѣла—одно, подготовка боеваго матеріала, т. е. воспитаніе

войскъ—другое, а примѣненіе всего этого на практикѣ—совсѣмъ и совсѣмъ иное дѣло; такъ какъ же, не имѣя понятія о двухъ сторонахъ, т. е. не бывавши въ походѣ, и не командуя никогда ни ротой, ни баталіономъ, браться судить о цѣломъ только по третьей сторонѣ? не судить только, а учить съ полною авторитетностью. Очень можетъ быть, что другой такой Преподаватель, повозившись съ практикой, и перемѣнилъ бы мнѣніе кой о чемъ какъ на пользу себѣ, такъ и на пользу всего войска. Многіе изъ этихъ преподавателей, пользуясь званіемъ Генерала, такъ легко имъ доставшимся, какъ бы не довольствуются имъ, а называются еще: *Профессорами*, *Адъюнктами*, *Доцентами* и т. п. страшными, позаимствованными изъ Гражданскаго быта прозваніями. (Это должно-быть въ отличіе отъ тѣхъ простаковъ-Генераловъ, которые бываютъ на войнѣ и во фронтѣ). Хотя Преподаватели эти люди весьма почтенные, равно какъ и труды ихъ вполнѣ достойные уваженія, но все же слѣдуетъ признать, что они: Адъюнкты, Профессоры—и только! но уже никакъ не Военачальники, Генералы. Но все же ихъ дѣло есть дѣло еще поправимое, потому-что они могутъ получить Дивизіи и во-время познакомиться еще съ тѣмъ, что не даетъ и никогда не дастъ имъ кабинетъ. Что же касается Генераловъ, о которыхъ сказано было раньше, напр. объ издателяхъ газетъ, о Телеграфныхъ, о разныхъ Техникахъ, о содержателяхъ картографныхъ заведеній и т. д., то, не отвергая нисколько права на почтеніе ихъ самихъ и ихъ дѣятельностей, можно не обинуясь сказать—что, называя ихъ Генералами, профанируется только это доблестное *фронтовое* званіе. Ну какіе же они въ самомъ дѣлѣ Военачальники, можно ли поручить имъ хоть самые маленькіе отряды послѣ того, что они вѣкъ свой провозились въ своихъ типографіяхъ и лабораторіяхъ? и теперешнія должности ихъ могутъ выполнять съ успѣхомъ образованные, а кой-гдѣ и просто наторѣлые чиновники самыхъ мелкихъ Гражданскихъ чиновъ! Они—Профессоры, Адъюнкты, Техники, Доценты, все что угодно, наконецъ Статскіе Совѣтники, но только ни не Военачальники. Если Генералъ, т. е. Атаманъ, то долженъ командовать Дивизіей, а если кто не можетъ этого, значитъ не въ свои сани сѣлъ, и надлежитъ изъ оныхъ вылѣзти. Наконецъ если всѣ Офицеры Генеральнаго Штаба, начиная со Штабсъ-Капитанскаго чина, отъ фронта отставшіе и на войнѣ еще не побывавшіе, предназначаются на высшія должности, обособливаются и облекаются въ особую форму, то почему бы не дать особой формы строевымъ Офицерамъ, *бывшимъ въ походахъ*, въ отличіе отъ прочихъ Офицеровъ и всего Войска? это было бы какъ разъ въ духѣ моды шестидесятыхъ годовъ—или по крайней мѣрѣ не ведутъ особыхъ списковъ этимъ Офицерамъ? можетъ быть, если позаняться съ ними, то изъ нихъ и вышелъ бы толкъ, не хуже чѣмъ изъ теперешнихъ Офицеровъ Генеральнаго Штаба? А такихъ Офицеровъ было не мало

послѣ Крымской и послѣдующихъ за ней войнъ; но по всей вѣроятности они потому-то и не годились къ военному дѣлу, что имѣли неосторожность побывать въ походахъ. Не того нужно было, а требовалось создать какую-то особую, превыспреннюю породу!! А такъ какъ неудобство пробовать огненное крещеніе въ первый разъ въ Генеральскомъ чинѣ слишкомъ очевидно, то слѣдовало бы установить *первымъ* условіемъ производства въ Генералы, т. е. Атаманы—пребываніе хоть въ одномъ военномъ походѣ, въ періодъ времени отъ Корнетскаго до Полковничьяго чина включительно, а вторымъ условіемъ—пребываніе въ Военной Академіи; или во всякомъ случаѣ давать старшинство бывшимъ въ походѣ противъ небывшихъ. Тогда весь ломящійся теперь на разныя легкія военныя диллетантскія должности людъ сталъ бы стараться попасть на войну хоть на окраины Государства, такъ, какъ рвалось туда со школьныхъ еще скамеекъ Дворянство незабвеннаго ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ.

Если всѣ эти измѣненія будутъ введены, тогда Военно-учебныя заведенія, Войска всѣхъ родовъ оружія, Академія и Начальство будутъ связаны между собою самымъ тѣснымъ образомъ и составлять одно неразрывное цѣлое. Не даромъ Нѣмцы подавляютъ всѣхъ и вся своею пунктуальностью и систематичностью, а Англичане говорятъ, что время—тѣ же деньги.

XIV. Полковые капиталы.

Во всѣхъ полкахъ набралось большое количество капиталовъ всякихъ наименованій, которые почти-что не употребляются на предназначенныя цѣли, увеличиваютъ только собою переписку, превращаютъ полковыя канцеляріи въ какія-то маленькія казначейства и кончаютъ весьма часто существованіе свое самымъ плачевнымъ образомъ. Будучи еще въ малыхъ чинахъ одного изъ кавалерійскихъ полковъ, я неоднократно спрашивалъ, съ какою цѣлью собирается этотъ Экономическій капиталъ и собирается съ величайшимъ усердіемъ и настойчивостью, не смотря на то, что онъ достигъ уже весьма почтенной цифры,—и получалъ всякій разъ отвѣтъ, что онъ собирается для предоставленія полку всевозможныхъ удобствъ въ военное время. Когда наступила наконецъ война, то оказалось, что по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ полкъ этотъ очутился въ томъ же безпомощномъ состояніи, какъ и всѣ прочіе полки, имѣющіе такіе же громадные экономическіе капиталы, сданные для временнаго храненія въ разныя казначейства. Въ числѣ этихъ капиталовъ имѣлась въ особой статьѣ сумма (по 4 р. 50 к.) *на полушубки для военнаго времени*, между тѣмъ какъ полушубки были куплены и высланы разными доброхотными жертвователями (преимущественно московскими купцами), а получены въ половинѣ Января 78-года, т. е. въ то время, когда успѣло уже перемерзнуть не мало народу. По возвращеніи съ войны, капиталы эти увеличи-

лись значительно, но потомъ вслѣдствіе начетовъ контрольной палаты уменьшились нѣсколько (въ иныхъ полкахъ значительно) на уплату разныхъ неправильно понятыхъ и составленныхъ во время похода счетовъ, послѣ чего капиталы эти все-таки состоятъ въ довольно кругломъ видѣ. Изъ этого видно: 1) Что капиталы эти не имѣютъ ни какой цѣли, а потому совершенно лишни и 2) Откуда берутся они при всеобщихъ отзывахъ, что отпускаемое казною довольствіе слишкомъ не достаточно? Стало быть достаточно, и на столько, что необходимо даже уменьшить его, уравнять одни отпуски на счетъ другихъ и пересмотрѣть весь способъ веденія хозяйства въ полкахъ, потому-что нѣкоторыя неровности невольно бросаются въ глаза. Напримѣръ: въ одномъ городѣ расположенъ самостоятельный кавалерійскій эскадронъ численностью въ 120 лошадей и 200 людей. Командиръ этого эскадрона составилъ въ теченіи двухъ лѣтъ экономическій капиталъ въ 23 тысячи рублей; между тѣмъ какъ квартирующіе въ томъ же городѣ и окрестностяхъ полки, численностью въ 600 лошадей и 900 людей, не представляютъ или никакого капитала, или пустяки. Хотя командиръ означеннаго эскадрона и получилъ награду, но мѣстное начальство тѣмъ только и ограничилось, не обративъ никакого вниманія на эту неравномѣрность.

Главную статью прихода экономическаго капитала, въ полкахъ армейской конницы, составляетъ фуражная часть; но часть эта обставлена такъ ненормально, что пока не будутъ передѣланы всѣ ея основанія, единичныя усилія какого нибудь командира не будутъ въ состояніи охранить интересовъ казны, и до тѣхъ поръ командиръ будетъ всегда вынужденъ имѣть подрядчика, что уже само собою не выгодно для казны, такъ какъ является третье лицо, но что необходимо командиру для огражденія себя отъ всякихъ случайностей и возможности, кромѣ отвѣтственности по службѣ, поплатиться еще личнымъ имуществомъ. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на статью о замѣнѣ овса ячменемъ и на оборотъ, статью, на которой казна потеряла страшные, неисчислимые убытки въ послѣднюю войну, кромѣ всѣхъ открытыхъ уже потерь, и на каковой статьѣ она можетъ еще не разъ поплатиться самымъ жестокимъ образомъ. Г.г. Интенданты знаютъ, въ чемъ дѣло, но многимъ частнымъ начальникамъ не въ домекъ,—на столько просто, естественно оно повидимому поставлено. Дозволено замѣнять овесъ *въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ его нѣтъ*, ячменемъ, при чемъ порція овса въ *три* гарнца равняется $2^1/_4$ гарнцамъ ячменя; положимъ, что утвержденная цѣна на Четверть овса, въ 64 гарнца, *четыре* рубля; слѣдовательно—получай деньги, путешествуй по извѣстному району и покупай овесъ или ячмень, все равно, только держись слѣдующаго правила: 1) Четверть овса, давая каждой лошади по 3 гарнца, должна хватить $21^1/_3$ лошади, а четверть ячменя, давая каждой лошади по $2^1/_4$ гарнца, должна хватить $28^4/_9$ лошадямъ, и 2) За *ячмень* не

имѣешь права платить болѣе утвержденной на овесъ цѣны+$^1/_3$ его стоимости, а за *овесъ* не имѣешь права платить болѣе того, что стоитъ ячмень—$^1/_4$ цѣны его. Я твердо знаю это правило, потому что за незнаніе его заплатилъ что-то около 120 рублей, когда, будучи еще Корнетомъ, былъ посланъ на два дня, по случаю болѣзни Квартермистра, закупать фуражъ, походомъ изъ Польши въ Малороссію, въ 1864 году; познакомившись съ этимъ разсчетомъ, я запомнилъ его навсегда и увидѣлъ, что это самый простой и удобный для казны разстетъ, и что утверждая его, она ничего другаго и не могла имѣть въ виду, потому-что при немъ только она ничего не теряла. Между тѣмъ, что же оказалось въ эту кампанію? Интендантство приняло учетъ этотъ на свое попеченіе и приказало войскамъ получать и считать въ одной цѣнѣ четверть овса въ 64 гарнца (8 мѣръ) или четверть ячменя въ 48 гарнцевъ (6 мѣръ). Повидимому разсчетъ этотъ вполнѣ вѣренъ, потому-что и казна платитъ одну и ту же цѣну какъ за овесъ, такъ и за ячмень, и войска получаютъ зерно по узаконенному разсчету, т. е. вмѣсто 3-хъ гарнцевъ овса $2^1/_4$ гарнца ячменя, и что перемѣна эта, какъ совершенно однозначащая, сдѣлана такъ! но вглядѣвшись внимательнѣе окажется, что это вовсе не *такъ*; во первыхъ, какимъ же образомъ записать на приходъ *четверть* ячменя, когда вмѣсто 64-хъ гарнцевъ получилъ всего 48; какая же это четверть? Прежде, получая четверть ячменя, мы всегда получали неизмѣнные 64 гарнца и знали только, что эта четверть должна хватить не на 21 лошадь, а на 28; а теперь, хотя усчитать тоже возможно, но это повело къ нескончаемымъ путаницамъ и ошибкамъ въ составленіи Отчетныхъ листовъ и къ многочисленнымъ начетамъ впослѣдствіи. А во вторыхъ, при прежнемъ разсчетѣ невозможно было не выставлять въ счетахъ, сколько именно заплачено за овесъ и сколько за ячмень, такъ-что разница въ цѣнѣ этихъ продуктовъ была на лицо, и ее всегда можно было провѣрить, спустя даже долгое время; при теперешнемъ же разсчетѣ это оказалось невозможнымъ и совершенно лишнимъ; а изо всего этого произошло вотъ что: оказалось, что въ Турціи: 1) въ иныхъ мѣстахъ овесъ и ячмень въ одной цѣнѣ—вотъ уже казна теряетъ тѣмъ, что платя одинаковую цѣну за ячмень, его не хватаетъ, какъ-бы слѣдовало, на 28 лошадей, а хватаетъ, какъ овса, всего на 21 лошадь, потому-что ячменя отпускаютъ намъ не 64 гарнца, а всего 48, и 2) что въ большинствѣ случаевъ ячмень былъ *дешевле* овса—тутъ казна теряетъ уже сильно, какъ на переплачиваемой на ячмень цѣнѣ, такъ и на томъ, что хватаетъ его на то же число лошадей, какъ и при овсѣ, что въ счетахъ всей Арміи составляетъ уже громадную цифру. Но и этого мало; оказалось, что въ Турціи зерно продается не четвертями, а *килами*, имѣющими 21 нашихъ «мѣры», т. е. 168 гарнцевъ, и что она стоила еще въ Сентябрѣ 1877 года по 3 съ немногимъ серебряныхъ рубля (около 5 р.

бумажныхъ), цѣну,—которую мы сами платили и въ Румыніи, въ Митхадъ-Пашѣ, въ Горномъ Студнѣ, Турской-Сливѣ и проч. Такъ вотъ Интендантство, купивъ килу ячменя за пять рублей, фабриковало изъ нея 3 четверти 3 мѣры (по казенному счету), да подсыпало еще туда кугелю и проч. травяныхъ не съѣдомыхъ катышокъ, такъ-что выходило еще больше; сдавало все это въ полки и получало изъ казны уже не пять рублей, а трижды или четырежды того, что было положено за четверть овса. Но кромѣ этого Интендантство захватывало лично мнѣ извѣстные склады зерна, гдѣ часть этого зерна можно было купить за сказанную цѣну, а другую (бо̀льшую) часть можно было брать даромъ, потому-что Болгарскіе Старшины этихъ селъ прямо указывали, что вотъ такіе-то Амбары (или Ямы) наши, и мы продаемъ зерно кому угодно, а вотъ такіе-то амбары Турецкіе, отъ денегъ за это зерно мы отказываемся, потому-что не считаемъ его своимъ, а считаемъ его принадлежащимъ вамъ, какъ хозяевамъ страны. Интендантство завладѣло этими селами и поставило въ нихъ казачьи караулы, съ воспрещеніемъ продавать зерно это войскамъ. Донесли мнѣ объ этомъ мои фуражиры, которыхъ я сталъ нажимать за то, что они ѣздятъ слишкомъ по долгу Богъ знаетъ куда, когда есть села гораздо ближе; когда они отвѣтили, что оттута брать не позволяютъ, потому-что все зерно закуплено Интендантствомъ, я послалъ Юнкера узнать, все какъ слѣдуетъ, и тотъ подтвердилъ, что зерна не даютъ, дѣйствительно, но что оно вовсе не закуплено; а приведенные на слѣдующій день Старшины и Казаки окончательно подтвердили это. Если Интендантство или «кампанія» дѣйствовали такъ въ интересахъ казны, т. е. не брали съ нея ничего за добытое такимъ способомъ зерно и это помѣщено въ разсчетахъ, это еще полъ-бѣды; но объ этомъ что-то ничего не было слышно, почему командующій войсками Западнаго Отряда, по завладѣніи г. Врачешемъ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, назначилъ комендантомъ оказавшихся тамъ складовъ строеваго офицера и тотъ раздавалъ зерно подъ квитанціи, такъ-что оно дѣйствительно не пропало для казны. Вотъ чѣмъ отзываются самыя невинныя на видъ перемѣны названій и переиначиванья старинныхъ уставовъ.

При пересмотрѣ фуражной части, надо ввести слѣдующее: 1) Если во время военнаго похода войска будутъ промышлять даровой фуражъ, хлѣбъ, порціонную скотину, дрова, и т. д. и если невозможно устроить правильно организованной раздачи этихъ продуктовъ, то Главнокомандующій долженъ отдать приказъ, что столько-то дней такого-то мѣсяца должны быть выключены на полученіе изъ казны того или другаго продукта, а полки должны записывать на приходъ въ Отчетные листы: *«отъ непріятеля получено такого-то продукта сколько-то»* и выводить въ расходѣ на общихъ основаніяхъ.

2) Откроется много лишнихъ отпусковъ, которые слѣдуетъ уничто-

жить, а взамѣнъ того прибавить армейскимъ лошадямъ сѣна, такъ какъ 10-ти фунтовъ дѣйствительно мало, надо никакъ не менѣе 14-ти фунтовъ.

3) Гвардейскимъ лошадямъ, вмѣсто 4-хъ гарнцевъ овса и 10-ти фун. сѣна отпускать 3 1/2 гарнца овса и 14 ф. сѣна. Могу сказать утвердительно, что гвардейскія лошади всегда получали и получаютъ именно эту дачу, дѣлая этотъ обмѣнъ домашнимъ образомъ: положимъ, что четверть овса стоитъ 5 р. 20 к., а сѣно хотя бы 40 к. пудъ; стало быть гарнецъ овса стоитъ 8 1/8 коп., а 1/2 гарнца 4 1/16 коп. и 4 ф. сѣна стоютъ тоже 4 коп., слѣдовательно казна ничего не теряетъ; но я взялъ эти цѣны нарочно, потому-что овесъ стоитъ всегда около этой цѣны въ Петербургѣ, между тѣмъ какъ 40 коп. для казенной цѣны сѣна есть рѣдкое исключеніе; обыкновенная цѣна его колеблется между 18-ю—30-ю копѣйками, и тогда барышъ на полугарнцѣ овса становится значительнѣе и идетъ на разныя улучшенія хозяйства эскадроновъ; но гораздо лучше удалять войска и не навязывать имъ никакой купли, продажи, обмѣновъ и сдѣлокъ съ магазинами, сдѣлокъ правда нескрываемыхъ, дозволенныхъ, но такъ какъ отъ дозволеннаго до недозволеннаго всего одинъ шагъ, такъ пускай ихъ не будетъ вовсе и войска получаютъ то, что имъ слѣдуетъ.

4) На каждаго человѣка полагается по 2 ф. 25 1/2 золотниковъ въ сутки муки, или по 3 ф. печенаго хлѣба, но доказано вполнѣ, что при хорошо организованномъ хлѣбопеченіи *одинъ* пудъ муки даетъ *1 пудъ 20 фунт.* хлѣба, а при неудобно устроенномъ хлѣбопеченіи одинъ пудъ муки не смѣетъ давать менѣе 1 пуда 17-ти—18-ти фун. хлѣба, каковой разсчетъ требуется съ насъ, и деньги, вырученныя отъ продажи экономической муки, идутъ: въ Гвардіи,—на непосредственное улучшеніе пищи, а въ Арміи записываются въ экономическій капиталъ, откуда выцарапать ихъ не легко и которыя пропадаютъ такимъ образомъ для солдатской пищи. А потому слѣдуетъ отпускать по *два* фунта муки на каждаго человѣка въ *сутки* на хлѣбъ и по 1 1/2 ф. на каждаго человѣка въ *мѣсяцъ* на квасъ, что вполнѣ достаточно, а вмѣсто того Армейскимъ войскамъ, получающимъ *крупы* по 32 золотника въ сутки на человѣка, что весьма недостаточно, уравнять эту дачу съ Гвардейской порціей, т. е. отпускать по 40 золотниковъ крупъ; тогда, принявъ въ разсчетъ существующія цѣны и количество эскадрона во 150 человѣкъ, получится слѣдующій разсчетъ:

Куль муки въ 9 пуд. вѣсу стоитъ 9 р., т. е. 1 пуд.=1 р., а фун.=2 1/2 к.
Куль крупы въ 8 пуд. » » 13 р., т. е. 1 пуд.=1 р. 26 1/2 к., а фун.=4 1/20 к.

Удержавъ по 25 1/2 золотниковъ муки на каждомъ человѣкѣ и прибавивъ ему по 8 золотниковъ крупы, будетъ:

Экономіи муки на 150 человѣкахъ въ мѣсяцъ	=29 пуд.	35 фун.	23 зол.		
выключивъ 5 п. 20 ф. на квасъ, остается	=24 »	10 »	20 »	=24 р.	25 к.
Прибавки крупъ на тоже количество	9 »	15 »		=15 р.	27 к.

Казна выигрываетъ на каждыхъ 150 Армейцахъ въ мѣсяцъ по 8 р. 98 к.,

да на каждыхъ 150 Гвардейцахъ въ мѣсяцъ по 24 руб. 25 коп., кушъ далеко не маловажный. Кромѣ этого, при обмѣнѣ этихъ продуктовъ домашнимъ образомъ, войска не выручаютъ никогда настоящей стоимости ихъ, а получаютъ значительно дешевле, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда обращаются прямо въ Интендантство, которое ухищряется дѣлать копѣекъ по 50 и болѣе вычету съ каждаго куля. А вмѣсто этого пріобрѣтенія казнѣ слѣдовало бы прибавить войскамъ *на приварокъ* какую нибудь *долю копѣйки*, или же составлять *нормальную раскладку*, сообразуясь съ болѣе подходящими къ дѣйствительности цѣнами, на *полъ-фунта мяса* и на прочіе продукты.

5) *Сукно.* Сколько должно быть экономіи, т. е. *прикрою*, отъ извѣстнаго количества мундирныхъ паръ и шинелей, высчитано до послѣдняго вершка; сколько должно пропадать *на усушку* послѣ смачиванья суконъ, тоже хорошо извѣстно и требуется съ насъ въ аккуратности; такъ не отпускайте этихъ излишковъ, которые намъ вовсе не нужны, расходятся такъ, или гніютъ въ цейхгаузахъ; между тѣмъ какъ годовой итогъ всѣхъ этихъ излишковъ на всю армію составитъ громадный разсчетъ; а вмѣсто этого уменьшите сроки нѣкоторыхъ вещей, напр. шаровары въ конницѣ изнашиваются очень скоро; шинели, какъ въ конницѣ такъ и въ пѣхотѣ, тоже сильно и скоро изнашиваются; попоны, кромѣ того что лошади занашиваютъ ихъ, но ихъ трутъ еще каждый Божій день на ѣздѣ, потому-что они составляютъ покрышку сѣдла и солдаты таскаютъ въ нихъ обмундировку изъ цейхгауза, хлѣбы изъ кухни и т. д. (хотя это строго воспрещается). Если нельзя сбавить по году, то пусть сбавятъ хоть по полъ-году, и то будетъ хорошо. А между тѣмъ интендантство не прочь выдумывать войскамъ такіе учеты, которые врядъ ли нужны Государственному Казначейству, да врядъ ли ему и извѣстны, напр.:

6) Въ каждой отпускаемой штукѣ сукна есть *кромка*, т. е. полоска съ краю въ вершокъ ширины, ни въ какую работу негодная, и потому никогда прежде въ разсчетъ не принимавшаяся; полки употребляли ее на обертку оружія, трубаческихъ инструментовъ, плели изъ нея подстилки, даже попонки и вообще раздавали эту дрянь всякому солдату, которому она на что нибудь понадобится; вдругъ эта кромка понадобилась на что-то Интендантству, и оно стало обрѣзывать его само, или высчитывать за нее нѣсколько копѣекъ, или включать ее въ счетъ сукна.

7) Согласно дѣйствующихъ постановленій муку и крупу усчитываютъ или вѣсомъ, или мѣрою (т. е. четверти, мѣры, гарнцы); полкамъ приходится расходовать продуктъ этотъ вѣсомъ, что гораздо удобнѣе, понятнѣе и наконецъ потому, что всѣ прочіе съѣдобные продукты усчитываются вѣсомъ; но Интендантство усчитываетъ полки мѣрою, вслѣдствіе чего полкамъ приходится вести двойной счетъ: съ эскадронами на вѣсъ, а съ Интендантствомъ на мѣру, и чтобы не сбиваться

отдавать въ приказѣ полку: *«Получить столько четвертей муки, равняющихся столькимъ-то пудамъ и фунтамъ!»*, но и въ получаемыхъ куляхъ есть двойственность: казенный куль или *четверть* равняется 7 пуд. 10 фунтамъ, а купеческій куль равняется 9 пудамъ муки, каковыми кулями Интендантство и снабжаетъ полки, такъ-что кули эти приходится переводить сначала на казенныя четверти, а потомъ уже переводить на вѣсъ для домашняго обихода. Было бы гораздо проще навалить повозку кулями всякихъ наименованій, свѣсить ее, высыпать муку въ свои закрома, т. е. лари, свѣсить опять повозку съ порожними кулями, и тогда получится самый вѣрный и простой учетъ муки; но въ томъ-то запятая и есть! Интендантство и зубами и ногами держится за мудреный счетъ «на мѣру» по слѣдующимъ причинамъ. Для облегченія, будто бы, трудовъ, по счетной части Гг. Интендантовъ (войско существуетъ для нихъ, а не они для войска) узаконено считать, что четверть муки имѣетъ 7 пуд. 10 фун. чистой муки и 5 фун. на вѣсъ рогожки; куль муки имѣетъ 9 пуд. чистой муки и 5 фун. на вѣсъ рогожки; куль крупы имѣетъ 8 пуд. чистой крупы и 10 фун. на вѣсъ *двухъ* рогожекъ; но на самомъ дѣлѣ такихъ легкихъ рогожекъ не бываетъ, а каждая изъ нихъ вѣситъ 10—12 и болѣе фунтовъ, да кромѣ того нѣкоторые кули бываютъ зашиты въ двѣ, три рогожки (яко бы для того, чтобы мука не просыпалась, вмѣсто того, чтобы зашить ее въ одну, но не рваную), почему въ каждой получкѣ оказывается недоборъ въ 3—4 и болѣе пуда, а въ получкѣ за весь мѣсяцъ недоборъ этотъ оказывается значительно большимъ и не смотря на всѣ затѣваемые время отъ времени споры изъ-за этого, полки остаются постоянно ни съ чѣмъ, слѣдовательно никогда не получали и не получаютъ 2 фунтовъ $25^1/_2$ золотниковъ муки на человѣка. Ссылка Интендантовъ на купцовъ совершенно неумѣстна, потому-что купцы продаютъ продуктъ этотъ на вѣсъ, хотя держатъ его въ куляхъ, и въ случаѣ недостатка положеннаго вѣса муки немедленно безо всякаго разговора добавляютъ ее изъ другихъ кулей.

8) Было время и еще не такъ давно, когда рогожки отъ кулей считались предметомъ ничего нестоющимъ, и потому составляли собственность эскадроновъ и были большимъ подспорьемъ въ домашнемъ обиходѣ; солдаты дѣлали изъ нихъ швабры для казармъ, метелки для конюшенъ, носилки для новоза, занавѣски и загородки отъ солнца и вѣтра, мочалки для бань и для замывки лошадей, набивку для подушекъ и тюфяковъ, сами спали на нихъ и укрывали ими на ночь лошадей, чѣмъ значительно сберегали попоны; но вдругъ и рогожки потребовались на что-то Интендантству, и оно заставило сдавать ихъ обратно, а за удержанныя въ полкахъ наложило пошлину, сначала очень скромную, по копѣечкѣ, по двѣ съ куля; ко времени командованія мною эскадрономъ цѣна ихъ возвысилась уже до 5 коп. и затѣмъ

возросла очень быстро до 25 и 30 копѣекъ (должно быть тоже *всеобщее вздорожаніе отъ цивилизаціи)*, точно будто чай въ дорогихъ цыбикахъ, да и того, если взять 20 фунтовъ, то цыбикъ и еще какую нибудь штучку купцы отдаютъ въ придачу; а тутъ торговля происходитъ на сотни тысячъ рублей и Гг. Интенданты увѣряютъ, что купцы не соглашаются отдавать рогожки въ придачу. Между тѣмъ разсказываютъ, что дѣло было вотъ какъ: какой-то маленькій Интендантскій чиновникъ накопилъ извѣстное количество рваныхъ кулей, и такъ какъ добро это не считалось казеннымъ, то онъ и продалъ эту рвань мусорщикамъ и мебельщикамъ; объ этомъ пронюхалъ болѣе старшій чиновникъ, сообразившій, что на этихъ рогожкахъ можно устроить болѣе грандіозный гешефтъ, разумѣется въ пользу казны, и устроилъ, чтобы купцы обязательно принимали порожніе кули въ счетъ причитающейся имъ за товаръ платы; послѣ чего само собою пришлось отбирать рогожки изъ полковъ, а за недостающіе вычитать деньги. Если все это записывается аккуратно по счетнымъ книгамъ и доставляетъ казнѣ большой доходъ, то объ этомъ и говорить нечего; но если доходъ казны не особенно великъ, то рогожки и кромки слѣдуетъ отдавать солдатамъ.

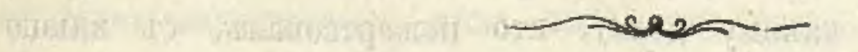
9) Слѣдуетъ приказать Интендантству завести во всѣхъ магазинахъ болѣе современные и удобные возовые вѣсы, да не одни, а нѣсколько, потому-что магазину, снабжающему нѣсколько тысячъ войска, невозможно обойтись одними вѣсами; пріемщики скопляются, выжидаютъ очереди по цѣлымъ суткамъ на дождѣ и вѣтру и поневолѣ должны соглашаться принимать возы на глазъ; а имѣющіеся теперь на показъ временные вѣсы, устроенные изъ двухъ положенныхъ на крестъ деревянныхъ балокъ, столь удобны, что тяжесть въ два и три пуда для нихъ нечувствительна, почему на каждомъ взвѣшиваемомъ возѣ полки лишаются по 4 и 5 пудовъ сѣна, что составляетъ большой недочетъ въ мѣсячномъ итогѣ. Американскіе возовые вѣсы системы «Фербэнкса» стоятъ 400 рублей, взвѣшиваютъ тяжести отъ 200 пудовъ до 3 золотниковъ и могутъ быть удобно перевозимы съ мѣста на мѣсто; расходъ не особенно великъ и могъ бы быть легко покрытъ изъ отобранныхъ *кромокъ*, рогожекъ и проч. недовѣсовъ.

Если все сказанное будетъ приведено въ исполненіе, то экономическіе остатки въ полкахъ будутъ значительно меньше и значительно равномѣрнѣе; затѣмъ полки должны быть освобождены ото всякихъ излишнихъ капиталовъ, съ которыми можно распорядиться слѣдующимъ образомъ: 1) Капиталы, пожертвованные разными лицами на вѣчныя времена, съ благотворительною цѣлью, должны быть сданы въ Государственное Казначейство, а взамѣнъ ихъ должны быть выданы на каждый изъ капиталовъ именныя облигаціи, на первомъ листѣ коихъ слѣдуетъ написать: какая сумма, какому полку, кто пожертвовалъ, съ какою

цѣлью, въ подробности; а на другомъ листѣ купоны изъ пяти процентовъ, на извѣстное число лѣтъ. 2) Всѣ экономическіе капиталы, собранные для военныхъ и хозяйственныхъ цѣлей, но никогда оныхъ не достигающіе (случается, что приказываютъ передавать изъ одного эскадрона въ другой, а также изъ полка въ другой, по нѣсколько тысячъ въ займы; а черезъ нѣсколько времени приказываютъ исключить долгъ этотъ изъ списковъ. Вы сберегали, а тѣ транжирили, и по дѣломъ вамъ, впередъ транжирьте и вы), должны быть тоже сданы въ Казначейство, но уже совсѣмъ, для составленія *перваго* фонда **Военнаго Капитала**, которому долженъ вестись особый счетъ, до полковъ вовсе не касающійся. *Вторымъ* фондомъ военнаго капитала должны быть всѣ экономическіе капиталы, собранные разными Штабами и Управленіями, и ихъ скопилось тамъ не мало. *Третьимъ* фондомъ должны быть деньги, вносимыя за вынутіе воинскаго жребія лицъ, непригодныхъ для фронтовой службы. *Четвертымъ* фондомъ должны быть ежегодные взносы какъ съ войсковыхъ лицъ, такъ и съ военныхъ чиновниковъ; съ нижнихъ чиновъ можно вычитать по копѣйкѣ въ треть, т. е. по три копѣйки въ годъ, а съ офицеровъ, начиная отъ рубля въ мѣсяцъ и больше по чинамъ; это такія деньги, которыя для каждаго лица въ отдѣльности не имѣютъ ровно никакого значенія, а будучи собранными съ цѣлой Арміи за годъ—составятъ громадный, годъ изъ году увеличивающійся кушъ. Капиталъ этотъ долженъ расходоваться исключительно на обзаведеніе всего необходимаго, на случай войны, освобождая отъ этого по возможности Государственное Казначейство, а также на пенсіи нижнимъ чинамъ и на увеличеніе пенсій офицеровъ. Затѣмъ въ полкахъ должны оставаться только деньги на текущее довольствіе, и остающіеся къ концу года экономическіе остатки, кромѣ нерозданнаго по какому-либо случаю жалованья и неуплаченныхъ за разные неполученные заказы и недоконченныя работы денегъ, должны быть сдаваемы въ Казначейства для составленія *пятаго* фонда Военнаго Капитала. Тогда полки, неимѣя капиталовъ, будутъ вести хозяйство осмотрительнѣе и будутъ освобождены отъ весьма многихъ лишнихъ хлопотъ и лишней переписки; а казна, отпуская полкамъ *все*, что слѣдуетъ, убѣдится весьма скоро, что прямые отпуски на такъ называемыя теперь *«разныя мелочи, на которыя нѣтъ отпуска отъ казны»*, обойдутся гораздо дешевле и будутъ гораздо нравственнѣе, чѣмъ всѣ теперешнія побочныя передачи на иныхъ отрасляхъ хозяйства.

С. Д. Шевичъ.

22 Декабря 1883 г.
С.-Петербургъ.

2007099016